купается художественностью формы, какою владѣютъ немногіе поэты. Особенно привлекали Батюшкова произведенія итальянскихъ поэтовъ, которыхъ онъ свободно читалъ въ подлинникахъ, хотя и по этому отдѣлу оставилъ весьма немного стихотвореній. Сюда относятся: Умирающій Тассъ, Вечеръ, На смерть Лауры, отрывки изъ поэмъ: Освобожденный Іерусалимъ Тассо и Неистовый Орландъ Аріоста. Изъ прозаическихъ сочиненій Батюшкова, кромѣ упомянутой рѣчи, были извѣстны въ свое время слѣдующія: 1) Нѣчто о поэтѣ и поэзіи; 2) о характерѣ Ломоносова; 3) вечеръ у Кантемира (въ формѣ діалога); 4) Письмо о сочиненіяхъ Муравьева; 5) Аріостъ и Тассъ; 6) Петрарка; 7) повѣсть «Боккаччіо» Гризельда и др. Критическія статьи Батюшкова лишены по большей части серьезности и наполнены такими взглядами, которые не ставятъ нашего поэта выше своего вѣка, при всемъ его поэтическомъ дарованіи, котораго отнять отъ него нельзя. Въ своей рѣчи О вліяніи легкой поэзіи на языкъ, говоря о заслугахъ предшествовавшихъ ему поэтовъ, онъ не различаетъ ихъ по степени таланта, для него одинаковаго достоинства заслуживаютъ поэтическія произведенія Державина, Мерзлякова, Востокова, Муравьева, произведенія Дмитріева онъ ставитъ выше басенъ Крылова, несмотря на то, что послѣдній отличается самобытностью, о которой и помину нѣтъ въ басняхъ Дмитріева. Разбирая произведенія Муравьева, Батюшковъ видитъ въ нихъ такія достоинства, какихъ, по его мнѣнію, нельзя найти въ лучшихъ произведеніяхъ иностранныхъ писателей, между тѣмъ Муравьевъ, достойный полнаго уваженія какъ дѣятель общественный и какъ образованный человѣкъ, принадлежитъ къ числу стихотворцевъ ломоносовской школы и писалъ стихи, исполненные риторики. Говорить о произведеніяхъ Муравьева какъ о произведеніяхъ такого человѣка, имя котораго перейдетъ къ другому поколѣнію, значитъ не обладать критическимъ даромъ. Въ этомъ случаѣ Батюшковъ оставался вѣренъ воззрѣніямъ, господствовавшимъ въ его время.—Батюшковъ обладалъ несомнѣннымъ поэтическимъ дарованіемъ; сочувствуя поэзіи древнихъ, онъ въ совершенствѣ передавалъ ея форму и въ этомъ случаѣ стоитъ гораздо выше многихъ изъ современныхъ ему русскихъ поэтовъ. Правда, въ нѣкоторыхъ его стихотвореніяхъ какъ напр., въ элегіи «На развалинахъ замка въ Швеціи», встрѣчаются обороты и слова изъ славянскаго языка, но надо принять во вни-

маніе, что Батюшковъ писалъ еще въ то время, котда въ литературѣ нашей продолжали господствовать старыя преданія о красотѣ славянской рѣчи. Воспѣвая наслажденія жизни, Батюшковъ однакожъ отдалъ дань романтизму, съ представителемъ котораго онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Въ стихотвореніи «къ Другу» поэтъ сомнѣвается въ прочности всего земнаго, въ существованіи постояннаго счастья, т. е. проводитъ тѣ же идеи, какія лежатъ въ основаніи поэзіи Жуковскаго и нѣмецкихъ романтиковъ. Подобныя идеи конечно не гармонируютъ съ основными мотивами антологіи Батюшкова, всегда исполненной веселости и дифирамба тѣмъ благамъ, которыя доставляетъ человѣку земная жизнь.

Съ именемъ Батюшкова тѣсно связывается имя его друга, Гнѣдича, также страстнаго поклонника античной музы. Николай Ивановичъ Гнѣдичъ (1784—1833) родился въ Полтавѣ и первоначальное образованіе получилъ въ семинаріи, откуда перешелъ въ 1800 году въ московскій университетъ. Первыми его произведеніями были переводы трагедіи Дюси «Абифоръ и Шиллера» «Заговоръ Фіеско въ Генуѣ». Сочувствуя театру, Гнѣдичъ и впослѣдствіи продолжалъ заниматься переводами драматическихъ произведеній иностранныхъ писателей. Но главнымъ трудомъ его, за который имя Гнѣдича навсегда останется вѣчнымъ, былъ переводъ Иліады Гомера. Гнѣдичъ хорошо зналъ греческій языкъ и греческую литературу и, кромѣ Иліады, перевелъ еще идиллію Ѳеокрита «Сиракузянки или праздникъ Адониса», присоединивъ къ переводу, въ видѣ предисловія, разсужденіе объ идилліи. Переводъ Иліады продолжался болѣе 20 лѣтъ; помимо дарованія, онъ требовалъ отъ переводчика строгаго изученія подлинника сообразно со всѣми комментаріями, какія существовали на произведеніе Гомера въ западной литературѣ. Тяжелый трудъ вредно повліялъ на здоровье, которое еще болѣе разстроивалось подъ вліяніемъ одиночества, на что Гнѣдичъ намекаетъ въ своемъ стихотвореніи «Дума». Несмотря на пользованіе кавказскими минеральными водами, здоровье Гнѣдича становилось все хуже и хуже и наконецъ постоянная болѣзнь свела его окончательно въ могилу. Гнѣдичъ похороненъ на кладбищѣ Александро-Невскаго монастыря; стараніями друзей ему поставленъ надгробный памятникъ, на которомъ находится слѣдующая надпись: «Гнѣдичу, обогатившему русскую словесность переводомъ Омира». Рѣчи изъ устъ его вѣщихъ сладчайшія

меда лилися». Послѣднія слова взяты изъ первой пѣсни Иліады. Приступивъ къ переводу Иліады, Гнѣдичъ хотѣлъ сначала подражать Кострову, который переводилъ Гомера александрійскими стихами, но потомъ обратился за совѣтомъ къ графу Уварову, бывшему министру народнаго просвѣщенія, знатоку классической литературы. Въ письмѣ къ Гнѣдичу, Уваровъ объяснилъ необходимость переводить Гомера размѣромъ подлинника, т. е. гекзаметромъ, и тогда Гнѣдичъ принялся переводить снова, оставивъ въ сторонѣ трудъ Кострова. Своимъ переводомъ Гнѣдичъ, можно сказать, обогатилъ русскую литературу. Помимо того, что Иліада сообщаетъ намъ обильный матерьялъ для изученія религіозныхъ и другихъ воззрѣній древнихъ грековъ, въ ней мы находимъ такія художественныя сцены, которыя необходимо изучить, чтобы понимать искусство, процвѣтавшее вообще у древнихъ грековъ. Главное достоинство перевода Гнѣдича заключается въ его точности, но за то онъ лишенъ той простоты и безыскусственности, которыя присущи подлиннику, какъ образцу первобытнаго народнаго творчества. При всемъ своемъ образованіи и при основательномъ знакомствѣ съ древнегреческимъ языкомъ, Гнѣдичъ оставался вѣренъ принципу ложноклассической критики, и вотъ почему его переводъ изобилуетъ славянскими оборотами и часто отличается торжественностью, совершенно не свойственною поэзіи Гомера, произведенія котораго есть все-таки плодъ младенчески наивнаго воображенія. Между тѣмъ, въ предисловіи, которое приложено къ переводу Иліады, видно, что Гнѣдичъ понималъ Гомера и основательно вникъ въ сущность его произведенія. Но господствовавшая теорія такъ укоренилась въ нашей критикѣ, что отъ нея не могли отрѣшиться даже такіе даровитые люди, какъ Гнѣдичъ. Изъ оригинальныхъ произведеній Гнѣдича особеннаго вниманія заслуживаетъ идиллія «Рыбаки», содержаніе которой заимствовано изъ русской жизни. Идиллія написана въ формѣ разговора двухъ рыбаковъ, промышлявшихъ на одномъ изъ пустынныхъ невскихъ острововъ. Младшій рыбакъ—искусный игрокъ на свирѣли, привлекавшій къ себѣ окрестныхъ жителей своей дивной игрой. Старшій рыбакъ находитъ, что игра мѣшаетъ занятію, что она безполезна и можетъ довести до нищеты. Во второй части идилліи младшій рыбакъ разсказываетъ старику о томъ, какъ одинъ бояринъ увлекшись его игрой, подарилъ ему дорогую свирѣль и новый неводъ. Идиллія окан-

чивается примиреніемъ стараго раба и желаніемъ молодаго передать и внукамъ свою любовь къ пѣснямъ и игрѣ. Идиллія Гнѣдича заключаетъ въ себѣ много вѣрныхъ мыслей, и написана мастерски, но, къ сожалѣнію, лица, въ ней представленныя, по своимъ понятіямъ скорѣе походятъ на древнихъ грековъ, чѣмъ на простыхъ русскихъ рыбаковъ.

Обозрѣвая литературу карамзинскаго періода, мы видимъ, что она сдѣлала значительный шагъ впередъ какъ въ формѣ, такъ и въ содержаніи. Литературный языкъ сдѣлался доступнымъ для большинства читателей, а вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствовалъ тому, что просвѣщеніе и литература перестали быть достояніемъ немногихъ, и распространились въ массѣ тогдашняго общества. Сантиментализмъ Карамзина и романтизмъ Жуковскаго значительно оживили нашу литературу, болѣе или менѣе сблизили ее съ дѣйствительностью, для которой не было мѣста въ ложноклассическихъ произведеніяхъ. Безъ сомнѣнія, романтизмъ—заключалъ въ себѣ свои недостатки: поэты, подобные Жуковскому, отчасти не достигали того, что было ихъ задачею, но новое направленіе важно уже по своимъ послѣдствіямъ, которыя явно обнаружились въ произведеніяхъ послѣдующихъ писателей. Вопросъ о романтизмѣ связывается съ вопросомъ о народности. Романтизмъ, какъ особенное литературное направленіе, въ различныхъ странахъ Европы имѣлъ различный характеръ. Жуковскій перенесъ въ нашу литературу романтизмъ нѣмецкій со всѣми его особенностями, а между тѣмъ въ европейской литературѣ дѣйствовали писатели, произведенія которыхъ хотя и не походили на образцы нѣмецкой поэзіи, однакоже ихъ относятъ также къ романтической школѣ, разумѣя подъ этой послѣдней—стремленіе придать литературѣ новое движеніе. Таковы, напр.: произведенія великаго Байрона, вліяніе котораго отразилось и у насъ, романы французскаго писателя В. Гюго и другихъ. Писатели не довольствовались идеалами прошлой жизни, стали обращаться къ окружающей ихъ дѣйствительности, и такъ какъ послѣдняя была исполнена многихъ недостатковъ, то литература приняла отрицательное направленіе, не переставая однакоже создавать идеальную жизнь какъ образецъ для подражанія. То же самое мы замѣчаемъ и въ русской литературѣ. Рядомъ съ романтизмомъ и сантиментальностью Жуковскаго и Карамзина, въ нашей литературѣ появляется стремленіе къ изученію рус-

ской жизни, которой мы рѣшительно не видимъ въ произведеніяхъ двухъ главныхъ представителей настоящаго періода. Повѣсти Карамзина и его послѣдователей, за весьма немногими исключеніями, изображаютъ собственно отвлеченную жизнь, а не тѣ явленія, которыя окружали писателей. Когда начались реформы Александра I, то часть общества примкнула къ нимъ, находя необходимымъ измѣнить существующій порядокъ вещей; подъ вліяніемъ этого общественнаго движенія стала развиваться и литература въ лицѣ лучшихъ ея представителей: Крылова и Грибоѣдова.

Литературная дѣятельность Крылова началась еще въ прошломъ столѣтіи, но въ этотъ періодъ времени Крыловъ шелъ по тому направленію, которое положено было другими, современными ему писателями. Слава Крылова основывается на басняхъ, сочиненіе которыхъ относится ко времени царствованія Александра I. Иванъ Андреевичъ Крыловъ (1768—1844) родился въ Москвѣ, но первые годы дѣтства провелъ въ Оренбургѣ, гдѣ служилъ его отецъ, армейскій офицеръ, извѣстный своею защитой Яицкой крѣпости отъ Пугачева и его сообщниковъ. По прекращеній военныхъ дѣйствій, отецъ Крылова вышелъ въ отставку и, переселившись въ Тверь, вскорѣ умеръ, оставивъ одинадцатилѣтняго сына на рукахъ матери. Довольно рано стали проявляться умственныя способности мальчика: онъ безъ всякаго руководительства прочиталъ нѣсколько книгъ изъ отцовской библіотеки и, будучи 15 лѣтъ, написалъ оперу «Кофейница», въ которой обнаружилъ свою наблюдательность и неподдѣльную остроту ума. Вынуждаемый крайнею бѣдностью, Крыловъ опредѣлился канцеляристомъ въ тверской магистратъ на самое скудное жалованье. Въ свободные отъ службы часы, онъ любилъ проводить время на базарахъ и площадяхъ, на которыхъ происходили кулачные бои, или на плоту, куда стекались водовозы и прачки. Это и было школой, въ которой молодой Крыловъ наблюдалъ за коренными свойствами русскаго человѣка и знакомился съ его языкомъ, на которомъ онъ писалъ впослѣдствіи свои басни. Переселившись въ Петербургъ, Крыловъ поступилъ на службу въ казенную палату съ жалованьемъ въ два рубля въ мѣсяцъ, но, по прошествіи шести лѣтъ, когда умерла мать, онъ вышелъ въ отставку и посвятилъ себя литературѣ. Первыми его произведеніями были ложноклассическія трагедіи «Филомела» и «Клеопатра», которыя онъ представилъ Дмитревскому, но

*

тотъ нашелъ ихъ крайне неудовлетворительными. За трагедіями слѣдовало изданіе журналовъ «Почта Духовъ», «Зритель», «С.-Петербургскій Меркурій». Всѣ эти журналы отличались сатирическимъ направленіемъ; въ нихъ издатель осмѣивалъ тѣ же нравы, какіе служили матерьяломъ и для прежнихъ журналовъ, съ тѣмъ только различіемъ, что сатира Крылова заключала въ себѣ больше глубины и излагалась всегда болѣе легкимъ и чистымъ языкомъ. Лучшими сатирическими статьями самого Крылова были: «Восточная повѣсть Каибъ», гдѣ осмѣиваются ложноклассическая ода, и «Похвальная рѣчь моему дѣдушкѣ», въ которой чрезвычайно остроумно изображается праздная жизнь помѣщиковъ. Кромѣ сатирическихъ журналовъ, Крыловъ въ этотъ періодъ своей дѣятельности написалъ нѣсколько комедій каковы напр: «Урокъ дочкамъ«, «Модная лавка», «Пирогъ» и траги-комедію «Трумфъ» или «Подщипа», въ которой осмѣиваетъ ложноклассическую трагедію. Къ первымъ годамъ настоящаго столѣтія относится сочиненіе басенъ, которыя навсегда опредѣлили направленіе дѣятельности Крылова, до того блуждавшаго отъ одного рода занятій къ другому. Въ 1812 году открыта была Императорская публичная библіотека, директоромъ которой назначенъ былъ Оленинъ, пригласившій къ себѣ на службу Крылова на должность библіотекаря. Съ той поры и до самой смерти, Крыловъ постоянно жилъ въ зданіи публичной библіотеки, велъ уединенную однообразную жизнь, посѣщая только домъ Оленина, да изрѣдка присутствуя на литературныхъ вечерахъ у Жуковскаго и у другихъ тогдашнихъ литературныхъ знаменитостей. Въ характерѣ Крылова замѣчали много странностей; не даромъ сложилось про него бездна анекдотовъ, о которыхъ сообщаютъ біографы его Лобановъ и Плетневъ. Онъ всегда отличался неподвижностью, не любилъ жизни общественной, и при всемъ своемъ талантѣ и умѣ не примкнулъ къ школѣ молодыхъ писателей, не высказывалъ особеннаго сочувствія къ новому литературному движенію, а проводилъ время въ своемъ кабинетѣ за чтеніемъ самыхъ пустыхъ переводныхъ романовъ.

Послѣднія тридцать лѣтъ жизни Крыловъ исключительно писалъ басни, изъ которыхъ нѣкоторыя переведены имъ изъ Лафонтена. Изъ всѣхъ родовъ поэзіи басня особенно привлекала многихъ изъ нашихъ писателей: образцы ея находимъ у Сумарокова, Державина, Дмитріева, Хемницера, Измайлова и др. Но изъ всѣхъ русскихъ

писателей одинъ Крыловъ достигъ въ этомъ случаѣ полнаго совершенства какъ въ формѣ, такъ и въ содержаніи: языкъ его басни,— образецъ чистаго народнаго языка, а содержаніе полно жизни, глубокаго смысла и всегда проникнуто простодушной ироніей, о которой и помину нѣтъ въ произведеніяхъ предшествовавшихъ поэтовъ. Неправильныя отношенія между людьми — вотъ главное содержаніе басенъ Крылова. Онъ осмѣиваетъ ложный взглядъ людей на собственныя силы, деспотизмъ сильнаго надъ слабымъ, эгоизмъ, вредно отражающійся на положеніи нѣкоторыхъ, говоритъ о воспитаніи и просвѣщеніи, намекая при этомъ на тѣ явленія, которыя нерѣдки были и въ нашей жизни. Нельзя сказать, чтобы всѣ басни касались вопросовъ русской жизни, есть между ними и такія, въ которыхъ баснописецъ имѣетъ въ виду общечеловѣческіе недостатки. Подобные мотивы, какъ, напр.: взяточничество, непріязненныя отношенія между сословіями, иноземное вліяніе на воспитаніе, безъ сомнѣнія, прямо относятся къ русской жизни и могутъ быть провѣрены современными записками. Разсказывая въ своихъ басняхъ о деспотизмѣ сильныхъ надъ слабыми, Крыловъ вездѣ проводитъ мораль о необходимости защиты послѣднихъ и въ самыхъ яркихъ краскахъ рисуетъ безсовѣстность людей подобныхъ Волку, въ баснѣ «Волкъ и Ягненокъ», переведенной изъ Лафонтена. Воспитаніе русскихъ, по мнѣнію Крылова, исполнено недостатковъ: оно совершается подъ вліяніемъ иностранцевъ и не согласуется съ нравами и духомъ родной страны (Крестьянинъ и Змѣя, Бочка, Воспитаніе Льва). Что касается до вопроса о просвѣщеніи вообще, котораго коснулся баснописецъ въ басняхъ «Водолазы», «Огородникъ и Философъ», то въ нихъ съ одной стороны обнаруживается ложный взглядъ самого автора, съ другой его практическій умъ, ищущій въ знаніи прямого приложенія къ жизни. Въ первой баснѣ проводится та мысль, что стремленіе ума познать глубину вещей ведетъ къ гибели, но подобная мысль довольно не легко прикладывается къ наукѣ: всякому должно быть извѣстно что чѣмъ глубже проникаетъ умъ въ науку, тѣмъ болѣе онъ имѣетъ возможности открыть много новыхъ истинъ, которыя, безъ сомнѣнія, кромѣ благодѣтельныхъ никакихъ другихъ послѣдствій не окажутъ. Еще болѣе ощутительнѣе становится недостатокъ взгляда, если басню примѣнить къ русской жизни, которая во времена баснописца скорѣе отличалась недостаткомъ знаній, нежели ихъ обиліемъ. Самъ

же онъ во многихъ басняхъ изображаетъ людей невѣжественныхъ, которые не только не умѣютъ цѣнить заслугъ человѣка талантливаго, но и не понимаютъ пользы знаній и науки. (Оселъ и Соловей, Свинья подъ дубомъ и др.) Въ баснѣ «Огородникъ и философъ» Крыловъ вывелъ двухъ людей: человѣка ученаго и затѣмъ человѣка практическаго и правда оказалась на сторонѣ послѣдняго. Такимъ образомъ баснописецъ въ заключительныхъ строкахъ басни, является опять защитникомъ прилежанія и навыка, совершенно неправильно противополагая ихъ философіи и книжнымъ знаніямъ, безъ которыхъ, конечно, немыслимъ успѣхъ и въ жизни практической. Въ басняхъ «Музыканты», «Бритвы» и т. п. Крыловъ является защитникомъ ума, но вѣдь умъ развивается путемъ знаній, а слѣдовательно и теорій, которыя составляютъ собою содержаніе всякой науки. Вообще басня Крылова какъ разсказъ заключаетъ много достоинствъ, но нельзя того-же сказать относительно ея морали, которая, какъ мы видимъ, часто проводитъ несовсѣмъ правильный взглядъ. Въ числѣ басенъ, касающихся русской жизни, есть и такія, въ которыхъ Крыловъ намекаетъ на историческія событія своего времени таковы: «Волкъ на Исарнѣ», «Обозъ», «Ворона и Курица».

Главныя свойства басни—аллегорія и иронія. Аллегорію Крыловъ заимствуетъ изъ народныхъ сказокъ о животныхъ, а также изъ пословицъ. Но онъ не всегда сохраняетъ тѣ черты животныхъ, какія имъ присущи по народному взгляду и часто прибавляетъ отъ себя Такъ, напр.: въ баснѣ «Трудолюбивый Медвѣдь», подъ видомъ медвѣдя съ именемъ котораго связано понятіе о неуклюжести, баснописецъ изображаетъ человѣка нетерпѣливаго. Подобныя отступленія объясняются цѣлями басни: она всегда является какъ сатира на общественные и общечеловѣческіе недостатки, и потому баснописцу невозможно было довольствоваться только тѣмъ, что могъ ему дать русскій животный эпосъ. Что касается до иронiи, то она всегда отличается и краткостью и необыкновенною мѣткостью, до чего не достигалъ ни одинъ изъ предшествовавшихъ баснописцевъ.

Достоинство басенъ Крылова заключается преимущественно въ ихъ языкѣ. Русская поэзія впервые въ лицѣ Крылова заговорила народнымъ языкомъ и обнаружила чисто русское міросозерцаніе. Многія изреченія Крылова обратились въ пословицы, употребляются подобно тѣмъ, какія создались путемъ народнаго творчества. Но

нельзя согласиться съ мнѣніемъ Гоголя, что у Крылова всюду Русь и пахнетъ Русью. Традиціи ложноклассицизма и романтизма оказали свое вліяніе и на басню Крылова. Во многихъ басняхъ встрѣчаются миѳологическія имена: Зевесъ, Юпитеръ, Аврора, Орестъ и Пиладъ и т. п., такъ что языкъ дѣлается непонятнымъ для человѣка, незнакомаго съ миѳологіею грековъ и римлянъ. Часто занимаясь переводамъ Лафонтена, Крыловъ вдавался и въ романтическое направленіе подобное тому, какое обнаруживается въ баснѣ «Оселъ и Соловей», гдѣ появляются пастушокъ съ пастушкой, совершенно не гармонирующіе съ русскою дѣйствительностью.

Басни Крылова пользуются извѣстностью и за границей: онѣ переведены на многіе европейскіе языки. Безъ сомнѣнія, переводъ не можетъ выразить всѣхъ оттѣнковъ языка, исполненнаго многихъ идіотизмовъ, и потому многія басни останутся непонятными для иностранца, притомъ незнакомаго съ условіями обыденной русской жизни. Хотя Крыловъ относится къ Карамзинскому періоду русской литературы, но тѣмъ не менѣе его талантъ далъ образцы самобытной поэзіи, которая указала путь для дальнѣйшихъ успѣховъ литературы на поприщѣ сближенія послѣдней съ русскою дѣйствительностью.

Въ басняхъ Крылова мы находимъ только нѣкоторыя черты, которыя можно отнести къ явленіямъ русской жизни. Полная картина современнаго общества изображена въ первый разъ въ комедіи Грибоѣдова «Горе отъ ума», принадлежащей, какъ извѣстно, къ замѣчательнѣйшимъ произведеніямъ русской драматической поэзіи. Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ (1795—1829) родился въ Москвѣ. Родители серьозно заботились о его развитіи и дали ему прекрасное воспитаніе. Пятнадцати лѣтъ Грибоѣдовъ поступилъ въ университетъ и вышелъ оттуда со степенью кандидата правъ. Знаніе нѣсколькихъ иностранныхъ языковъ давало возможность юношѣ читать произведенія лучшихъ писателей и значительно возвышало его надъ обыкновеннымъ уровнемъ развитія, какимъ пользовались его сверстники. Кромѣ того, Грибоѣдовъ основательно изучилъ теорію музыки и, отлично играя на фортепьяно, принималъ живое участіе въ музыкальныхъ вечерахъ. Вступивъ по обычаю того времени въ военную службу (это было въ 1812 году), Грибоѣдовъ отправился въ Брестъ-Литовскъ, гдѣ находился гусарскій полкъ, въ который онъ былъ

опредѣленъ. Положеніе военнаго офицера было не по душѣ даровитому юношѣ. «Я въ этой дружинѣ, писалъ онъ въ 1817 г. побылъ всего четыре мѣсяца, а теперь четвертый годъ, какъ не могу попасть на путь истинный». Въ 1815 году Грибоѣдовъ переселился въ Петербургъ и тотчасъ же поставилъ на сцену свою комедію «Молодые Супруги», которая была написана во время пребыванія въ полку. Съ этой поры Грибоѣдовъ посвящаетъ себя литературѣ и театру, сводитъ знакомство со многими писателями и занимается для сцены переводами французскихъ піесъ, сообща съ Жандромъ, кн. Шаховскимъ и др. Въ комедіи «Своя семья или замужняя невѣста» писанная вмѣстѣ съ Шаховскимъ и Хмѣльницкимъ, Грибоѣдову принадлежитъ нѣсколько сценъ 2-го акта. Въ 1818 году Грибоѣдовъ опредѣленъ былъ секретаремъ персидскаго посольства и отправился въ Таврисъ. Въ Персіи Грибоѣдовъ изучилъ персидскій и арабскій языки, но жизнь вдали отъ родины, среди людей, интересы которыхъ не могли привлекать человѣка образованнаго, жажда совершенно иной дѣятельности, были причиною недовольства, которое часто обнаруживается въ письмахъ Грибоѣдова къ другу Бѣгичеву. Въ Персіи былъ составленъ планъ знаменитой комедіи, вполнѣ опредѣлившійся уже въ 1822 году, когда Грибоѣдовъ переселился въ Грузію и служилъ тамъ подъ начальствомъ главноуправляющаго Ермолова. Въ томъ же году онъ, получивъ отпускъ, пріѣхалъ въ Москву, и ознакомившись вновь съ тогдашнимъ московскимъ обществомъ, многое измѣнилъ въ своей комедіи. Изъ Москвы Грибоѣдовъ отправился въ Петербургъ, чтобы хлопотать тамъ о постановкѣ піесы. Но хлопоты его не увѣнчались успѣхомъ: комедія не была разрѣшена тогдашней цензурой, напрасно подозрѣвавшей автора въ неблагонамѣренныхъ тенденціяхъ. Между тѣмъ въ рукописи произведеніе Грибоѣдова переходило изъ рукъ въ руки, и съ теченіемъ времени накопилось очень много рукописныхъ экземпляровъ комедіи. Отношеніе къ ней цензуры огорчило Грибоѣдова: въ немъ было слишкомъ много честолюбія, чтобы ограничиться, какъ онъ самъ говоритъ со злостью, грошовыми одобреніями общества и его дурацкими рукоплесканіями. Недовольство Грибоѣдова жизнью, его окружавшею, было слѣдствіемъ его возвышенныхъ стремленій, которыя постоянно шли въ разладъ съ дѣйствительностью, на самомъ дѣлѣ далеко неудовлетворительною во многихъ отношеніяхъ. Немудрено, что изоб-

ражая въ лицѣ Чацкаго человѣка съ возвышенной душой, авторъ комедіи вылилъ всю свою злобу въ монологахъ, которые всегда отличаются энергіею и рѣзкостью тона, порожденныхъ простительною раздражительностью. Вернувшись въ Грузію, Грибоѣдовъ во время войны съ Персіею принималъ живое участіе въ дѣлахъ политическихъ, но въ своихъ письмахъ выражаетъ мысль — совершенно о другомъ призваніи. «Буду-ли когда нибудь независимымъ отъ людей, писалъ онъ. Зависимость отъ семейства, другая отъ службы, третья отъ цѣли въ жизни, которую себѣ назначилъ, и можетъ, статься, на перекоръ судьбы. Поэзія! люблю ее безъ памяти, страстно, но любовь одна достаточна-ли, чтобъ себя прославить? И наконецъ, что слава? по словамъ Пушкина: яркая заплата на ветхомъ рубищѣ пѣвца. Кто насъ уважаетъ, пѣвцовъ истинно-вдохновенныхъ въ томъ краю, гдѣ достоинство цѣнится въ прямомъ содержаніи къ числу орденовъ и крѣпостныхъ работъ? Все таки Шереметьевъ у насъ затмилъ бы Омира. Мученье быть пламеннымъ мечтателемъ въ краю вѣчныхъ снѣговъ. Холодъ до костей проникаетъ, равнодушіе къ людямъ съ дарованіемъ. Кончится кампанія и я откланяюсь. Въ обыкновенныя времена никуда негожусь, и не моя вина: люди мелки, дѣла ихъ глупы, душа черствѣетъ, разсудокъ затмѣвается и нравственность гибнетъ безъ пользы къ ближнему. Я рожденъ для другаго поприща». Но судьба рѣшила иначе. По окончаніи войны, Грибоѣдовъ отправился въ Петербургъ для поднесенія Государю мирнаго трактата, и скоро, какъ человѣкъ образованный и знающій персидскій языкъ, назначенъ былъ полномочнымъ министромъ при персидскомъ дворѣ. Эта была послѣдняя поѣздка въ Персію. Въ 1829 году Грибоѣдовъ во время возстанія въ Тегеранѣ былъ убитъ бунтовщиками. Тѣло его, разрубленное на части, съ трудомъ было найдено, отвезено въ Тифлисъ, гдѣ и предано землѣ въ Монастырѣ Св. Давида. — А. С. Пушкинъ сдѣлалъ довольно вѣрный отзывъ о характерѣ Грибоѣдова: «Его меланхолическій характеръ, говоритъ онъ, его озлобленный умъ, его добродушіе, самые слабости и пороки, неизбѣжные спутники человѣчества, — все въ немъ было необыкновенно привлекательно. Рожденный съ честолюбіемъ, равнымъ его дарованіямъ, долго онъ былъ опутанъ сѣтями мелочныхъ нуждъ и неизвѣстности. Способности человѣка государственнаго оставались безъ употребленія; талантъ поэта былъ не признанъ; даже его холодная и блестящая храб-

рость оставалась нѣкоторое время въ подозрѣніи. Нѣсколько друзей знали ему цѣну и видѣли улыбку недовѣрчивости, эту глупую, несносную улыбку, когда случалось имъ говорить о человѣкѣ необыкновенномъ. Люди вѣрятъ только славѣ и не понимаютъ, что между ними можетъ находиться какой нибудь Наполеонъ, не предводительствовавшій ни одною егерскою ротою, или другой Декартъ, не напечатавшій ни одной строчки въ «Московскомъ Телеграфѣ».

Комедія Грибоѣдова «Горе отъ ума» принадлежитъ къ образцовымъ произведеніямъ настоящаго столѣтія, изображающимъ русскую жизнь съ тѣми ея недостатками, которые накопились въ теченіе долгаго времени подъ вліяніемъ разнообразныхъ историческихъ условій. Со времени Петра Великаго русское общество входило въ сношенія съ западноевропейскою цивилизаціею, но такъ какъ оно далеко не было еще такъ развито, чтобы понимать благодѣтельное вліяніе западной науки и просвѣщенія, то и бросилось на одну внѣшнюю сторону европейской жизни. Внѣшній лоскъ, т. е. умѣнье держать себя въ обществѣ, парижская мода, роскошная обстановка жизни—вотъ главнымъ образомъ тѣ предметы, къ которымъ стало стремиться русское общество, совершенно не обращая вниманія на то, что истинное достоинство человѣка заключается въ его нравственномъ и умственномъ развитіи, а не въ модномъ фракѣ и лакированныхъ ботинкахъ. Съ другой стороны, и правительственныя реформы, возникшія при Петрѣ и неправильно понятыя обществомъ, повліяли на его убѣжденія и строй жизни. Учрежденіе званія чиновника, вызванное исключительно желаніемъ поднять личныя заслуги каждаго, взамѣнъ родовыхъ отличій, въ дѣйствительности произвело много злоупотребленій. Въ обществѣ появилась страсть къ чинамъ: для достиженія высокаго положенія въ свѣтѣ люди стали злоупотреблять своею властью, и такъ какъ нравственное и умственное развитіе стояло далеко не на высокомъ уровнѣ, то и понятно, что и на должность тотъ или другой чиновникъ смотрѣлъ только какъ на источникъ, удовлетворявшій его личный эгоизмъ, и оставлялъ въ сторонѣ такія требованія, какъ нравственная отвѣтственность передъ закономъ и безкорыстное служеніе на пользу общественныхъ интересовъ. Если при такомъ положеніи вещей принять во вниманіе отсутствіе національнаго воспитанія, которое всегда можетъ способствовать уничтоженію общественныхъ недостатковъ, то картина жизни, предста-

вленная въ комедіи Грибоѣдова, становится совершенно ясною. Представителемъ Московскаго общества, въ которомъ отражается отрицательная сторона русской жизни, является Фамусовъ. Это баринъ-чиновникъ ,достигшій виднаго мѣста путемъ различныхъ происковъ; человѣкъ богатый онъ оцѣниваетъ достоинства другого не по нравственнымъ качествамъ, а по богатству или по видному положенію въ свѣтѣ, унижается передъ Скалозубомъ, который скоро будетъ генераломъ и можетъ быть приличной партіей для его дочери Софьи. Какъ отецъ, Фамусовъ по видимому обращаетъ вниманіе на воспитаніе дочери, но онъ не понимаетъ въ чемъ состоитъ сущность нравственнаго и умственнаго образованія и, если заботится объ этомъ, то единственно для того, чтобы не отстать отъ господствовавшей тогда моды. Заставъ послѣ бала Софью съ Чацкимъ въ швейцарской, онъ возмущается ея поступкомъ, но только потому, что можетъ объ этомъ узнать свѣтъ, наконецъ княгиня Марья Алексѣевна, отзывы которой для Фамусова казались важными, такъ какъ могли повліять на репутацію его семьи. Таковъ же Фамусовъ и въ служебной карьерѣ. Онъ и здѣсь обращаетъ вниманіе на одну только *внѣшность*. Подписано и съ плечъ долой, говоритъ онъ Молчалину. Въ службѣ Фамусовъ считаетъ главнымъ лесть и прислуживаніе съ цѣлью достигнуть знатности и чиновъ, а слѣдовательно не считаетъ ее нравственнымъ долгомъ. Фамусовъ, позволяющій иногда полиберальничать съ подобными себѣ старикамп, терпѣть не можетъ молодыхъ людей, не желающихъ подчиниться свѣтскимъ обычаямъ общества. Онъ называетъ Чацкаго карбонаромъ, вольнодумцемъ, человѣкомъ опаснымъ, когда тотъ сталъ говорить о томъ, что на службѣ смѣшно прислуживаться, что надо служить дѣлу, а не лицамъ. Молчалинъ, служащій у Фамусова, идетъ по слѣдамъ своего начальника, онъ готовъ пресмыкаться до послѣдней степени передъ всякою особою, отъ которой зависитъ его личное повышеніе. Онъ не стыдится говорить, что любитъ Софью по должности, т. е. чтобы только составить себѣ каррьеру, и не въ состояніи выражать своихъ мнѣній, если только вступаетъ разговоръ съ человѣкомъ имѣющимъ высокій чинъ. Авторъ не ограничивается Фамусовымъ. Чтобы полнѣе ознакомить читателя съ обществомъ, онъ выводитъ на сцену еще нѣсколько типовъ. Передъ нами проходятъ какъ живые, Загорецкій, Скалозубъ, Репетиловъ и другіе. Скалозубъ первое лицо въ домѣ Фамусова, онъ подоб-

но послѣднему, помѣшался на чинахъ и почестяхъ. Авторъ очень остроумно смѣется надъ глупостью Скалозуба, надъ его вѣчными разговорами о погончикахъ и петличкахъ, при чемъ весьма удачно подражаетъ тому способу выраженія, который употребляли люди, подобные Скалозубу. Другая сторона тогдашней жизни осмѣяна въ лицѣ Репетилова. Репетиловъ кутила, онъ принимаетъ участіе въ обществѣ, которое, по его словамъ, имѣетъ въ виду какія-то высокія цѣли, а на самомъ дѣлѣ оно состоитъ изъ пройдохъ, проводящихъ время въ кутежахъ и шумныхъ попойкахъ. Все, что говоритъ Репетиловъ, есть просто безсознательная болтовня пустого человѣка, а самъ онъ принадлежитъ къ тому разряду крикуновъ, рѣчи которыхъ для каждаго умнаго человѣка должны казаться совершенною нелѣпостью, происходящею отъ бездѣятельной и пустой жизни. У Репетиловѣ нѣтъ своихъ убѣжденій, онъ говоритъ и дѣйствуетъ только по внушенію обстоятельствъ съ чужого голоса и готовъ соглашаться съ мнѣніемъ каждаго встрѣчнаго, неразмышляя вовсе основательно оно или нѣтъ. Не менѣе удачно воспроизведены въ комедіи и женскіе типы. Въ третьемъ дѣйствіи, гдѣ изображенъ вечеръ въ домѣ Фамусова, появляются княгиня Тугоуховская съ шестью дочерьми, которымъ она отыскиваетъ женіховъ; графиня Хрюмина, Хлестова и другія. Всѣ онѣ пріѣзжаютъ на балъ съ единственною цѣлью посплетничать и поболтать всякій вздоръ. Главнымъ лицомъ въ кругу женскихъ типовъ является Софья, дочь Фамусова. Это сантиментальная дѣвушка, безумно полюбившая пройдоху Молчалина за его смиреніе и угодливость. Она такъ увлеклась своею любовью, что не замѣчаетъ тѣхъ пошлыхъ сторонъ, которыя представлены авторомъ въ характерѣ Молчалина. Безъ сомнѣнія, любовь Софьи къ Молчалину доказываетъ только ея умственную неразвитость. Неужели она не могла видѣть всю гнусность человѣка, который, притворно любя ее, волочится за горничной Лизой? Но при такомъ воспитаніи, какое могли давать своимъ дѣтямъ отцы, подобные Фамусову, очень легко могли вырабатываться личности, подобныя Софьѣ.—Чтеніе французскихъ романовъ, сплошь и рядомъ наполненныхъ соблазнительными сценами и картинами, было въ то время однимъ изъ средствъ просвѣщенія и конечно не могло не отражаться часто вреднымъ образомъ на поступкахъ и характерахъ читательницъ, не подготовленныхъ вовсе къ серьезному труду.

Рисуя картину общественныхъ недостатковъ своей эпохи, Грибоѣдовъ является и критикомъ этихъ недостатковъ въ лицѣ Чацкаго, какъ представителя молодаго поколѣнія. Молодой человѣкъ, побывавшій за границей для усовершенствованія своего образованія, Чацкій пріѣзжаетъ въ Москву и, вступая въ то общество, въ которомъ онъ жилъ прежде, замѣчаетъ массу уродливыхъ явленій, укоренившихся издавна. Какъ человѣкъ истинно просвѣщенный, онъ возмущается пустотою жизни, лестью, господствовавшею въ чиновничьей сферѣ, безнравственностью отношеній между людьми, называющими себя образованными, и невольно является рьянымъ врагомъ всего этого дѣлается противникомъ общества, громитъ его длинными и рѣзкими обличительными рѣчами. Въ монологахъ Чацкаго много справедливыхъ мыслей, но онѣ не что иное какъ голосъ въ пустынѣ. Общество, въ которомъ господствуетъ развратъ, прикрытый конечно свѣтскими ширмами, никакъ не можетъ отказаться отъ своихъ завѣтныхъ стремленій, и немудрено, что оно признало Чацкаго за сумасшедшаго, такъ какъ его идеи о безкорыстномъ служеніи дѣлу, о необходимости самостоятельнаго взгляда и науки, шли совершенно въ разрѣзъ съ укоренившимися обычаями высшаго свѣта. Чацкій человѣкъ страшно увлекающійся и часто, въ увлеченіи, онъ впадаетъ въ противорѣчія, что конечно падаетъ виною на самаго автора. Идея Чацкаго о подражаніи китайцамъ, вражда его противъ иностранной одежды какъ-то не гармонируютъ съ тѣмъ смысломъ, которымъ вообще проникнутъ этотъ характеръ. Если въ обществѣ находятся многія уродливыя явленія, то это происходитъ скорѣе отъ недостатка умственнаго и нравственнаго развитія, а вовсе не отъ фраковъ и моднаго платья, противъ которыхъ такъ возстаетъ Чацкій. Въ монологахъ Чацкаго нельзя не видѣть намека на убѣжденія той стороны общества, которая, воспитавшись на идеяхъ Запада, составляла такъ называемую интелигенцію, отрицавшую принципы, господствовавшіе издавна въ русскомъ обществѣ. Все молодое поколѣніе, а за нимъ и самъ авторъ комедіи разумѣется не могли сочувствовать тѣмъ порядкамъ, которые укоренились въ обществѣ и противорѣчили разумному идеалу жизни. Странно, что авторъ комедіи не замѣтилъ того ложнаго положенія, въ которое поставилъ себя Чацкій. Чацкій любитъ Софью и разсчитывая на взаимность, въ то же время бранитъ ей въ глаза окружающее ее общество, въ которомъ она сама

является также однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ. Кромѣ того, Чацкій, думая реформировать общество, употребляетъ вовсе не подходящія къ тому средства: онъ является на вечеръ къ Фамусову, и чуть не въ глаза начинаетъ каждому указывать его недостатки, совершенно забывая, что подобное обращеніе съ людьми послужитъ только во вредъ проповѣдуемой имъ идеи. Однимъ словомъ, какъ обличитель общественныхъ недостатковъ, Чацкій заслуживаетъ полнаго уваженія, но какъ дѣйствующее лицо онъ отъ начала и до конца комедіи поставленъ въ ложное положеніе.

Мы уже сказали, что комедія Грибоѣдова, какъ изображеніе общественныхъ нравовъ, принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ произведеній русской литературы, но нельзя того-же сказать въ отношеніи ея теоретической стороны. Идея комедіи—представить новые принципы жизни въ борьбѣ съ рутиной и традиціями стараго времени,—не согласуется съ содержаніемъ комедіи, съ ея основнымъ сюжетомъ, который заключается въ любви Чацкаго къ Софьѣ. Отдѣльныя части піесы ничѣмъ не связываются другъ съ другомъ, лица появляются на сцену совершенно случайно, при чемъ все произведеніе основано не на дѣйствіи, а на разговорахъ, изъ которыхъ многіе не имѣютъ никакаго отношенія къ главной идеѣ комедіи. Кромѣ того, и въ изображеніи комическихъ характеровъ мы замѣчаемъ нѣкоторыя противорѣчія. Такъ Фамусовъ вмѣсто того, чтобы расхваливать то общество, какъ оно и слѣдовало бы, судя по идеѣ этого лица, начинаетъ читать эпиграммы, бранитъ Кузнецкій мостъ, французскую моду, т. е. вообще вооружается противъ того, что господствуетъ въ глубоко чтимомъ имъ высшемъ свѣтѣ. За исключеніемъ указанныхъ недостатковъ, комедія Грибоѣдова принадлежитъ къ лучшимъ созданіямъ русской поэзіи. Не говоря о языкѣ, изобилующемъ выраженіями, которыя обратились въ пословицы, въ комедіи впервые представлена была русская жизнь со всѣми ея недостатками. Какъ произведеніе человѣка даровитаго, «Горе отъ ума», содѣйствовало пробужденію самосознанія въ нашемъ обществѣ и указало на тѣ лучшія стремленія, осуществленіе которыхъ обусловливалось успѣхами истинной образованности.

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ (пушкинскій).

Ал. С. Пушкинъ его жизнь и сочиненія. — Послѣдователи Пушкина: Веневитиновъ, Козловъ, Дельвигъ, Языковъ, Давыдовъ, кн. Вяземскій и Баратынскій. — Поэзія подъ вліяніемъ изученія народной литературы: Цыгановъ и Ершовъ. — Вліяніе Байрона, жизнь и сочиненія Лермонтова, какъ главнаго представителя поэзіи послѣ Пушкина. — Литература романовъ: Лажечниковъ, Загоскинъ, Марлинскій и др. — Литературная критика Пушкинскаго періода. — Жизнь и сочиненія Н. А. Полеваго.

Во всякой литературѣ встрѣчаются имена писателей, которыя становятся дорогими для каждаго, сочувствующаго поэзіи и, надолго живутъ въ памяти потомства, несмотря на то, что въ жизни послѣдняго пробудилось уже много другихъ интересовъ, чуждыхъ прежнему поколѣнію. Къ такимъ именамъ въ русской литературѣ мы должны причислить имя Пушкина, произведенія котораго извѣстны всей читающей Россіи. Со времени его поэтической дѣятельности начинается по справедливости новый періодъ русской литературы и поэзіи, богатый произведеніями разнообразныхъ родовъ. Не говоря о художественной формѣ, которая въ поэзіи Пушкина доведена до высочайшей степени совершенства, Пушкинъ даетъ новое содержаніе поэзіи, сближая ее съ жизнью и дѣйствительностью, къ чему напрасно стремилась романтическая школа поэтовъ. Пушкинъ былъ первый поэтъ, художникъ въ истинномъ и весьма широкомъ значеніи этого слова, онъ первый изъ русскихъ поэтовъ принадлежалъ къ числу тѣхъ талантовъ, которые не стѣсняются формой, умѣютъ проникнуть во всякую сферу жизни и придать изображенію ту простоту, которая всегда бываетъ принадлежностью истинной поэзіи.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ родился въ Москвѣ въ 1799 году. Отецъ его Сергѣй Львовичъ служилъ въ военной службѣ и, по выходѣ въ отставку, велъ свѣтскую жизнь, поставилъ свой домъ на аристократическую ногу, устраивалъ часто званые вечера, на которыхъ присутствовали многіе изъ извѣстныхъ въ то время писателей. Отецъ и нѣкоторые родственники Пушкина любили литературу, но смотрѣли на нее какъ на простую забаву и удовольствіе. Василій Львовичъ, дядя нашего поэта, пользовался извѣстностью въ тогдашней литературѣ, какъ авторъ шутливыхъ и довольно остроумныхъ стиховъ, въ которыхъ не было и намека на серьезную мысль. Еще въ дѣтствѣ Александръ Сергѣевичъ знакомился съ писателями, часто слушалъ ихъ разговоры, и скоро почувствовалъ любовь къ чтенію. Библіотека отца состояла изъ произведеній французскихъ писателей прошлаго столѣтія. Маленькій Пушкинъ читалъ все это съ жадностью и такимъ образомъ совершенно самостоятельно развивалъ самого себя, прогрессивно увеличивалъ запасъ свѣдѣній и понятій, изъ которыхъ многія были доступны мальчику, только потому, что онъ отъ природы отличался рѣдкою даровитостью. Воспитаніе, которое давалось тогда дѣтямъ аристократическаго происхожденія, отличалось французскимъ направленіемъ. Съ младенческихъ лѣтъ дѣтей окружали иностранные гувернеры и гувернантки, которые могли выучивать только болтать на иностранныхъ языкахъ и съ достоинствомъ держать себя въ домахъ большаго свѣта. Пушкинъ самъ подвергся вліянію аристократическаго воспитанія; съ дѣтства поэтъ не слыхалъ почти ни одного русскаго слова и только благодаря своей нянькѣ, Аринѣ Родіоновнѣ, изрѣдка знакомился съ русскими народными сказками. Кромѣ незнанія родной рѣчи тогдашнее воспитаніе влекло за собою и другія вредныя послѣдствія. Дѣтей мало пріучали къ серьезному труду, ограничивались только одною внѣшностью, которая впослѣдствіи и отражалась на нихъ, когда они вступали въ ту или другую сферу общественной дѣятельности. Небольшею серьезностью и дѣльностью отличалась и система воспитанія въ томъ заведеніи, въ которомъ довершилъ свое образованіе Пушкинъ. Въ 1811 году открытъ былъ лицей въ Царскомъ Селѣ. Воспитанники этого заведенія пользовались значительною свободою, которою нерѣдко подъ вліяніемъ увлеченій молодости злоупотребляли, при томъ преподаваніе велось почти безъ всякой системы. На юношей, одаренныхъ

природнымъ талантомъ неудовлетворительность современнаго школьнаго образованія, не могла, разумѣется, имѣть слишкомъ вреднаго вліянія. Пушкинъ особенно занимался литературой, на которую было обращено больше вниманія, чѣмъ на другіе предметы. Часто лицеисты собирались въ извѣстные дни съ цѣлью бесѣдовать о литературѣ, прочитывать свои произведенія и въ этихъ собраніяхъ самое живое участіе принималъ Пушкинъ. Мало-по-малу въ немъ сталъ обнаруживаться поэтическій талантъ; отъ французскихъ стиховъ, которые писалъ еще дома, онъ перешелъ къ русскимъ стихотвореніямъ, изъ которыхъ нѣкоторые попали въ печать еще во время пребыванія Пушкина въ Лицеѣ. Въ 1817 году Пушкинъ окончилъ курсъ въ лицеѣ и тотчасъ же окунулся въ свѣтскую жизнь, удовольствія которой весьма легко могли привлечь пылкаго и впечатлительнаго юношу, какимъ былъ нашъ поэтъ. Любя жизнь общественную, Пушкинъ охотно посѣщалъ веселыя собранія тогдашней молодежи, но эти посѣщенія не были вовсе его потребностью: при всемъ своемъ страстномъ характерѣ, онъ умѣлъ сдерживать порывы своей натуры и не разъ, благодаря богатству своихъ нравственныхъ силъ, обнаруживалъ отвращеніе къ пустотѣ той жизни, которая заставляла многихъ совершенно непроизводительно тратить и духовныя и физическія силы.

Вращаясь преимущественно въ аристократическихъ кружкахъ, поэтъ слѣдилъ и за различными сторонами господствовавшей въ нихъ жизни, и мало по малу изучалъ тѣ понятія, которыя впослѣдствіи изобразилъ въ своемъ романѣ «Евгеній Онѣгинъ». Посреди свѣтской жизни, исполненной многихъ развлеченій, Пушкинъ не покидалъ столь любимаго имъ занятія литературой и поэзіею, и тотчасъ, по окончаніи курса, примкнулъ къ тому обществу современныхъ писателей, которое получило названіе «Арзамаса». Въ то время существовало у насъ много литературныхъ обществъ; каковы напр.: Общество любителей словесности при московскомъ университетѣ, Петербургское общество любителей словесности наукъ и художествъ и др. Каждое изъ нихъ имѣло свой органъ въ томъ или другомъ періодическомъ изданіи. Но тогдашняя журналистика находилась въ самомъ жалкомъ состояніи; не говоря объ отсутствіи серьезнаго литературнаго направленія, которое бы преслѣдовало какую нибудь теорію, журналы, бывшіе органами литературныхъ об-

ществъ, наполнялись образцами самой посредственной беллетристики, и критическій отдѣлъ ихъ, за исключеніемъ статей извѣстнаго уже намъ Мерзлякова, носилъ школьный характеръ, который не могъ привлечь собою даже не очень взыскательныхъ читателей того времени. Арзамасское общество, къ которому примкнулъ Пушкинъ, по своей задачѣ и направленію стояло далеко выше другихъ. Возникнувъ для противодѣйствія «Бесѣдѣ любителей россійскаго слова», во главѣ которой стоялъ А. С. Шишковъ, общество молодыхъ писателей не имѣло въ виду никакой преднамѣренной теоріи, а просто состояло изъ небольшой партіи писателей, желавшихъ уничтожить напыщенность и торжественность, которыя проникли въ произведенія поэзіи подъ вліяніемъ псевдо-классицизма. «Арзамасъ» покровительствовалъ молодымъ талантамъ, полагая, что для каждаго дѣятеля должна быть свободна, открыта дорога. Къ нему принадлежали Жуковскій, Карамзинъ, Блудовъ — вообще люди, сочувствовавшіе просвѣщенію и литературѣ и съ восторгомъ принимавшіе въ свой кругъ всякаго молодаго писателя, показывавшаго блестящія надежды въ будущемъ. Пушкинъ пользовался большимъ почетомъ въ обществѣ и надежды послѣдняго вполнѣ оправдались. Въ 1820 году вышла въ свѣтъ первая поэма молодого писателя «Русланъ и Людмила», поставившая Пушкина въ рядъ первоклассныхъ поэтовъ—художниковъ. — Время, въ которое началъ свою дѣятельность Пушкинъ, было крайне неблагопріятно для литературнаго движенія вообще. Строгость цензуры, возникшая подъ вліяніемъ реакціи, которая произошла у насъ въ послѣдніе годы царствованія Александра I, значительно задерживала развитіе литературы, и еще болѣе увеличивалась, когда поэзія принимала свободное направленіе. Всегда увлекающійся и впечатлительный, Пушкинъ сталъ писать довольно свободные стихи, что вызвало противъ него преслѣдованіе, кончившееся, и то благодаря заступничеству Карамзина, высылкою его изъ Петербурга на югъ Россіи. Оставивъ столицу, Пушкинъ переселился въ Кишиневъ, подъ начальство генерала Инзова, занимавшаго должность попечителя колонистовъ южнаго края. Изъ Кишинева Пушкинъ съѣздилъ на Кавказъ, величественная природа котораго такъ хорошо воспроизведена была поэтомъ въ нѣкоторыхъ его произведеніяхъ. Время ссылки вообще было эпохою самообразованія для Пушкина: здѣсь онъ значительно выполнилъ то, чего не могла дать

ему ни школа, ни современная журналистика. Во время пребыванія на Кавказѣ, Пушкинъ вмѣстѣ съ семействомъ генерала Раевскаго, дочери котораго принадлежали къ числу образованнѣйшихъ женщинъ, принялся за изученіе англійскаго языка на чтеніи сочиненій Байрона, вліяніе которыхъ отразилось отчасти на поэмахъ, вышедшихъ послѣ «Руслана и Людмилы». Въ Кишиневѣ Пушкинъ занимался собираніемъ народныхъ пѣсенъ и легендъ, дѣлалъ большія выписки изъ прочитанныхъ сочиненій. Въ посланіи къ Чаадаеву поэтъ слѣдующимъ образомъ описываетъ серьезную сторону своей тогдашней жизни.

Въ странѣ, гдѣ я забылъ тревоги прежнихъ лѣтъ,
Гдѣ прахъ Овидіевъ пустынный мой сосѣдъ,
Гдѣ слава для меня предметъ заботы малой,
Тебя недостаетъ душѣ моей усталой.
Врагу стѣснительныхъ условій и оковъ,
Не трудно было мнѣ отвыкнуть отъ пировъ,
Гдѣ праздный умъ блеститъ, тогда какъ сердце дремлетъ,
И правду пылкую приличій хладъ объемлетъ.
Оставя шумный кругъ безумьевъ молодыхъ,
Въ изгнаніи моемъ я не жалѣлъ о нихъ,
Вздохнувъ, оставилъ я другія заблужденья,
Враговъ моихъ предалъ проклятію забвенья,
И, сѣти разорвавъ, гдѣ бился я въ плѣну,
Для сердца новую вкушаю тишину.
Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій трудъ, и жажду размышленій.
Владѣю днемъ моимъ; съ порядкомъ друженъ умъ;
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ,
Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы,
Мятежной младостью утраченные годы,
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ.

Къ этому же времени біографъ Пушкина г. Анненковъ относитъ и статью «Нѣкоторыя историческія замѣчанія», гдѣ поэтъ нашъ выразилъ мысль объ уничтоженіи крѣпостнаго права, назвавъ это послѣднее общимъ зломъ. Пушкинъ такъ увлекся этимъ вопросомъ, что задумалъ написать піэсу, желая выставить въ ней вредную сторону крѣпостничества, но отъ нея остался только одинъ планъ, находя-

*

щійся въ бумагахъ поэта. Въ періодъ времени отъ 1820 по 1824 г. Пушкинъ написалъ нѣсколько поэмъ: Кавказскій плѣнникъ, Бахчисарайскій фонтанъ, Братья разбойники, и, кромѣ того, цѣлый рядъ лирическихъ и эпическихъ стихотвореній, изъ которыхъ лучшими считаются: «Погасло дневное свѣтило, Муза (въ младенчествѣ моемъ она меня любила), Наполеонъ, Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ, Демонъ, и другъ. Въ это же время была написана и первая глава знаменитаго романа «Евгеній Онѣгинъ», печатавшагося по частямъ. Въ 1824 году Пушкину разрѣшено было вернуться изъ ссылки и поселиться въ Псковской губерніи въ селѣ Михайловскомъ, принадлежавшемъ его матери. Во время пребыванія въ этомъ уединенномъ жилищѣ, Пушкинъ продолжалъ серьезно заниматься литературой. Въ 1825 году была напечатана первая глава Евгенія Онѣгина, по поводу которой появилась критическая статья въ журналѣ «Московскій Телеграфъ», расточавшая похвалы геніальному поэту. Какъ поэма «Цыгане», такъ и первая пѣсня романа напоминаютъ вліяніе байроновской поэзіи; въ особенности замѣтно это вліяніе въ характерѣ Алеко, главнаго дѣйствующаго лица въ первой поэмѣ. Въ Михайловскомъ Пушкинъ предался занятію русской исторіею, читалъ Карамзина, старинныя лѣтописи, и плодомъ этихъ занятій была драматическая хроника «Борисъ Годуновъ», остающаяся до сихъ поръ единственной въ ряду историческихъ трагедій. Въ 1826 году Пушкинъ переселился въ Москву, гдѣ въ теченіе всей зимы проводилъ время въ удовольствіяхъ свѣтской жизни. Перерывъ творческой дѣятельности скоро прекращается: Пушкинъ принимаетъ живое участіе въ изданіи журнала «Московскій Вѣстникъ», и подъ вліяніемъ теоріи искусства для искусства, которая проводилась въ этомъ журналѣ, пишетъ рядъ небольшихъ стихотвореній, гдѣ и высказываетъ свой взглядъ на задачу поэзіи и поэтическое призваніе. Въ теченіе октября мѣсяца 1827 г. Пушкинъ написалъ поэму «Полтава», которая и была издана въ 1829 году. Журналъ «Вѣстникъ Европы» не преминулъ напечатать критическую статью о новомъ произведеніи поэта, гдѣ и высказанъ былъ обычный взглядъ редакціи на дѣятельность Пушкина, какъ на поэта, который будто-бы и созданъ только для того, чтобы шутить, «пересмѣхать все худое и хорошее просто изъ охоты позубоскалить». Пушкинъ не возражалъ противъ мнѣній стараго критика, онъ находилъ, что литературныя сужденія въ родѣ тѣхъ, кото-

рыя высказывались на страницахъ ученаго журнала, достойны насмѣшки, но не серьезнаго отпора. Въ 1829 году Пушкинъ совершилъ путешествіе въ Арзерумъ, плодомъ котораго было весьма интересное по содержанію описаніе этого путешествія. Между тѣмъ въ журнальной литературѣ того времени произошли перемѣны: Московскій Вѣстникъ прекратилъ свое существованіе и вмѣсто него извѣстный писатель Дельвигъ сталъ издавать журналъ подъ названіемъ «Литературная Газета». Пушкинъ былъ изъ числа главныхъ участниковъ и сотрудниковъ. Въ первыхъ своихъ критическихъ статьяхъ онъ высказываетъ мысль о необходимости уничтожить стремленія старой критики, которая, по его мнѣнію, въ основаніи своемъ кладетъ произволъ и личныя отношенія къ писателямъ. Въ «Литературной газетѣ» появились критическія статьи Пушкина о романѣ Загоскина «Юрій Милославскій, и переводѣ «Иліады» Гнѣдича и нѣсколько мелкихъ замѣтокъ по поводу тѣхъ или другихъ литературныхъ явленій. Во всѣхъ замѣчаніяхъ Пушкина, кромѣ остроумія и проницательности, проглядываетъ всюду стремленіе говорить о такихъ предметахъ, которые наиболѣе связываются съ жизнію. Сближеніе съ дѣйствительностью было главною задачею и поэтическаго творчества Пушкина. Въ 1830 году Пушкинъ переселился въ Болдино, гдѣ и были написаны драматическія сцены: «Скупой рыцарь», «Моцартъ и Сальери», «Донъ Жуанъ» и затѣмъ цѣлый рядъ эпическихъ произведеній какъ то: повѣсти Бѣлкина, Лѣтопись села Горохина, Домикъ въ Коломнѣ и друг. На слѣдующій годъ Пушкинъ женился и послѣ свадьбы съ весны переселился въ Петербургъ, а затѣмъ въ Царское Село. По прекращеніи польскаго мятежа, поэтъ выразилъ свой патріотизмъ въ двухъ стихотвореніяхъ: «Клеветникамъ Россіи» и «Бородинская годовщина», которые вмѣстѣ съ патріотической піэсой Жуковскаго «Русская Слава» были напечатаны отдѣльной книгой подъ названіемъ «Взятіе Варшавы». Въ это же время Пушкинъ обращается къ народной поэзіи и пишетъ нѣсколько сказокъ, какъ-то: «Сказка о царѣ Салтанѣ», «о купцѣ Остолопѣ и работникѣ его Балдѣ», проникнутой значительной долей юмора и другія. Лучшимъ произведеніемъ Пушкина въ народномъ духѣ была сказка «О рыбакѣ и рыбкѣ», въ которой поэтъ сумѣлъ сохранить простоту и добродушіе русскаго народнаго творчества и отрѣшился отъ той поддѣлки, которая замѣтна въ предшествовавшихъ произведеніяхъ этого рода. Сказка

Пушкина возбудила восторгъ въ современныхъ ему писателяхъ. Такъ извѣстный уже намъ Гнѣдичъ, прочтя сказку о Салтанѣ, послалъ Пушкину слѣдующіе стихи:

Пушкинъ, Протей
Гибкимъ твоимъ языкомъ и волшебствомъ твоихъ пѣснопѣній,
Уши закрой отъ похвалъ и сравненій
Добрыхъ друзей!
Пой, какъ поешь ты, родной соловей!
Байрона Геній, иль Гете, Шекспира —
Геній ихъ неба, ихъ нравовъ, ихъ странъ;
Ты же, постигнувшій таинства русскаго духа и міра;
Ты нашъ Баянъ,
Небомъ роднымъ вдохновенный
Ты на Руси нашъ пѣвецъ несравненный.

Не смотря на любовь къ свѣтской жизни и на необходимость принимать участіе въ общественныхъ удовольствіяхъ, Пушкинъ однако находилъ время посвящать себя кабинетнымъ занятіямъ. Въ послѣдніе годы жизни, богатые произведеніями самобытнаго творчества, поэтъ обратился къ изученію исторіи, собралъ значительное количество матерьяловъ, относящихся къ эпохѣ Петра Великаго и Екатерины II, написалъ исторію Пугачевскаго бунта и историческую повѣсть «Капитанская дочка». Въ 1833 году осенью поэтъ совершилъ путешествіе въ Оренбургъ, чтобы на мѣстѣ изучить преданія, сохранившіяся въ народѣ о пугачевскомъ бунтѣ, такъ какъ многіе изъ стариковъ тамошняго края помнили хорошо все, что относилось къ этой замѣчательной эпохѣ. Въ декабрѣ этого года Пушкинъ представилъ свою исторію на разсмотрѣніе начальства, былъ Высочайше пожалованъ въ камеръ-юнкеры и на напечатаніе книги получилъ 20 тысячъ рублей ассиг. Въ 1834 году въ Петербургѣ книгопродавецъ Смирдинъ сталъ издавать журналъ «Библіотеку для чтенія», въ которомъ принялъ участіе Пушкинъ и напечаталъ тамъ нѣкоторыя изъ народныхъ сказокъ, и два разсказа въ прозѣ: «Пиковая дама» и «Кирджали». Черезъ два года въ 1836 году Пушкинъ и самъ рѣшился издавать журналъ «Современникъ». Цѣлью Пушкина при изданіи этого журнала было стремленіе противодѣйствовать тому насмѣшливому взгляду на нашу литературу, который давно уже проводился нѣкоторыми изъ критиковъ и оказывалъ, по мнѣнію Пушкина, вред-

ное вліяніе на общество, состоявшее изъ людей полуобразованныхъ. При жизни Пушкина вышло 4 тома «Современника», въ которомъ мы встрѣчаемъ рядъ критическихъ статей самого издателя по поводу вновь вышедшихъ книгъ. Въ январѣ 1837 году молва объ ухаживаніи Дантеса за женой Пушкина стала принимать громадные размѣры. Поэтъ не разъ получалъ дерзкія анонимныя письма по поводу этого обстоятельства и дѣло дошло до непріятной исторіи. Раздражительный и пылкій характеръ не могъ снести обиды. Дѣло окончилось дуэлью. Пушкинъ былъ смертельно раненъ и послѣ ужасныхъ страданій скончался черезъ два дня, окруженный женой и своими близкими друзьями. По словамъ Жуковскаго, подробно описавшаго послѣдніе дни жизни поэта, друзья положили Пушкина своими руками въ гробъ, а на слѣдующій день къ вечеру перенесли его въ Конюшенную церковь. Тѣло Пушкина, согласно желанію покойнаго, перевезено было въ Святогорскій Успенскій монастырь, находящійся въ четырехъ верстахъ отъ села Михайловскаго, любимаго мѣстопребыванія поэта. Въ настоящее время собранъ значительный капиталъ для сооруженія памятника одному изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ дѣятелей на поприщѣ поэзіи.

Поэтическую дѣятельность Пушкина можно раздѣлить на 3 періода. Къ первому относится рядъ лицейскихъ стихотвореній, а также и тѣхъ лирическихъ произведеній, которыя возникли изъ подражанія Жуковскому, Державину и Батюшкову. Періодъ первый оканчивается появленіемъ поэмы «Русланъ и Людмила», вышедшей въ 1820 году. Ко второму періоду принадлежатъ эпическія произведенія, каковы: Кавказскій плѣнникъ, Бахчисарайскій Фонтанъ, Цыгане, Братья разбойники. Въ это время замѣтно вліяніе Байрона одного изъ замѣчательнѣйшихъ поэтовъ всего міра. Лучшими созданіями втораго періода дѣятельности Пушкина были: «Евгеній Онѣгинъ», романъ въ стихахъ и «Борисъ Годуновъ», историческая драма. Третій періодъ поэтической дѣятельности Пушкина былъ самымъ блестящимъ временемъ развитія его художническаго творчества. Въ эту эпоху онъ обнаруживаетъ способность проникать въ глубину разнообразныхъ сферъ жизни, высказываетъ свой взглядъ на искусство, согласно съ тѣми теоріями, которыя господствовали тогда въ нѣмецкой философіи, и наконецъ, переходя отъ поэзіи къ прозѣ, пишетъ рядъ повѣстей

и поэмъ съ историческимъ содержаніемъ и рядъ разсказовъ, изображающихъ русскую жизнь. Самостоятельность поэтическихъ созданій является главнымъ признакомъ этого періода дѣятельности Пушкина.

Лицейскія стихотворенія Пушкина не представляютъ ничего самобытнаго въ содержаніи, они вызывались съ одной стороны подражаніемъ французскимъ поэтамъ, воспѣвавшимъ любовь и земныя радости въ духѣ Анакреона, съ другой—желаніемъ приблизиться къ созданіямъ предшествовавшихъ ему русскихъ поэтовъ. Пушкинъ, благодаря своему характеру, не могъ подчиниться вліянію Жуковскаго, хотя нѣкоторыя изъ стихотвореній юноши—поэта носятъ на себѣ оттѣнокъ романтизма и мечтательности. Большая часть лицейскихъ стихотвореній навѣяна духомъ поэзіи Батюшкова. Отъ него Пушкинъ заимствовалъ обычай наполнять свои стихотворенія миѳологическими именами купидоновъ, амуровъ и т. п., наплывъ которыхъ въ русскую поэзію начался еще при Ломоносовѣ. Въ подражаніе извѣстному посланію Батюшкова «Мои пенаты» Пушкинъ написалъ стихотвореніе «Городокъ», гдѣ говоритъ о своихъ любимыхъ писателяхъ. Съ появленія поэмы «Русланъ и Людмила» Пушкинъ обнаруживаетъ уже оригинальность своего творчества. Обратившись къ сказочному міру, поэтъ разсказалъ весьма легкими и шутливыми стихами, какъ чудовище Черноморъ похищаетъ Людмилу и какъ Русланъ, женихъ Людмилы отыскивая свою невѣсту, совершаетъ свои богатырскіе подвиги. Забавныя сцены поэмы, ея юмористическій тонъ прямо противорѣчили тѣмъ требованіямъ, которыя были обязательны для каждаго поэта, въ силу господствовавшей тогда ложноклассической теоріи. Немудрено поэтому, что произведеніе Пушкина встрѣчено было неблагосклонно со стороны старой критики, представителемъ которой былъ тогда журналъ «Вѣстникъ Европы». Пушкина стали упрекать въ вольности стиховъ, въ невѣрномъ пониманіи внутреннихъ свойствъ эпической поэмы, въ нераціональности его стремленій обращаться къ сказочнымъ сюжетамъ, вводить просторѣчіе въ такія произведенія, какъ поэма, которая, по правиламъ старинной критики, должна писаться возвышеннымъ стилемъ. Авторъ статьи, помѣщенной въ «Вѣстникѣ Европы» по поводу поэмы Пушкина, вооружается противъ послѣдняго за то, что онъ употребляетъ въ поэмахъ выраженія: «удавить бородою, стать передъ носомъ, щекотать ноздри

копьемъ, ѣду—не свищу, а наѣду—не спущу», между тѣмъ подобныя выраженія показываютъ, что уже съ первыхъ произведеній въ Пушкинѣ стало обнаруживаться стремленіе сблизить языкъ поэзіи съ языкомъ дѣйствительности, что показалось уродливымъ для тѣхъ критиковъ, которые воспитались на надутыхъ произведеніяхъ Хераскова и тому подобныхъ пѣвтовъ. Въ поэмѣ Пушкина нѣтъ ничего русскаго, исключая небольшаго предисловія начинающееся словами «у лукоморья дубъ зеленый», которое дѣйствительно проникнуто народнымъ складомъ рѣчи. Игривость слога, шутливый тонъ поэмы весьма понравились обществу, которое съ восторгомъ приняло произведеніе Пушкина, вопреки всѣмъ статьямъ рутинныхъ критиковъ.

Съ переѣздомъ Пушкина на югъ начался второй періодъ его дѣятельности. Путешествуя на Кавказѣ и въ Крыму, поэтъ былъ въ восторгѣ отъ природы этой мѣстности и нарисовалъ ее въ своихъ поэмахъ «Кавказскій плѣнникъ», «Бахчисарайскій фонтанъ». Въ этихъ произведеніяхъ замѣтна попытка Пушкина создать характеръ по образцу Байрона, произведенія котораго онъ серьезно изучалъ. Описаніе картинъ природы въ «Кавказскомъ плѣнникѣ» связываются съ дѣйствіемъ поэмы: онъ рисуетъ ихъ не отъ себя, а передастъ какъ впечатлѣнія самого героя поэмы. Помимо искренности чувства, которымъ проникнуто произведеніе Пушкина, оно возбудило восторгъ въ молодомъ поколѣніи и потому, что въ лицѣ плѣнника поэтъ намекаетъ на черты времени. Плѣнникъ—это пылкій юноша, который разочарованъ уже до знакомства съ жизнью, тоскуетъ по утраченной молодости. «Бахчисарайскій фонтанъ» значительно выше предъидущей поэмы какъ по формѣ, такъ и по содержанію. Въ ней поэтъ въ лицѣ дикаго татарина изображаетъ грубаго человѣка, перерождающагося подъ вліяніемъ человѣческаго чувства любви къ женщинѣ. Лучшимъ произведеніемъ этой эпохи считается «Цыганы». Главное лицо поэмы юноша Алеко; онъ не доволенъ жизнью, обстановкой его окружающей; ища свободы и упоенья страстной любовью, бросаетъ отчизну и пристаетъ къ цыганскому табору. Здѣсь встрѣчаетъ онъ молодую цыганку Земфиру, влюбляется въ нее и повидимому доволенъ новою жизнью. Но настаетъ минута разочарованія: Алеко узнаетъ, что Земфира любитъ молодаго цыгана и однажды, мучимый ревностью, убиваетъ кинжаломъ своего соперника, а вмѣстѣ съ нимъ и Земфиру. Идея всей поэмы сосредоточи-

вается на главномъ лицѣ. Пушкинъ подъ вліяніемъ обстоятельствъ своей жизни, а также подъ вліяніемъ байроновской поэзіи изображаетъ человѣка, недовольнаго предразсудками окружающихъ его людей и ищущаго свободы въ дикой цыганской жизни. Но поэтъ не достигаетъ цѣли. Вмѣсто того, чтобы возвысить личность Алеко, онъ скорѣе написалъ на него сатиру, несмотря на трагическую развязку поэмы. Лучшее лицо поэмы это старый цыганъ, отецъ Земфиры. Говоря Алеко, что не всегда мила свобода тому, кто пріученъ къ нѣгѣ, старикъ разсказываетъ преданіе о поэтѣ Овидіѣ, сосланномъ при царѣ Августѣ на отдаленные берега Дуная. Поэтъ бродилъ по берегамъ рѣки и проливалъ горькія слезы, вспоминая о далекой отчизнѣ. Этотъ разсказъ одно изъ лучшихъ мѣстъ поэмы. Когда Алеко убилъ Земфиру, то старый цыганъ справедливо упрекнулъ его въ эгоизмѣ; въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ ищетъ свободы, и въ то же время убиваетъ женщину за свободное проявленіе ея чувства. Тутъ явно противорѣчіе въ характерѣ Алеко; во всякомъ случаѣ, по идеѣ это произведеніе Пушкина должно быть поставлено въ ряду лучшихъ его созданій.

Переходимъ къ разбору двухъ главныхъ произведеній этого періода дѣятельности Пушкина. Романъ «Евгеній Онѣгинъ» создавался Пушкинымъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и печатался отдѣльными книжками. Содержаніе его очень просто. Молодой баринъ Онѣгинъ, наскучивъ городскою жизнью, пріѣзжаетъ въ деревню и чрезъ посредство своего сосѣда Ленскаго знакомится съ семьею Ларинныхъ. У Ларина двѣ дочери: Татьяна и Ольга. Татьяна влюбляется въ Онѣгина и въ страстномъ письмѣ къ нему наивно признается ему въ любви. Онѣгинъ отказывается быть мужемъ Татьяны. Далѣе Ленскій изъ пустой причины вызываетъ Онѣгина на дуэль. Онѣгинъ убиваетъ Ленскаго и оставляетъ деревню. Между тѣмъ Татьяна вмѣстѣ съ матерью уѣзжаетъ въ Москву и выходитъ замужъ за стараго генерала Въ Петербургѣ Онѣгинъ снова встрѣчаетъ Татьяну уже свѣтской дамой и, страстно влюбившись, пишетъ ей письмо. Татьяна на словахъ отвѣчаетъ ему, что она хотя и любитъ его по прежнему, но не можетъ принадлежать ему по гордости добродѣтели. Этимъ и оканчивается все произведеніе Пушкина. Но въ романѣ не столько важенъ сюжетъ, какъ важны тѣ подробности, въ которыхъ авторъ рисуетъ намъ современное общество, хорошо знакомое Пушкину. Въ образѣ

Онѣгина поэтъ представляетъ намъ свѣтскаго человѣка, который, получивъ поверхностное образованіе, проводитъ время праздно среди всевозможныхъ удовольствій. Средства позволяютъ ему жить роскошно, блистать въ свѣтскомъ обществѣ, посѣщать балетъ, обѣдать въ лучшихъ столичныхъ ресторанахъ; но какъ человѣкъ, непріученный съ дѣтства къ труду, онъ не находитъ себѣ дѣятельности, полезной какъ для него самого, такъ и для окружающаго его общества. Ухаживаніе за женщинами, по словамъ поэта, была единственная наука, которую Онѣгинъ зналъ въ совершенствѣ. Все, чѣмъ наслаждается Онѣгинъ, мало-по-малу начинаетъ ему надоѣдать, онъ бросается на литературу, но, неподготовленный раньше, не ощущаетъ удовольствія въ ней, берется за перо, чтобы самому написать что нибудь, но ничего не вышло изъ пера его, какъ говоритъ поэтъ. Для Онѣгина наступаетъ періодъ разочарованія, недовольства жизнью. Какъ человѣкъ умный отъ природы, имѣющій душу и сердце, онъ не можетъ примириться съ дѣйствительностью, но въ то же время не въ состояніи и проводить въ жизнь новый разумный идеалъ по той причинѣ, что для такого призванія становятся ничтожными тѣ силы, которыми владѣетъ герой романа. Онѣгинъ не можетъ бороться съ обществомъ, предразсудки и пустота котораго отразились на немъ самомъ. Онъ, правда, получилъ воспитаніе, но авторъ смѣется надъ такимъ воспитаніемъ, задача котораго придать воспитываемому существу только внѣшній лоскъ, умѣнье держать себя въ свѣтскомъ обществѣ. Обстановка, окружающая человѣка, всегда оказываетъ на него громадное вліяніе и часто влечетъ за собою вредныя послѣдствія. Такъ случилось и съ Онѣгинымъ. Воспитаніе не выработало въ немъ никакихъ нравственныхъ убѣжденій, не дало и знаній, необходимыхъ для жизни и для борьбы съ общественными недостатками, и вотъ онъ принужденъ почти идти по тому же пути, по которому шло все общество въ его высшихъ сферахъ. Историческія условія нашей жизни сами по себѣ вели къ образованію типа, подобнаго Онѣгину. Существованіе крѣпостнаго права, вполнѣ обезпечившаго помѣщика, давало возможность послѣднему жить въ свое удовольствіе, не заботясь о будущемъ и не ломая головы на счетъ отыскиванія жизненныхъ средствъ. Богатство, какимъ владѣлъ Онѣгинъ, вполнѣ его обезпечивало и слѣдовательно ему не нужно было бороться противъ бѣдности, что, конечно, часто заставляетъ человѣка заботиться о са-

момъ себѣ, о своемъ развитіи. Въ противоположность Онѣгину, Пушкинъ изображаетъ намъ Ленскаго, намекая имъ на другую черту современной жизни. Ленскій романтикъ, живущій въ мірѣ мечтаній и не знающій жизни практической. Онъ поэтъ, и, по словамъ автора воспѣваетъ въ своихъ стихахъ разлуку, печаль, какую то туманную даль, — однимъ словомъ подражаетъ Жуковскому и его послѣдователямъ. Ленскій любитъ Ольгу и находитъ въ ней такія достоинства, какихъ на самомъ дѣлѣ въ ней не могло и быть. Онъ видитъ въ ней не простую барышню, воспитанную на лонѣ деревенской жизни, а какую-то сильфиду, о которыхъ разсказываютъ въ средневѣковыхъ романахъ и балладахъ. Онѣгинъ, танцуя съ Ольгой, держалъ себя очень развязно и хотѣлъ этимъ подшутить надъ мечтательнымъ юношей но Ленскій не вынесъ этого: считая себя оскорбленнымъ, онъ вызываетъ Онѣгина на дуэль, и погибаетъ какъ жертва своей страстной и романтической натуры. Пушкинъ слѣдующими стихами оплакиваетъ кончину мечтателя поэта:

Друзья мои, вамъ жаль поэта:
Во цвѣтѣ радостныхъ надеждъ,
Ихъ не свершивъ еще для свѣта,
Чуть изъ младенческихъ одеждъ,
Увялъ! Гдѣ жаркое волненье,
Гдѣ благородное стремленье
И чувствъ и мыслей молодыхъ.
Высокихъ, нѣжныхъ, удалыхъ?
Гдѣ бурныя любви желанья
И жажда знаній и труда,
И страхъ порока и стыда,
И вы завѣтныя мечтанья,
Вы, призракъ жизни неземной,
Вы, сны поэзіи святой!
Быть можетъ, онъ для блага міра,
Иль хоть для славы былъ рожденъ;
Его умолкнувшая лира
Гремучій, непрерывный звонъ
Въ вѣкахъ поднять могла. Поэта,
Быть можетъ, на ступеняхъ свѣта,
Ждала высокая ступень.
Его страдальческая тѣнь,

Быть можетъ, унесла съ собою
Святую тайну, и для насъ
Погибъ животворящій гласъ,
И за могильною чертою
Къ ней не домчится гимнъ временъ,
Благословенія писменъ,
А можетъ быть и то: поэта
Обыкновенный ждалъ удѣлъ.
Прошли бы юношества лѣта,
Въ немъ пылъ души бы охладѣлъ,
Во многомъ онъ бы измѣнился,
Разстался бы съ музами, женился;
Въ деревнѣ, счастливъ и рогатъ,
Носилъ бы стеганный халатъ;
Узналъ бы жизнь на самомъ дѣлѣ,
Подагру-бъ въ сорокъ лѣтъ имѣлъ,
Пилъ, ѣлъ, скучалъ, толстѣлъ, хирѣлъ
И наконецъ, въ своей постелѣ,
Скончался-бъ посреди дѣтей,
Плаксивыхъ бабъ и лекарей.

Во времена Пушкина подобный типъ часто можно было встрѣтить. Подъ вліяніемъ туманной философіи, которая занесена была къ намъ изъ Германіи, съ другой стороны подъ вліяніемъ нѣмецкаго романтизма, въ обществѣ нашемъ образовались люди, подобные Ленскому; это было время, когда юноши въ 18 лѣтъ уже считали себя философами и не видѣли того, что происходило въ жизни.

Въ романѣ «Евгеній Онѣгинъ» въ первый разъ изображена русская женщина въ лицѣ Татьяны. Пушкинъ довольно подробно описываетъ ту среду, въ которой жила Татьяна. Отецъ ея былъ простой и добрый баринъ, и повидимому не входилъ ни во что, такимъ образомъ Татьяна развивалась исключительно подъ вліяніемъ матери, которая воспиталась на чтеніи чувствительныхъ романовъ, вышла за мужъ за Ларина, но втайнѣ вздыхала о другомъ. Затѣмъ все пошло обычнымъ путемъ: Ларина начала ѣздить по работамъ, солить грибы на зиму, бить прислугу, однимъ словомъ изъ чувствительной барышни обратилась въ хозяйку—помѣщицу. Жизнь Лариныхъ была полна мертвящаго однообразія Изрѣдка наѣзжали къ нимъ сосѣдніе помѣщики, но это были люди безъ всякаго образова-

нія, и могли вести бесѣду только о псарнѣ, да о сѣнокосѣ, а женщины собирались только для того, чтобы посплетничать и позлословить. Среди такого общества должна была жить Татьяна, дѣвушка отъ природы умная, съ душой чувствительной и способной понимать лучшую жизнь. Съ дѣтства она не любила игръ, часто задумывалась и съ восторгомъ слушала сказки, въ которыхъ говорилось о какихъ нибудь страшныхъ происшествіяхъ. Подругой ея была природа.

Она любила на балконѣ
Предупреждать зари восходъ,
Когда на блѣдномъ небосклонѣ
Звѣздъ исчезаетъ хороводъ
И тихо край земли свѣтлѣетъ
И, вѣстникъ утра, вѣтеръ вѣетъ
И всходитъ постепенно день.

Въ долгіе зимніе вечера Татьяна занималась чтеніемъ. Тогда въ изобиліи выходили переводные романы и вотъ Татьяна съ жадностью бросилась на нихъ. Предъ нею открылся совершенно иной міръ—міръ, правда, часто фантастическій, но во всякомъ случаѣ, болѣе привлекательный, чѣмъ все окружавшее ее общество. Подъ вліяніемъ чтенія Татьяна создала ссбѣ идеалъ любимаго человѣка, совершенно непохожаго на тѣхъ безобразныхъ помѣщиковъ, которыхъ рисуетъ нашъ Пушкинъ въ лицѣ Буянова, Пѣтушкова и др. Татьянѣ некому было указать на ту или другую дѣятельность,—и потому очень естественно, что она, презирая рутинный образъ жизни господствовавшій въ средѣ, ее окружавшей, стала жить въ мірѣ тѣхъ идеаловъ, которые рисовались ея горячему воображенію. Является Онѣгинъ, молодой человѣкъ, восторженный и страстный. Татьяна внѣ себя отъ радости: она нашла въ немъ осуществленіе своего идеала, и вполнѣ предалась ему. Страсть заставляетъ ее писать къ Онѣгину восторженное письмо, въ концѣ котораго она говоритъ слѣдующее:

..... Судьбу мою
Отнынѣ я тебѣ вручаю
Передъ тобою слезы лью,
Твоей защиты умоляю.

Вообрази: — я здѣсь одна,
Никто меня не понимаетъ,
Разсудокъ мой изнемогаетъ
И молча гибнуть я должна.

Отказъ Онѣгина повергаетъ Татьяну въ отчаянье. Съ отъѣздомъ героя, она посѣщаетъ его домъ, сидитъ въ его кабинетѣ, читаетъ книги. Скоро однакожъ волненія страсти унимаются. Татьяна ѣдетъ въ Москву, на ярмарку невѣстъ, и тамъ находитъ себѣ жениха, въ лицѣ стараго генерала. Тутъ поэтъ изображаетъ бракъ по разсчету и вводитъ свою героиню въ обычный порядокъ вещей, господствовавшій въ обществѣ. Нельзя не припомнить здѣсь анекдотъ относительно развязки романа. Одна княгиня очень *привязалась* къ Татьянѣ и встрѣтившись съ Пушкинымъ спросила: Что вы думаете дѣлать съ Татьяной? Умоляю васъ, устройте хорошенько участь ея. Будьте покойны, княгиня, отвѣчалъ Пушкинъ смѣясь, «выдамъ ее за мужъ за генералъ-адъютанта». «Вотъ и прекрасно, благодарю», рѣшила княгиня. Устраиваніе участи и было поводомъ замужества Татьяны Встрѣтившись снова съ Онѣгинымъ Татьяна признается, что она по прежнему его любитъ, но что отданная другому, она должна ему быть вѣрна. Такимъ образомъ въ лицѣ Татьяны поэтъ изображаетъ разладъ между проявленіемъ искренняго чувства и тѣми правилами или требованіями жизни, которыя заставляли женщину идти противъ своихъ чувствъ.

Въ романѣ Пушкина изображаются три лица, но въ нихъ есть нѣчто общее, которое и указываетъ на идею всего произведенія. Въ жизни есть много людей, обладающихъ отъ природы умственными и нравственными силами, но условія этой жизни слагаются часто такъ, что эти силы должны безплодно гибнуть. Безъ сомнѣнія при другихъ условіяхъ, не похожихъ на тѣ, которыя изображаются въ романѣ, личности, подобныя Онѣгину и Татьянѣ, одаренныя отъ природы способностью къ дѣятельности, могли бы найти возможность проявить эту способность, но онѣ не находятъ этой возможности, благодаря тому ложному направленію, подъ вліяніемъ котораго находились въ періодъ своего развитія.

«Борисъ Годуновъ» принадлежитъ къ лучшимъ образцамъ драматической поэзіи въ нашей литературѣ. Создавая это произведеніе,

Пушкинъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ Карамзина и его взгляда на личность Бориса Годунова. По примѣру историка, поэтъ изображаетъ въ Борисѣ цареубійцу, преступника, погибающаго отъ удара правосудія, орудіемъ котораго является Григорій Отрепьевъ, первый изъ самозванцевъ. Интересъ драмы сосредоточивается на двухъ личностяхъ: на Борисѣ и Григоріи; поэтъ изображаетъ тотъ моментъ изъ жизни Бориса, когда этотъ послѣдній, достигнувъ престола путемъ злодѣянія, борется съ угрызеніями совѣсти и, побѣжденный самозванцемъ, умираетъ отъ душевныхъ волненій. Сдѣлавшись правителемъ, Борисъ осыпаетъ народъ благодѣяніями, думая этимъ возбудить къ себѣ расположеніе его. Но правитель видитъ противное: всякое несчастіе, происходившее въ государствѣ, приписывается винѣ Бориса. Душа Бориса неспокойна, въ немъ возбуждается цѣлый рядъ подозрѣній, повлекшихъ за собою казни. Въ довершеніе всего получается извѣстіе о появленіи самозванца: Борисъ еще больше встревоженъ. Онъ вспоминаетъ о прошломъ, совѣсть начинаетъ его тревожить, между тѣмъ дѣйствія самозванца увѣнчиваются блестящими успѣхами: онъ набралъ себѣ вѣрную дружину и смѣло идетъ на Москву, чтобы сорвать вѣнецъ съ головы цареубійцы. Григорій — пылкій юноша: тихая монастырская келья не могла прельстить его; жажда дѣятельности его мучила—и вотъ онъ, подробно узнавъ у старца Пимена о томъ, что происходитъ на Руси, задумываетъ явиться соперникомъ Бориса. Онъ бѣжитъ изъ монастыря и, найдя покровительство у польскихъ пановъ, собираетъ войско и идетъ походомъ на Москву. Считая себя орудіемъ небесной кары, Григорій дѣйствуетъ опрометчиво и все-таки достигаетъ своей цѣли. Борисъ совершенно теряется, когда узнаетъ объ успѣхахъ самозванца и объ измѣнѣ бояръ, перешедшихъ на сторону его. Драма оканчивается внезапною смертью Бориса и гибелью семейства Годуновыхъ. Пушкинъ не ограничился только исторіею Карамзина, онъ изучилъ старинныя лѣтописи и, благодаря этому изученію, могъ создать такой величавый образъ лѣтописца, какой мы видимъ въ лицѣ Пимена. Рѣчь Пимена проникнута религіознымъ характеромъ и совершенно монашескимъ взглядомъ на жизнь; недостатокъ изображенія заключается только втомъ, что характеръ лѣтописца не согласуется съ временемъ, такъ какъ въ эпоху Бориса Годунова лѣтопись получила офиціальный характеръ и на нее не смотрѣли уже какъ на богоугодное дѣло,

какъ это было въ эпоху, въ которую жилъ старинный лѣтописецъ Несторъ—прототипъ Пимена. Что касается до изображенія характеровъ вообще, то Пушкинъ въ этомъ случаѣ поучался у Шекспира, какъ мы видимъ изъ его писемъ по поводу драмы. Благодаря Шекспиру Пушкинъ создалъ драму, непохожую на старинныя наши трагедіи. Лучшими мѣстами драмы должны считаться: сцена въ кельѣ Чудова монастыря; сцена, въ которой представленъ Борисъ Годуновъ, въ кругу своей семьи дочери Ксеніи и сына Ѳеодора, и затѣмъ сцены въ Польшѣ. Послѣднія необходимы были для того, чтобы очертить подробнѣе характеръ самозванца, который влюбленъ былъ, какъ извѣстно, въ Марину Мнишекъ. Особенно замѣчательна сцена у фонтана. Драматизмъ ея выражается съ одной стороны въ удальствѣ и пылкости самозванца, подъ вліяніемъ любви сознающагося въ своемъ дѣлѣ, съ другой—въ холодности Марины, женщины честолюбивой, готовой склониться на просьбы юноши единственно съ цѣлью сдѣлаться московской царицей. Въ историческомъ отношеніи въ этой сценѣ допущена невѣрность; самозванецъ, какъ извѣстно, отъ всѣхъ скрывалъ свое происхожденіе, да притомъ онъ былъ человѣкъ, для котораго любовь не была возвышенною страстью Въ піэсѣ Пушкина собственно не представлена борьба между двумя главными лицами; Борисъ и Григорій даже не встрѣчаются другъ съ другомъ, и потому произведеніе Пушкина относятъ къ разряду драматическихъ поэмъ. Вся піэса состоитъ изъ отдѣльныхъ сценъ, совершающихся въ различныхъ мѣстахъ, и потому она неудобна въ сценическомъ отношеніи.

Изъ обозрѣнія произведеній Пушкина во второй періодъ его дѣятельности, мы видимъ, что онъ находился подъ вліяніемъ иностранныхъ образцовъ: Байрона и Шекспира. Затѣмъ слѣдуетъ самобытный періодъ творчества. Разнообразіе сюжетовъ, умѣнье вникать въ сущность различныхъ сторонъ жизни особенно хорошо выразились въ драматическихъ сценахъ, которыя, несмотря на свою краткость, обнаруживаютъ въ ихъ авторѣ глубокій драматическій талантъ.

Въ сценѣ «Скупой Рыцарь» Пушкинъ въ лицѣ барона изобразилъ идею скупости. Старикъ баронъ находитъ, что золото есть источникъ власти, и вотъ онъ начинаетъ копить его. Мало-по-малу сбереженіе золота становится для него единственнымъ интересомъ въ жизни и обращается въ страсть, измѣняющую его отношенія къ

людямъ и даже къ своему родному сыну Альберу. Альберъ—юноша пылкій, жаждетъ удовольствій, роскоши, а между тѣмъ у него нѣтъ для этого средствъ. Отецъ дрожитъ надъ золотомъ и совершенно далекъ отъ того, чтобы жертвовать имъ для прихотей сына. Драма основывается на борьбѣ между отцомъ и сыномъ, оканчивающейся смертью стараго барона. Альберъ послѣ долгаго терпѣнія отправляется къ герцогу съ жалобой на отца. Туда же является и баронъ. Альберъ прячется въ сосѣднюю комнату, и когда баронъ сталъ говорить герцогу, что сынъ его мотъ, что онъ хотѣлъ его обокрасть, то Альберъ выбѣгаетъ и упрекаетъ отца въ пошлой клеветѣ. Старый баронъ бросаетъ перчатку по обычаю средневѣковаго рыцарства. Альберъ ее подымаетъ въ знакъ согласія биться, но герцогъ ихъ разводитъ. Баронъ отъ потрясенія душевнаго умираетъ со словами: «гдѣ мои ключи». Произведеніе Пушкина состоитъ только изъ трехъ сценъ, но, несмотря на краткость, мы видимъ въ нихъ полное воспроизведеніе драматической борьбы, основанной на противоположности характеровъ. Драматическая сцена «Моцартъ и Сальери» въ первый разъ была напечатана въ альманахѣ «Сѣверные Цвѣты» въ 1832 году. Сюжетъ драмы—отравленіе Моцарта музыкантомъ Сальери—по словамъ самаго Пушкина — дѣйствительное происшествіе, но на самомъ дѣлѣ это вымыселъ поэта, не лишенный правдоподобія относительно общей мысли драмы. Въ лицѣ Моцарта изображена геніальная натура, возбуждающая зависть въ талантливыхъ людяхъ, подобныхъ музыканту Сальери. Сальери завидуетъ славѣ Моцарта и вотъ изъ зависти онъ рѣшается отравить геніальнаго композитора. Моцартъ, ничего не подозрѣвая, выпиваетъ стаканъ съ ядомъ, но передъ смертью, по просьбѣ Сальери, исполняетъ свой Requiem, одну изъ величайшихъ композицій. Сальери въ восторгѣ отъ піэсы, онъ высказываетъ свою любовь къ художнику, но въ то же время является и преступникомъ. По уходѣ Моцарта Сальери, оставшись одинъ, невольно сознается въ справедливости мнѣнія Моцарта, что геній и злодѣйство двѣ вещи несовмѣстныя. Основная мысль драмы — борьба чувствъ, съ одной стороны порожденныхъ личными стремленіями къ великой славѣ, съ другой—являющимися какъ результатъ призванія, даннаго природою. Достоинство этой небольшой піэски Пушкина заключается въ необыкновенно тонкомъ изображеніи неуловимыхъ повидимому движеній души. То же самое мы замѣчаемъ и въ драматическомъ

отрывкѣ «Каменный гость», героемъ котораго является испанскій рыцарь Донъ-Жуанъ. При всей психологической вѣрности, съ какою изображенъ человѣкъ, посвятившій всю жизнь свою на любовь къ женщинѣ, піэса Пушкина имѣетъ фантастическій характеръ, согласно съ преданіями о Донъ-Жуанѣ и съ оперою Моцарта, извѣстной подъ тѣмъ-же именемъ. Въ тотъ моментъ, когда герой бесѣдуетъ со вдовой донной Анной, страстно влюбившейся въ Донъ-Жуана, появляется статуя умершаго мужа. Донъ-Жуанъ, по желанію Каменнаго Гостя, подаетъ ему руку и со словами «я гибну — кончено» проваливается сквозь землю. Къ числу драматическихъ сценъ этого періода дѣятельности принадлежатъ еще: «Русалка» и «Пиръ во время чумы». Первая піэса — фантастическая по содержанію, но въ ней поэтъ сумѣлъ схватить очень вѣрно нѣкоторыя бытовыя черты русской народной жизни. Во второй сценѣ поэтъ изображаетъ свадьбу въ княжескомъ теремѣ и, совершенно согласно съ древнерусскими обычаями, рисуетъ картину свадебнаго пира, шутки и совѣты свата, передаетъ вполнѣ народнымъ языкомъ пѣсни дѣвушекъ, присутствующихъ на свадьбѣ. Вторая піэса, изображающая оргію во время чумы, заимствована изъ трагедіи Вильсона.

Втеченіе третьяго періода дѣятельности Пушкинъ не разъ обращался къ сюжетамъ историческимъ, имѣя въ виду воспроизвести болѣе или менѣе замѣчательныя эпохи въ русской исторіи. Къ подобнаго рода поэтическимъ сочиненіямъ относятся двѣ поэмы «Полтава» и «Мѣдный Всадникъ» и повѣсть «Капитанская дочка», Пушкинъ глубоко сочувствовалъ Петру Великому и его реформамъ. Эта личность и является главнымъ героемъ обѣихъ поэмъ. Въ Полтавѣ собственно два сюжета: любовь Маріи къ Мазепѣ и Полтавская битва. Такимъ образомъ поэтъ соединилъ двѣ стороны жизни частную и историческую, но и та и другая составляютъ одно цѣлое, выраженное въ общей идеи произведенія, которая высказана въ эпилогѣ поэмы. Марія, дочь Кочубея, страстно влюбляется въ своего крестнаго отца, Мазепу, малороссійскаго гетмана, отказывается отъ женховъ и, когда родители возстали противъ предложенія сдѣланнаго Мазепой, она бѣжитъ къ нему и дѣлается его любовницей. Кочубей, узнавши объ этомъ, намѣревается мстить Мазепѣ и пишетъ на него доносъ Петру. Но Мазепа человѣкъ хитрый, пронырливый, способный всегда выпутаться въ крайнихъ обстоятельствахъ. Онъ оправ-

*

дывается передъ Петромъ и требуетъ казни Кочубея, какъ клеветника. Кочубей вмѣстѣ съ полковникомъ Искрой казнены. Марія, извѣщенная матерью о несчастной судьбѣ отца, бѣжитъ на мѣсто казни, но опаздываетъ и сходитъ съ ума. Между тѣмъ Мазепа соединяется съ Карломъ XII, который съ громаднымъ войскомъ подступилъ къ Полтавѣ, чтобы здѣсь сразиться съ Петромъ Великимъ. Поэтъ подробно описываетъ Полтавскую битву, героизмъ Петра и его побѣду надъ опытнымъ королемъ Шведскимъ. Въ лицѣ Петра Пушкинъ изображаетъ человѣка, для котораго общественные интересы выше всего и который жертвуетъ для нихъ собственною жизнью, принимая личное участіе въ битвѣ. Поэтъ съ намѣреніемъ возвышаетъ личность Петра передъ другими дѣйствующими лицами поэмы и только Кочубей вызываетъ его сочувствіе, какъ человѣкъ, погибающій подъ тяжестью окружающихъ его обстоятельствъ. Изображая Мазепу, Пушкинъ ограничивается только мрачными сторонами этого характера. Мазепа человѣкъ честолюбивый, стремящійся удовлетворить свои личныя стремленія и притомъ не останавливающійся ни передъ какимъ злодѣйствомъ. Обращаясь къ исторической сторонѣ поэмы, мы замѣчаемъ, что Пушкинъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ отступаетъ отъ исторіи и въ особенности въ изображеніи личности Мазепы. Правда, эти отступленія возможны въ каждомъ поэтическомъ произведеніи, но они не должны простираться до такой степени, чтобы идеализированная личность совершенно отличалась отъ своего историческаго прототипа. Поэтъ изображаетъ Мазепу злодѣемъ, между тѣмъ на самомъ дѣлѣ онъ былъ только честолюбцемъ, который искалъ случая возвыситься и, соединившись съ Карломъ, онъ надѣялся, что Петръ не устоитъ передъ знаменитымъ воиномъ, слава о которомъ распространена была по всей Европѣ. Наша исторія указываетъ на многихъ, подобныхъ Мазепѣ, а между тѣмъ мы не называемъ ихъ злодѣями. Идеализація Петра совершенно согласна съ дѣйствительностью. Поэтъ представилъ героизмъ какъ общую черту характера Петра, которая проявлялась во всѣхъ его поступкахъ; но злодѣйство, приписываемое поэтомъ Мазепѣ, не было вовсе существенною чертою характера этой личности. Особенный интересъ поэмѣ «Полтава» придаютъ тѣ мѣста ея, которыя отличаются драматическимъ харатеромъ, это именно: сцена «Кочубей въ темницѣ» и сцена, состоящая изъ разговора Маріи съ Мазепой. Дра-

матизмъ первой сцены заключается въ борьбѣ чувствъ, возбужденныхъ въ душѣ Кочубея, находящагося въ оковахъ. Онъ стоитъ при дверяхъ гроба и долгъ христіанскій заставляетъ его прощать своимъ врагамъ, а между тѣмъ въ душѣ его не умерло чувство мести; онъ готовъ ее унести съ собою въ могилу. Вторая сцена происходитъ въ домѣ Мазепы. Старый гетманъ желаетъ испытать Марію любитъ ли она его сильнѣе, чѣмъ своего роднаго отца. Подобныя драматическія мѣста значительно оживляютъ поэму тѣмъ болѣе, что въ талантѣ Пушкина было много умѣнья уловить движенія души въ извѣстные моменты. Переходимъ къ другой поэмѣ. Въ 1824 году въ Петербургѣ произошло наводненіе, гибельно отразившееся въ особенности на бѣдномъ населеніи столицы, живущемъ въ подвалахъ. Стали многіе упрекать Петра, основавшаго Петербургъ при морѣ и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ всегда можетъ угрожать жителямъ подобная опасность. Пушкинъ слышалъ не разъ подобные толки и они-то послужили поводомъ къ созданію поэмы «Мѣдный Всадникъ», гдѣ въ лицѣ бѣднаго чиновника Евгенія, потерявшаго невѣсту во время наводненія, поэтъ представляетъ людей, неумѣющихъ цѣнить подвиги такого великаго человѣка какъ Петръ. Въ прологѣ поэмы Пушкинъ изображаетъ основаніе Петербурга и потомъ состояніе столицы по прошествіи ста лѣтъ, дѣлая это съ тою цѣлью, чтобы показать значеніе дѣйствій Петра, который, основывая Петербургъ при морѣ, имѣлъ намѣреніе сблизить Россію съ Западомъ, распространить успѣхи цивилизаціи въ отечествѣ и тѣмъ принести пользу своему народу. Евгеній, о судьбѣ котораго разсказывается въ поэмѣ, бѣдный чиновникъ; онъ сходитъ съ ума отъ потери невѣсты, которая погибла отъ наводненія, и, бродя по улицамъ приходитъ на площадь, гдѣ воздвигнутъ памятникъ Петру Великому, изображенному въ видѣ Всадника. Евгеній укоряетъ строителя Петербурга, побужденный къ тому своимъ личнымъ несчастіемъ. Общая мысль поэмы та, что люди обыкновенные могутъ производить оцѣнку и свой судъ надъ геніальными дѣятелями только въ томъ состояніи, въ которомъ находится Евгеній. Въ противномъ случаѣ всякій сознается, что Петръ своимъ поступкомъ удовлетворялъ интересамъ общественнымъ, за что и оставилъ по себѣ великую память. Описаніе наводненія—одно изъ лучшихъ мѣстъ поэмы—сдѣлано согласно съ дѣйстви-

тельностью, что можно легко провѣрить по тѣмъ запискамъ, которыя остались у насъ съ того времени.

Пушкинъ глубоко интересовался эпохой Екатерины II и серьозно изучалъ то событіе, которое извѣстно въ нашей исторіи подъ именемъ пугачевскаго бунта. Онъ написалъ исторію этого событія и оставилъ довольно значительное количество матерьяловъ, собранныхъ имъ самимъ изъ разныхъ архивовъ. Но какъ поэтъ Пушкинъ не могъ упустить изъ виду и частную жизнь людей, жившихъ во времена пугачевскаго бунта, и вотъ у него возникаетъ цѣлая повѣсть «Капитанская дочка», изображающая эту частную жизнь. Герой повѣсти молодой офицеръ Гриневъ, служащій въ Бѣлогорской крѣпости. Сюжетъ отличается нѣсколько романтическимъ характеромъ. Гриневъ влюбляется въ Марью Ивановну, дочь капитана Миронова, которую преслѣдуетъ и оскорбляетъ на каждомъ шагу офицеръ Швабринъ, впослѣдствіи вступившій въ шайку Пугачева. Нападаетъ на крѣпость Пугачевъ, приказываетъ казнить коменданта и его жену. Марья Ивановна спасается въ домѣ крѣпостнаго священника. Гриневъ отказывается отъ присяги Пугачеву, и только потому, что этотъ послѣдній былъ когда-то имъ облагодѣтельствованъ, спасается отъ висѣлицы. Пугачевъ дѣлается ментором и покровителемъ Гринева, совершающаго теперь цѣлый рядъ подвиговъ, чтобы только спасти невѣсту отъ преслѣдованій злодѣя Швабрина. Между тѣмъ правительство подозрѣваетъ Гринева съ сношеніяхъ съ Пугачевымъ; обвиненный въ преступленіи, Гриневъ подвергается аресту и наконецъ суду. Марья Ивановна еще раньше переселилась въ усадьбу родителей Гринева, но, узнавъ о несчастной судьбѣ жениха, отправляется въ Царское Село, является тамъ передъ лицомъ императрицы Екатерины II и, разсказавъ все, что случилось, испрашиваетъ помилованіе Гриневу. Особенное вниманіе поэтъ обращаетъ на Гринева, и исторической стороны тогдашней жизни касается на столько, на сколько она необходима для обрисовки характера главнаго героя и положеній, въ которыхъ онъ находится. Мы не узнаемъ изъ повѣсти подробностей относительно Пугачева; сначала онъ является праздношатающимся, бродягой и встрѣчается съ Гриневымъ, когда тотъ ѣхалъ въ Оренбургъ на службу, а потомъ мы видимъ его уже начальникомъ шайки, грабежамъ и злодѣйствамъ которой нѣтъ никакого предѣла. Обративши исключительное вни-

маніе на характеръ Гринева, Пушкинъ подробно описываетъ обстановку, при которой развивался Гриневъ, а затѣмъ обстоятельства жизни, сдѣлавшія изъ него человѣка, способнаго на самопожертвованія изъ любви къ дѣвушкѣ. Въ повѣсти находится очень много подробностей, рисующихъ нашу старинную жизнь съ ея патріархальными нравами и обычаями, съ ея странными понятіями и взглядами на людей и явленія. Въ лицѣ Василисы Егоровны, жены коменданта, весьма хорошо изображенъ типъ простой, необразованной женщины; она женщина съ характеромъ и, забравши всю власть въ свои руки, чрезвычайно своеобразно понимаетъ эту власть. Когда Гриневъ является въ первый разъ къ коменданту и не находитъ его дома, то Василиса Егоровна прямо говоритъ, что она здѣсь всѣмъ руководитъ и надъ всѣмъ начальствуетъ. Савельичъ, дядька Гринева, типъ дворового человѣка: любовь къ барину вмѣстѣ съ рабскою ему покорностью — вотъ тѣ основныя черты, которыя свойственны были этому типу во времена крѣпостнаго права. Повѣсть Пушкина отличается необыкновенною простотою въ изложеніи — черта, вообще свойственная этому поэту. Наравнѣ съ «Капитанской дочкой» стоятъ и другія произведенія въ повѣствовательномъ родѣ. Таковы: «Лѣтопись села Горохина», проникнутая нерѣдко остроумiемъ и неподдѣльной шуткой; небольшіе разсказы: «Выстрѣлъ», «Мятель», «Барышня-крестьянка», «Станціонный Смотритель», «Дубровскій», «Пиковая дама» и другіе. Большимъ объемомъ изъ нихъ отличается повѣсть «Дубровскій» гдѣ съ поразительной вѣрностью представлены бытъ стариннаго дворянства въ лицѣ помѣщика Троекурова, подъячіе и судопроизводство. Всматриваясь въ содержаніе повѣстей Пушкина, мы замѣчаемъ значительный поворотъ въ его литературной дѣятельности. Поэтъ обращается къ русской жизни и въ цѣломъ рядѣ простыхъ разсказовъ изображаетъ различныя стороны стариннаго нашего быта. Ознакомленіе же съ прошедшимъ весьма важно для изученія того, что происходитъ передъ нашими глазами, такъ какъ всегда настоящее есть результатъ прошедшаго. Прежняя критика, развившаяся у насъ въ 40-хъ годахъ, отнеслась не весьма сочувственно къ повѣствовательнымъ произведеніямъ Пушкина и даже признала ихъ недостойными таланта этого поэта. Подобный взглядъ очевидно возникъ подъ вліяніемъ особенной эстетической теоріи, съ точки зрѣнія которой критика искала всегда въ произведеніи глубокой идеи. Безъ сомнѣнія

глубокихъ идей мы не найдемъ въ повѣстяхъ Пушкина; онѣ представляютъ собою простые разсказы о русской жизни, въ явленіяхъ которой поэтъ и не видѣлъ никакой глубокой идеи.

Во всѣ періоды своей поэтической дѣятельности Пушкинъ написалъ множество лирическихъ произведеній, число которыхъ простирается до 600 слишкомъ. Уже первыя произведенія Пушкина въ лирическомъ родѣ при всей подражательности ихъ содержанія, обнаружили въ немъ необыкновенную легкость стиха и рѣдкую въ то время простоту выраженія. Чѣмъ болѣе развивался талантъ Пушкина, тѣмъ болѣе усовершенствовалась основная черта его поэзіи, т. е. сближеніе съ дѣйствительностью. Правда, мы не найдемъ въ стихотвореніяхъ Пушкина изображенія какихъ нибудь явленій современной жизни, но выраженіе чувствъ и ощущеній есть та же дѣйствительность. Не всякій изъ поэтовъ выражалъ свои чувства такъ, какъ Пушкинъ. Онъ умѣлъ сдѣлать ихъ общечеловѣческими и изображалъ въ такихъ формахъ, въ какихъ онѣ обнаружились бы у всякаго, находящагося въ одинаковыхъ съ поэтомъ обстоятельствахъ. Кромѣ того, чувство, воспѣваемое поэтомъ, всегда гуманно; оно бываетъ нерѣдко проникнуто грустью, но эта грусть всегда кончается мыслью о примиреніи съ жизнью. Кромѣ простоты, стихотворенія Пушкина отличаются еще однимъ изъ самыхъ выдающихся достоинствъ красотою формы и ея художественностью. Въ этомъ отношеніи замѣчательны слѣдующія: «Я помню чудное мгновенье», «Брожу ли я вдоль шумныхъ», «Разлука» (Для береговъ отчизны дальной) и другія. Во многихъ стихотвореніяхъ Пушкина находятся ясныя картины русской природы и жизни (Утопленникъ, Бѣсы), и въ этомъ отношеніи литература и общество справедливо признали Пушкина поэтомъ народнымъ. Безъ сомнѣнія, Пушкинъ не могъ еще понимать русскую народность такъ, какъ понимала ее послѣдующая литература наша, но это конечно объясняется съ одной стороны общимъ положеніемъ тогдашней образованности, съ другой обстоятельствами жизни и происхожденіемъ поэта. Чтобы изображать внутреннюю жизнь народа — надо жить съ нимъ, надо прочувствовать все, что испытываетъ народъ въ своихъ радостяхъ и печаляхъ, но это было недоступно для Пушкина, какъ человѣка, вышедшаго совершенно изъ иной среды. Для глубокаго пониманія народной жизни недостаточно одной природной геніальности: тутъ нужно еще изученіе явленій

народной жизни, но во времена Пушкина эта область оставалась еще нетронутою. Во всякомъ случаѣ Пушкинъ, какъ мы видѣли изъ его біографіи, старался изучать народную поэзію, понималъ ее лучше многихъ своихъ современниковъ и подражалъ ей весьма удачно въ своихъ народныхъ сказкахъ. Въ ряду лирическихъ произведеній есть нѣсколько стихотвореній, въ которыхъ Пушкинъ касается вопроса о значеніи искусства и поэзіи и о призваніи поэтическомъ вообще. Таковы стихотворенія: «Эхо», «Поэтъ», «Поэту», «Чернь». Общая мысль всѣхъ этихъ стихотвореній слѣдующая: Поэтъ— человѣкъ, владѣющій вдохновеніемъ, произведенія свои онъ создаетъ поволѣ своего вдохновенія и не обращаетъ вниманія на то, что происходитъ въ окружающей его жизни.

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ
Мы рождены для вдохновенья
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Обращаясь къ черни, поэтъ очевидно разумѣетъ окружавшее его общество, которое мало-по-малу стало охладѣвать къ поэту и налагало на него извѣстныя требованія. Но взглядъ Пушкина на поэзію не былъ самобытнымъ, онъ, очевидно, возникъ подъ вліяніемъ тѣхъ идей объ искусствѣ, которыя занесены были къ намъ чрезъ посредство нѣмецкой философіи. Явились двѣ теоріи: одна признавала существованіе искусства для искусства, другая требовала, чтобы искусство и поэзія имѣли реальное значеніе, т. е. чтобы поэтъ не отдалялся отъ окружающей его жизни и былъ руководителемъ народа въ его нуждахъ. Въ указанныхъ стихотвореніяхъ Пушкинъ является пропагандистомъ теоріи искусства для искусства, но не для жизни. Пушкинъ желалъ остаться тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, т. е. свободнымъ художникомъ, творящимъ не для реальныхъ интересовъ жизни. Мнѣніе толпы ему казалось ничтожнымъ и онъ считалъ самого себя лучшимъ цѣнителемъ своихъ произведеній. Мысль эта выражена въ слѣдующемъ стихотвореніи «Поэту»:

Поэтъ, не дорожи любовію народной!
Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ,
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной;
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.

Ты царь; живи одинъ; Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородный.

Онѣ въ самомъ тебѣ. Ты самъ свой высшій судъ,
Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?

Доволенъ? — Такъ пускай толпа его бранитъ,
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.

Произведенія Пушкина остаются знаменательнымъ фактомъ въ исторіи нашей литературы. Подъ вліяніемъ его дѣятельности и таланта русская поэзія во первыхъ получила вполнѣ художественную форму, во вторыхъ сблизилась съ дѣйствительностью, чего не могли достигнуть предшествовавшіе Пушкину поэты. «Пушкинъ, говоритъ Бѣлинскій въ заключеніи своихъ статей о немъ, былъ по преимуществу поэтъ, художникъ, и больше ничѣмъ не могъ быть по своей натурѣ. Онъ далъ намъ поэзію, какъ искусство, какъ художество. И потому, онъ навсегда останется великимъ, образцовымъ мастеромъ поэзіи, учителемъ искусства. Къ особеннымъ свойствамъ его поэзіи принадлежитъ ея способность развивать въ людяхъ чувство изящнаго и чувство гуманности, разумѣя подъ этимъ словомъ безконечное уваженіе къ достоинству человѣка, какъ человѣка. Несмотря на генеалогическіе свои предразсудки, Пушкинъ по самой натурѣ своей былъ существомъ любящимъ, симпатичнымъ, готовымъ отъ полноты сердца протянуть руку каждому, кто казался ему «человѣкомъ». Несмотря на его пылкость, способную доходить до крайности, при характерѣ сильномъ и мощномъ, въ немъ было много дѣтски-кроткаго, мягкаго и нѣжнаго. И все это отразилось въ его изящныхъ созданіяхъ. Прійдетъ время, когда онъ будетъ въ Россіи поэтомъ классическимъ, по твореніямъ котораго будутъ образовывать и развивать не только, эстетическое но и нравственное чувство....»

Ни въ одномъ изъ предшествовавшихъ періодовъ русской литературы не являлось такого числа поэтовъ, какое было вызвано дѣятельностью Пушкина. Можно даже сказать, что эпоха Пушкина была единственною, когда поэзія получила преимущественное право граж-

данства въ ряду литературныхъ произведеній вообще. Безъ сомнѣнія не число писателей возвышаетъ литературу извѣстнаго періода, хотя и оно въ свою очередь говоритъ за ея богатство. Въ ряду послѣдователей Пушкина стоятъ имена Веневитинова, Козлова, Баратынскаго — имена, которыя своими трудами содѣйствовали развитію въ нашемъ обществѣ вкуса къ изящнымъ произведеніямъ, знакомили его съ поэтическими образцами литературы западной. Почти всякій писатель, являвшійся тогда на литературномъ поприщѣ, писалъ стихами, что конечно объясняется тою выработанностью слога, которую произвелъ въ русской поэзіи Пушкинъ. Какъ поэтическая форма, такъ и направленіе поэзіи введены были Пушкинымъ, который въ этомъ отношеніи можетъ стать въ ряду цѣлаго періода русской поэзіи. Разсмотримъ вкратцѣ литературную дѣятельность ближайшихъ послѣдователей Пушкина.

Дмитрій Влад. Веневитиновъ родился въ Москвѣ (1805 — 1827). Принадлежа къ богатой дворянской фамиліи, Веневитиновъ получилъ блестящее образованіе, которое не многимъ доставалось тогда на долю. Уже въ дѣтствѣ онъ изучилъ въ совершенствѣ древніе языки, занимался живописью, музыкою и тогда уже сталъ обнаруживать свои артистическія наклонности. Будучи 16-ти лѣтъ, Веневитиновъ написалъ прекрасное стихотвореніе «Къ друзьямъ», гдѣ и высказываетъ мысль, что занятія поэзіею замѣняетъ для него всѣ приманки жизни. Черезъ годъ Веневитиновъ, серьозно подготовленный поступаетъ въ Московскій университетъ, славившійся тогда именами Мерзлякова, Давыдова и Павлова. Веневитиновъ часто посѣщалъ частныя бесѣды, устраиваемыя Мерзляковымъ, и тутъ удивлялъ всѣхъ остротою и оригинальностью ума, которыя обнаруживаются не разъ и въ прозаическихъ статьяхъ молодого писателя. Къ этому времени относится сочиненіе нѣсколькихъ поэтическихъ произведеній, каковы напр.: «Смерть Байрона», «Пѣснь Грека», два отрывка изъ неоконченной поэмы, сюжетъ которой заимствованъ изъ исторіи г. Зарайска, изъ преданія о князѣ Ѳеодорѣ и его женѣ Евпраксіи. Окончивъ блистательно университетскій курсъ, Веневитиновъ поступилъ на службу въ Архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Поэтъ не особенно любилъ свѣтскую жизнь и предпочиталъ ей занятіе наукою. Тогда въ Москвѣ образовался кружокъ писателей, увлекшихся философіею Шеллинга, Веневитиновъ тотчасъ примкнулъ къ нему какъ одинъ

изъ страстныхъ поклонниковъ философіи вообще. Часто друзья собирались и бесѣдовали; на этихъ бесѣдахъ Веневитиновъ прочитывалъ свои разсужденія, какъ напр. «Скульптура, живопись и музыка», «Анаксогоръ» и др. Тогда же была имъ написана небольшая статья: «Нѣсколько мыслей въ планъ журнала», по программѣ которой сталъ впослѣдствіи издаваться журналъ «Московскій Вѣстникъ». Въ Москвѣ же Веневитиновъ влюбился, но не могъ найти полнаго сочувствія къ себѣ въ предметѣ своей страсти, и отсюда произошло то элегическое настроеніе, какимъ проникнуты многія изъ его поэтическихъ произведеній. Переселившись въ Петербургъ, Веневитиновъ продолжалъ высказывать недовольство жизнью и этой мыслью проникнуто стихотвореніе «Жизнь».

Сначала жизнь плѣняетъ насъ;
Въ ней все тепло, все сердце грѣетъ,
И, какъ заманчивый разсказъ,
Нашъ умъ причудливый лелѣетъ.
Кой-что страшитъ издалека,
Но въ этомъ страхѣ наслажденье:
Онъ веселитъ воображенье,
Какъ о волшебномъ приключеньи
Ночная повѣсть старика.
Но кончится обманъ игривой!
Мы привыкаемъ къ чудесамъ.
Потомъ—на все глядимъ лѣниво,
Потомъ—и жизнь постыла намъ.
Ея загадка и завязка
Уже длина, стара, скучна,
Какъ пересказанная сказка
Усталому предъ часомъ сна.

Не долго пришлось Веневитинову прожить въ Петербургѣ: получивъ жесточайшій тифъ онъ скончался 15 марта 1827 года, горько оплаканный и друзьями и тогдашними писателями. Тѣло Веневитинова перевезено было въ Москву, гдѣ и предано землѣ на кладбищѣ Симонова монастыря. Всѣ журналы отозвались съ глубокою скорбью по поводу кончины юноши. Одинъ изъ критиковъ журнала «Телескопъ» Н. И. Надеждинъ въ своей статьѣ пишетъ слѣдующее: «Незабвенный юноша былъ созданъ поэтомъ и душа его, рано угадавшая свое

призваніе, высказала себя мелодическими прелюдіями, которымъ судьба, по неисповѣдимымъ своимъ совѣтамъ, не дала разрѣшиться въ полную гармонію. Но и тѣхъ недоконченныхъ звуковъ, которые первенцами срывались съ его дѣвственной лиры, слишкомъ достаточно, чтобы дать почувствовать цѣну утраты, понесенной съ его преждевременной смертью. Веневитиновъ обѣщалъ въ себѣ то блаженное соединеніе свѣта и теплоты, ту гармонію красоты и истины, которая одна составляетъ печать истинной поэзіи».

Несмотря на кратковременность своей жизни, Веневитиновъ успѣлъ достигнуть возможно-всесторонняго образованія и принадлежалъ къ числу писателей, которые должны быть поставлены въ руководители умственнаго движенія. Недаромъ Веневитиновъ былъ центромъ впервые возникшаго въ Россіи философскаго кружка. Философія была любимою отраслью знанія для молодаго поэта; она же оказала вліяніе и на его критическія воззрѣнія. Въ своихъ прозаическихъ статьяхъ по поводу первой главы Евгенія Онѣгина, Веневитиновъ высказываетъ свой взглядъ на поэзію. Сущность поэзіи, по его мнѣнію, заключается нестолько въ описаніи картинъ, сколько въ гармоніи чувства и мысли. Одного чувства недостаточно для истинной поэзіи, и вотъ почему истинные поэты всѣхъ вѣковъ и народовъ были въ тоже время и глубокими мыслителями. Всякое чувство можетъ быть предметомъ поэтическаго созданія, но только тогда, когда поэтъ продумалъ его въ долгой и упорной борьбѣ съ самимъ собою. Веневитиновъ глубоко цѣнилъ поэзію Гете именно потому, что въ ней онъ находилъ желанную гармонію мысли и чувства. Какимъ видимъ мы Веневитинова въ его прозаическихъ отрывкахъ, такимъ онъ является и въ своихъ поэтическихъ созданіяхъ. Несмотря на немногочисленность его стихотвореній, всѣ они изображаютъ чувства поэта, продуманныя имъ, и выраженныя всегда съ глубокою искренностью, такъ что каждое стихотвореніе можетъ имѣть біографическое значеніе. Поэзія Веневитинова проникнута грустью, но эта грусть, происходя отъ несогласія жизни съ идеаломъ поэта, никогда не отдаляетъ его отъ жизни. Интересъ жизни заключается не въ однихъ внѣшнихъ ея проявленіяхъ, но также и во внутренней борьбѣ мыслей и чувствъ, совершающейся въ душѣ человѣка. Вотъ эта внутренняя борьба, составляющая сущность поэзіи Веневити-

нова и была тѣмъ обстоятельствомъ, которое примиряло его съ жизнью.

Опредѣляя значеніе поэтическаго призванія Веневитиновъ видитъ въ поэзіи выраженіе явленій жизни, что онъ и высказываетъ въ слѣдующихъ стихахъ:

Теперь гонись за жизнью дивной
И каждый мигъ въ ней воскрешай,
На каждый звукъ ея призывный
Отзывной пѣснью отвѣчай!

Есть черта въ поэзіи Веневитинова, отличающая ее отъ поэзіи Пушкина. Веневитиновъ больше мыслитель, въ его стихахъ нѣтъ такой роскошной фантазіи, которая можно сказать бьетъ ключемъ въ произведеніяхъ геніальнаго поэта. Во многихъ стихотвореніяхъ Веневитинова замѣтно также отсутствіе окончательной внѣшней отдѣлки, но оно можетъ быть произошло отъ того, что большая часть произведеній этого поэта была напечатана уже послѣ его смерти безъ предварительной обработки самимъ авторомъ. Съ одной стороны подъ вліяніемъ личныхъ обстоятельствъ, съ другой вслѣдствіе появившагося на русской почвѣ отраженія байроновской поэзіи, русскіе поэты, примыкающіе къ разматриваемому періоду, стали высказывать идеи о недовольствѣ жизнью, что повлекло за собою и элегическій тонъ, которымъ проникнуты ихъ поэтическія произведенія. Эту черту мы замѣчаемъ и въ произведеніяхъ Козлова. Ив. Ив. Козловъ родился въ 1774 году въ Москвѣ, воспоминанія о которой сохранилъ онъ въ своихъ стихотвореніяхъ. На 29 году жизни Козловъ потерялъ зрѣніе и тогда-то пустился въ литературу. Раньше этого Козловъ уже въ совершенствѣ изучилъ французскій и итальянскій языки и восхищался талантомъ Карамзина. Другимъ руководителемъ Козлова былъ В. А. Жуковскій, человѣкъ всегда сочувствовавшій всему прекрасному. Въ теченіе пяти лѣтъ послѣ потери зрѣнія Козлову пришлось много выстрадать, испытать нищету и только заботы о немъ преданной ему жены да усердныя занятія поэзіей облегчали его страданія. Несмотря на слѣпоту, Козловъ выучился по нѣмецки и по англійски и твердо помнилъ все, что ему читали на этихъ языкахъ. Особенно онъ любилъ англійскихъ поэтовъ. Въ посланіи къ Вальтеръ-Скотту Козловъ благодаритъ Шотландскаго романиста за доставленное наслажденіе и воображаетъ себя въ кругу его семьи.

Иль вдругъ, вечернею порою,
Въ привѣтномъ замкѣ мы съ тобою;
Тамъ дѣти, внуки, вся семья —
Ограда милая твоя —
Бѣгутъ, шумятъ, тебя встрѣчая,
И мѣста нѣтъ почти друзьямъ,
А дочь — хозяйка молодая,
Янтарный чай готовитъ намъ;
Всё нѣгой, радостью свѣтлѣетъ.
Кто здѣсь съ весельемъ не знакомъ?
И ты, пѣвецъ, предъ камелькомъ,
Гдѣ уголь дымный жарко тлѣетъ,
Въ красѣ серебряныхъ кудрей,
Сидишь съ дѣтьми твоихъ дѣтей;
То учишь ихъ, то забавляешь,
Имъ сказки, были поминаешь,
То рѣчь ведешь о мертвецахъ,
О вѣдьмахъ, о ворожеяхъ; —
Иль, въ знакъ безцѣнной имъ награды,
Поешь родимыя баллады; —
Иль вдругъ уже, не тратя словъ,
Рѣзвиться съ ними ты готовъ;
На ихъ весёлыхъ, ясныхъ лицахъ
Ты видишь счастье вкругъ себя, —
И блещутъ слезы на рѣсницахъ,
Почтенный старецъ, у тебя.
Но ужь предъ сномъ, въ часъ тихой лѣни,
Къ тебѣ взобравшись на колѣни,
Младенцы начали дремать;
Будь съ ними Божья благодать!
Тогда бесѣдуешь съ друзьями,
Съ пріѣзжими: — твой умъ живой
Дивитъ небрежной остротой,
Плѣняетъ сладкими рѣчами.
О, какъ благословенъ твой вѣкъ,
Великій.... добрый человѣкъ!

Кромѣ Вальтеръ-Скотта, Козловъ хорошо былъ знакомъ съ поэзіею Байрона, Борнса, Тасса, Манцони и своими превосходными переводами нѣкоторыхъ изъ произведеній ознакомилъ русскую публику съ

лучшими представителями западной поэзіи. Приводимъ здѣсь переводъ Козлова стихотворенія Роберта Бориса къ «Полевой маргариткѣ», которую англійскій поэтъ, обработывая поле, нечаянно срѣзалъ желѣзомъ своей косы.

Цвѣтокъ пунцовый, полевой!
Ты, бѣдный, встрѣтился со мной
Не въ добрый часъ; тебя въ красѣ
Подрѣзалъ я.
Жемчугъ долинъ, не можно мнѣ
Спасти тебя!

Не пёстрый, рѣзвый мотылекъ
Теперь твой нѣжный стебелёкъ
На дёрнъ, увлаженный росой
Порхая, гнётъ;
Къ тебѣ, румяною зарёй,
Онъ не прильнётъ.

Въ холодномъ полѣ вѣтръ шумѣлъ,
И дождикъ лилъ, и громъ гремѣлъ;
Но туча мрачная прошла,
Межъ тѣмъ въ глуши
Ты нѣжно, тихо разцвѣла,
Цвѣтокъ любви.

Сады даютъ цвѣтамъ своимъ
Пріютъ и тѣнь — и любо имъ,
Но сироту, красу полянъ,
Кто сбережётъ?
Отъ зноя туча, иль курганъ
Отъ непогодъ.

Изъ-подъ травы едва видна,
Цвѣла ты, прелести полна,
И солнца лучъ съ тобой игралъ;
Но тайный рокъ
Желѣзо острое наслалъ —
Погибъ цвѣтокъ...

Таковъ удѣлъ, Мальвина, твой,
Когда невинною душой

Ты ловишь нѣжныя мечты;
Любовь страшна:
Какъ мой цвѣтокъ, увянешь ты
Въ тоскѣ одна.

Пѣвцу удѣлъ такой же данъ:
Бушуетъ жизни океанъ,
Не видно звѣздъ, а онъ плывётъ,
Надежда мчитъ;
Онъ простъ душой, онъ счастья ждётъ...
Челнокъ разбитъ.

И добрый, злыми утѣснёнъ,
Тому жъ удѣлу обреченъ:
Никто ни чѣмъ не упрекнётъ,
А жилъ въ слезахъ;
Пріюта нѣтъ; онъ отдохнётъ
На небесахъ!

И я горюю о цвѣткѣ,
А, можетъ быть, не вдалекѣ
Мой чёрный день—и какъ узнать,
Что Богъ велѣлъ?
Не о себѣ ли горевать
И мой удѣлъ?...

Простота поэзіи Борнса и другихъ подобныхъ поэтовъ была подъ силу таланту Козлова. Но нельзя того же сказать относительно его переводовъ изъ Байрона. Козловъ благоговѣлъ передъ геніемъ англійскаго поэта, произведенія котораго можно сказать произвели переворотъ въ европейскихъ литературахъ. Поэзія Байрона прежде всего проникнута энергіею и силою выраженія, которыхъ недоставало русскому переводчику и вотъ почему переводы «Абидосской Невѣсты, и отрывковъ изъ Чайль-Гарольда кажутся блѣдными въ сравненіи съ оригиналомъ. Владѣя все-таки значительнымъ поэтическимъ талантомъ, Козловъ стремился создать картины русской жизни въ двухъ своихъ большихъ поэмахъ «Чернецъ» и «Наталья Долгорукая». Поэма «Чернецъ» начинается описаніемъ монастыря на берегу Днѣпра. Въ кельѣ этого монастыря умираетъ чернецъ и передъ смертью разсказываетъ игумену исторію своей жизни. Съ дѣтства

онъ испытывалъ много горестей, жилъ бездомной сиротой, не видя ласки родителей,—а когда сталъ юношей, бродилъ по берегу Днѣпра, занимаясь охотой. Скоро въ эти края пріѣхалъ старикъ съ семействомъ. Дочь красавица прельстила юношу. Чернецъ разсказываетъ далѣе исторію своей любви, какъ невѣсту его похитилъ какой-то хорунжій, котораго онъ убилъ. При всемъ желаніи Козлова придать русскій колоритъ поэмѣ, ему не удалось этого достигнуть; байроновская поэзія, увлекая его воображеніе, мѣшала слиться съ русской жизнью. Матерьяломъ для Козлова послужила поэма Байрона «Гяуръ», въ которой разсказывается, какъ молодой европеецъ влюбляется въ женщину изъ гарема паши, за что она, зашитая въ мѣшокъ, брошена въ море. Юноша мститъ за нее, и умирая разсказываетъ исторію своей любви. Въ поэмѣ Козлова, правда, много поэтическихъ мѣстъ, но все таки содержаніе ея далеко отъ дѣйствительности и притомъ проникнуто мелодраматическимъ характеромъ. Болѣе самостоятельности въ другой указанной нами поэмѣ Козлова. Въ этомъ произведеніи Козловъ воспользовался историческимъ сюжетомъ, именно судьбою знаменитой дочери боярина Шереметьева, которая была замужемъ за княземъ Долгорукимъ, казненнымъ во времена Бирона. Сюжетъ поэмы заключается въ слѣдующемъ: Наталья Борисовна, потерявъ любимаго мужа, пробирается въ Москву, одѣтая въ простое платье крестьянки; на рукахъ у нее сынъ—грудной младенецъ. Дорогой ей приходится проходить мимо села, принадлежавшаго боярину Шереметьеву. Наступаетъ ночь. Бѣдная женщина заходитъ въ домъ священника, который ласково принявъ странницу, разсказываетъ ей о жизни боярина и о его дочери Натальи, которая выросла на его рукахъ. Священникъ не могъ узнать, кто была путница, онъ утѣшалъ ее, говорилъ ей, чтобы она смирилась передъ Богомъ, съ любовью принимала тяжелый крестъ, молилась и терпѣла. Разсказы священника возбудили въ душѣ Натальи цѣлый рой воспоминаній. Въ словахъ ея видна честная и правдивая женщина. Она готова была раздѣлить съ любимымъ мужемъ и другомъ всякое горе, но судьба отняла его и ей пришлось теперь страдать одиноко. Во второй части поэмы авторъ разсказываетъ о прибытіи Натальи Борисовны въ Москву. Здѣсь ей вспомнилась та пора, когда отецъ ея велъ мудрыя бесѣды съ Петромъ, когда она сама, будучи молодой невѣстой, являлась красою двора. Невольно вспоминаетъ она о мужѣ

и слезы ручьями полились изъ ея очей. Разстроенное воображеніе беретъ свои права: ей кажется, что будто предъ нею стоитъ ея мужъ, омраченный глубокой думой, она падаетъ на камень и внѣ себя показываетъ ему соннаго младенца. Приводимъ это мѣсто поэмы.

Уныло путница младая,
Младенца къ персямъ прижимая,
Сходила съ Краснаго Крыльца,
Дрожала, плакала, блѣднѣла,
И робкая на камень сѣла
У озареннаго дворца.
Невольно душу волновали,
И блескъ минутный юныхъ дней,
И тѣ святые дни печали,
Которыхъ память намъ милѣй...
Въ грозѣ, ничѣмъ неотразимой,
Темницу друга раздѣлять,
Съ нимъ вмѣстѣ плакать, съ нимъ страдать,
Ея надеждою любимой.
Но сердце, сжатое тоской,
Тонуло въ думѣ роковой.
На вѣкъ-ли небо омрачилось?
Гдѣ онъ? что съ нимъ? Ужель свершилось?
И въ немъ забывъ людей и свѣтъ,
Съ душой усталою отъ бѣдъ,
Она сидѣла, чуть дышала,
Одну мечту другой смѣняла,
Томяся въ смутной тишинѣ,
Не на яву и не во снѣ.
Къ ней что-то льнетъ, къ ней что-то вьется...
Она вздрогнула; сердце бьется;
По жиламъ холодъ пробѣжалъ,
Сквозь сонъ младенецъ закричалъ,
И что-то будто-бы мелькнуло,
Пошевелилось и вздохнуло...
«Ты здѣсь? Творецъ! какой судьбой?
«О ты-ли, другъ, опять со мной!...»
И прежнихъ дней товарищъ милый
Предъ ней, встревоженный, унылый,
На свѣтлой площади стоитъ.

*

Онъ къ ней нейдетъ, не говоритъ
И зорко на нее глядитъ.
Онъ завернулся въ плащъ широкій,
Онъ въ думѣ мрачной и глубокой
И чуденъ блескъ его очей.
И блѣденъ ликъ, и видъ смущенный,
И кольца черныя кудрей
Не вьются къ шеѣ обнаженной.
Сковалъ ее внезапный страхъ;
Встаетъ; нѣтъ силъ; на камень пала
И внѣ себя, ему, въ слезахъ,
Младенца соннаго казала.
Какъ будто содрогнулся онъ,
Какъ будто непонятный стонъ
Въ устахъ сомкнутыхъ раздавался;
Недвижимъ, къ ней онъ приближался,
Ужаснымъ чѣмъ-то омраченъ.
Она глядитъ, дохнуть не смѣетъ...
А полная луна свѣтлѣетъ —
И плащъ откинулся слегка,
Выходитъ медленно рука,
Грудь обнажилась, кровь чернѣетъ
Рубашки бѣлой на краю;
Онъ тихо сталъ передъ женою
И, волосы собравъ рукою,
Съ плечъ поднялъ голову свою,
И ярко озаренъ луною,
На шеѣ признакъ роковой
Темнѣлъ багровой полосой.

Прошло много лѣтъ. Наталья рѣшается оставить Москву; приходитъ въ Кіевъ и, бросая въ Днѣпръ свое вѣнчальное кольцо, поступаетъ въ монахини. Поэма дышетъ красками чисторусской поэзіи, но недостатокъ заключается въ подражаніи Байрону, откуда и длинныя разсужденія, задерживающія движеніе поэмы. Кромѣ того современная критика находила изысканность въ разсказѣ и отсутствіе вполнѣ вѣрнаго изображенія героини. Несмотря на недостатки, поэма Козлова исполнена сердечной теплоты и глубокаго сочувствія къ судьбѣ героини и потому она произвела на читателей сильное впеча-

тлѣніе. Кромѣ указанныхъ двухъ поэмъ есть еще у Козлова повѣсть въ стихахъ «Безумная», но она далеко ниже первыхъ, за исключеніемъ превосходнаго вступленія, въ которомъ поэтъ описываетъ Москву и ея окрестности. Козловъ подражалъ и Жуковскому, который былъ однимъ изъ любимыхъ друзей поэта. Онъ написалъ нѣсколько балладъ; изъ нихъ большимъ объемомъ отличается «Венгерскій Лѣсъ», подобныя піэсы, съ ихъ обычной фантастической обстановкой далеко уже потеряли свой интересъ послѣ поэзіи Пушкина. Въ балладахъ Козлова сохраняется тѣ же черты, что и у Жуковскаго и блѣдный свѣтъ луны и вой мертвецовъ и т. п.

Кромѣ указанныхъ писателей русская поэзія, современная Пушкину, имѣетъ цѣлый рядъ представителей, болѣе или менѣе оказавшихъ вліяніе на развитіе стихотворнаго языка и въ свое время пользовавшихся извѣстностью. Къ нимъ мы относимъ Дельвига, Языкова, Баратынскаго, Давыдова, кн. Вяземскаго и др. Ихъ произведенія, отличающіяся несомнѣнными поэтическими чертами, указываютъ на то, что въ то время поэзія вообще привлекала вниманіе общества и цѣнилась выше, чѣмъ въ другой какой нибудь періодъ нашей образованности. Дельвигъ Ант. Ант. (1798 — 1831) былъ товарищемъ Пушкина по лицею и однимъ изъ любимыхъ его друзей. Пятнадцати лѣтъ Дельвигъ напечаталъ въ Вѣстникѣ Европы оду «На взятіе Парижа» и съ тѣхъ поръ не покидалъ поэтическаго поприща. Особенною извѣстностью пользовались его романсы и пѣсни, изъ которыхъ нѣкоторые поются и въ настоящее время. Пѣсни «Ахъ ты ночь-ли ноченька, Пѣла, пѣла Пташечка, Соловей, мой Соловей, и др.; при всѣхъ достоинствахъ языка, обличающаго въ авторѣ поэтическій талантъ, все таки были слабымъ подражаніемъ народной поэзіи. Чувство, которымъ проникнуты пѣсни Дельвига, вызывалось не обстоятельствами жизни самого поэта, а простымъ желаніемъ поддѣлаться подъ народный тонъ. Для образца слога Дельвига приводимъ здѣсь романсъ его.

«Сегодня я съ вами пирую, друзья,
Веселье намъ пѣсни заводитъ,
А завтра, быть-можетъ, тамъ буду и я,
Откуда никто не приходитъ!»

Я такъ беззаботнымъ друзьямъ говорилъ
Давно, но отъ самаго дѣтства
Печаль въ безпокойномъ я сердце таилъ
Предвѣстьемъ грядущаго бѣдства.

Друзья мнѣ смѣялись, и свѣжій вѣнецъ,
На кудри мои надѣвая,
«Стыдись», восклицали, «мечтатель-пѣвецъ!
Измѣнитъ-ли жизнь молодая!»

Война запылала; къ роднымъ знаменамъ
Друзья, какъ на пиръ, полетѣли —
Я съ ними; но жребьи, враждебные намъ,
Мнѣ съ ними разстаться велѣли.

Въ бездѣйствіи тяжкомъ я думой слѣдилъ
Ихъ битвы, предтечи побѣды;
И славою часто я первый живилъ
Родителей грустныхъ бесѣды:

Года пролетали, я часто въ слезахъ
Былъ черной повязкой украшенъ...
Брань стихла: гдѣ-жъ други? лежатъ на поляхъ,
Близъ ими разрушенныхъ башенъ.

Съ тѣхъ-поръ я печально сижу на пирахъ,
Гдѣ всё мнѣ твердитъ про былое;
Дрожитъ моя чаша въ ослабшихъ рукахъ:
Мнѣ тяжко веселье чужое.

Съ біографіею Пушкина тѣсно связывается имя Ник. Мих. Языкова (1803—1846). Его произведенія по характеру своему лирическія: въ нихъ онъ воспѣваетъ пиры, дружбу, веселье вообще тѣ явленія жизни, которыя составляютъ главные мотивы такъ называемой анакреонтической поэзіи. Но Языковъ не ограничивался только этими мотивами; онъ писалъ еще патріотическія и религіозныя пѣсни, которыя обнаруживаютъ въ поэтѣ сильный талантъ. Правда, произведеній послѣдняго рода не много; большая часть стихотвореній Языкова проникнуты анакреонтическимъ характеромъ, но это объясняется духомъ времени и тою обстановкою, среди которой вращались тогда многіе изъ нашихъ поэтовъ. Программа поэзіи Языкова лучше всего выражается въ слѣдующихъ стихахъ:

Намъ было весело, друзья,
Когда мы лихо пировали,
Свободу нашего житья
И цѣлый міръ позабывали!
Тѣ дни летѣли, какъ стрѣла,
Могучимъ кинутая лукомъ;
Они звучали яркимъ звукомъ
Разгульныхъ пѣсенъ и стекла;
Какъ искры брызжущія стали
На поединкѣ роковомъ,
Какъ очи свѣтлыя виномъ
Они плѣнительно блистали.

Есть у Языкова нѣсколько піэсъ, навѣянныхъ чтеніемъ исторіи Карамзина, каковы напр.: Пѣснь Барда, Пѣснь баяна, Усладъ Кудесникъ, Ливонія и др., но въ нихъ только мѣстами проглядываетъ изящество формы, въ цѣломъ-же онѣ обличаютъ въ авторѣ скорѣе ловкаго версификотора чѣмъ поэта художника.

Весельемъ и разгульнымъ характеромъ отличаются и стихотворенія Ден. Вас. Давыдова (1784 — 1839), извѣстнаго партизана во время отечественной войны 12-го года. Давыдовъ служилъ въ военной службѣ и потому хорошо знакомъ былъ съ частною жизнью военныхъ людей, изъ которыхъ многіе проводили время въ кутежахъ и попойкахъ. Таланты Давыдова, какъ человѣка военнаго, оцѣниваются въ исторіи. Что-же касается его поэтическаго дарованія, то оно не было развито на столько, чтобы Давыдовъ могъ занять видное мѣсто въ исторіи нашей литературы. Его пѣсни какъ напр.: Бурцовъ, пѣсня стараго гусара, «Современная пѣсня» и т. п., правда, пользовались популярностью и заучивались наизусть, но это объясняется довольно гладкимъ стихомъ и еще болѣе живымъ ихъ содержаніемъ и неподдѣльнымъ остроуміемъ. Общество наше вообще требовало легкой поэзіи, какова и была поэзія послѣдователей Пушкина, угождавшая вкусу большинства. Но не всѣ поэты слѣдовали этому направленію, нѣкоторые стремились придать серьезный характеръ своей поэтической дѣятельности и вносить въ нее возвышенныя мысли. Пользуясь этой точкой зрѣнія на поэзію, они отчасти отдалились отъ того пути, по которому шелъ Пушкинъ. Послѣдній, несмотря на свой односторонній взглядъ на задачу поэзіи, сблизилъ ее съ современной дѣйствитель-

ностью, изображалъ въ своихъ произведеніяхъ картины русской жизни и природы. Совершенно не то мы видимъ въ поэзіи Баратынскаго (1800—1844). Онъ считается у насъ поэтомъ-мыслителемъ, но вопросы, какіе входятъ въ его произведенія, почти не имѣютъ никакого отношенія къ русской жизни. Главными произведеніями Баратынскаго являются три поэмы: «Эда, Балъ и Цыганка». Во всѣхъ трехъ произведеніяхъ поэтъ изображаетъ любовь какъ общечеловѣческое чувство, притомъ ея несчастную сторону. Въ первой поэмѣ, написанной авторомъ во время пребыванія въ Финляндіи, героиней является простая наивная финляндка, умирающая отъ разлуки съ любимымъ человѣкомъ. Въ поэмѣ «Балъ» авторъ переноситъ читателя въ аристократическій кругъ, оставляя тотъ же мотивъ съ небольшими его измѣненіями. Молодая княгиня, жена картежника князя, влюбляется въ молодаго человѣка, но, узнавъ, что этотъ послѣдній ухаживаетъ за одной дѣвушкою, она отправляется на балъ; разряженная на славу, она думаетъ склонить Арсенія на свою сторону, но терпитъ полное фіаско. Обиженная и взволнованная она уѣзжаетъ съ бала и, пріѣхавъ домой, изъ ревности отравляется ядомъ. Наконецъ въ послѣдней поэмѣ Баратынскаго опять та же мысль, только страдающимъ лицомъ является не женщина, а свѣтскій франтъ, измѣняющій своей любовницѣ цыганкѣ.

Баратынскій приходилъ въ восторгъ отъ геніальныхъ произведеній Гете, на смерть котораго написалъ слѣдующее стихотвореніе, проникнутое глубокою мыслью:

Предстала—и старецъ великій смежилъ
Орлиныя очи въ покоѣ;
Почилъ безмятежно, зане совершилъ
Въ предѣлѣ земномъ все земное.
Надъ дивной могилой не плачь, не жалѣй,
Что генія черенъ наслѣдье червей.

Погасъ! но ничто не оставлено имъ
Подъ солнцемъ живымъ безъ привѣта;
На всё отозвался онъ сердцемъ своимъ;
Что проситъ у сердца отвѣта:
Крылатою мыслью онъ міръ облетѣлъ,
Въ одномъ безпредѣльномъ нашелъ ей предѣлъ.

Всё духъ въ нёмъ питало: труды мудрецовъ,
Искусствъ вдохновенныхъ созданья,
Преданья, завѣты минувшихъ вѣковъ,
Цвѣтущихъ времёнъ упованья;
Мечтою по волѣ проникнуть онъ могъ
И въ нищую хату, и въ царскій чертогъ.

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ:
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье:
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна.

Извѣданъ, испытанъ имъ весь человѣкъ!
И ежели жизнью земною
Творецъ ограничилъ летучій нашъ вѣкъ
И насъ за могильной доскою,
За міромъ явленій, не ждётъ ничего:
Творца оправдаетъ могила его.

И если загробная жизнь намъ дана,
Онъ здѣшней вполнѣ отдышавшій
И въ звучныхъ, глубокихъ отзывахъ сполна
Всё дольное долу отдавшій,
Къ Предвѣчному лёгкой душой возлетитъ —
И въ небѣ земное его не смутитъ.

Изъ лирическихъ произведеній Баратынскаго больше всего извѣстны были его элегіи, которыя всегда проникнуты глубиною мысли и самымъ тонкимъ анализомъ чувства. Таковы: «Разувѣреніе», положенное на музыку знаменитымъ нашимъ композиторомъ Глинкой, «Черепъ», гдѣ мысль о смерти вызываетъ поэта на глубокія размышленія. Приводимъ здѣсь это послѣднее стихотвореніе:

Усопшій братъ! кто сонъ твой возмутилъ?
Кто пренебрегъ святынею могильной?
Въ разрытый домъ къ тебѣ я нисходилъ,
Я въ руки бралъ твой черепъ желтый, пыльной!

Еще носилъ волосъ остатки онъ;
Я зрѣлъ на немъ ходъ постепенный тлѣнья:

Ужасный видъ! какъ сильно поражонъ
Имъ мыслящій наслѣдникъ разрушенья!

Со мной толпа безумцевъ молодыхъ
Надъ ямою безумно хохотала:
Когда-бъ тогда, когда-бъ въ рукахъ монхъ
Глава твоя внезапно провѣщала!

Когда-бъ она цвѣтущимъ, пылкимъ намъ
И каждый часъ грозимымъ смертнымъ часомъ,
Всѣ истины, извѣстныя гробамъ,
Произнесла своимъ безстрастнымъ гласомъ!

Что говорю? Стократно благъ законъ,
Молчаньемъ ей уста запечатлѣвшій;
Обычай правъ, усопшихъ важный сонъ
Намъ почитать издревле повелѣвшій.

Живи живой, спокойно тлѣй мертвецъ!
Всесильнаго ничтожное созданье,
О человѣкъ! увѣрься наконецъ:
Не для тебя ни мудрость, ни всезнанье!

Намъ надобны и страсти и мечты,
Въ нихъ бытія условіе и пища:
Не подчинишь однимъ законамъ ты
И свѣта шумъ и тишину кладбища!

Природныхъ чувствъ мудрецъ не заглушитъ
И отъ гробовъ отвѣта не получитъ;
Пустъ радости живущимъ жизнь даритъ,
А смерть сама ихъ умереть научитъ.

Стихотворенія Баратынскаго высоко цѣнились поэтами двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, но съ появленіемъ новой литературной школы, когда мѣсто поэзіи заняла проза, обратившаяся къ изображенію русской жизни, дѣятельность разбираемаго поэта потеряла уже прежнее значеніе. По словамъ Лонгинова, когда въ 1842 году вышла книжка стихотвореній Баратынскаго подъ названіемъ «Сумерки», то она произвела впечатлѣніе привидѣнія, поставившаго въ недоумѣніе современный читающій міръ.

Къ старѣйшимъ поэтамъ пушкинскаго періода принадлежитъ и

кн. Петръ Андр. Вяземскій, род. въ 1792 году. Стихотворенія его отличаются по большей части шутливымъ и сатирическимъ характеромъ, какъ напр.: слѣдующее стихотвореніе «Масляница на чужой сторонѣ».

Здравствуй въ бѣломъ сарафанѣ
Изъ серебряной парчи!
На тебѣ горятъ алмазы,
Словно яркіе лучи.
Ты живительной улыбкой,
Свѣжей прелестью лица
Пробуждаешь къ чувствамъ новымъ
Усыплённыя сердца.
Здравствуй, русская молодка,
Раскрасавица душа,
Бѣлоснѣжная лебёдка,
Здраствуй, матушка зима!
Изъ-за льдистаго Урала
Какъ сюда ты не взначай,
Какъ, родная, ты попала
Въ басурманскій этотъ край?
Здѣсь ты, сирая, не дома,
Здѣсь тебѣ не понутру;
Нѣтъ приличнаго пріёма,
И народъ не на юру.
Чѣмъ твою мы милость встрѣтимъ?
Какъ задать здѣсь пиръ горой?
Не съумѣть имъ, нѣмцамъ этимъ,
Поздороваться съ тобой!
Не напрасно дѣдовъ слово
Затвердилъ народный умъ:
«Что для русскаго здорово,
То для нѣмца карачунъ!»
Намъ не страшенъ снѣгъ суровый,
Съ снѣгомъ—батюшка морозъ
Нашъ природный, нашъ дешевый
Пароходъ и паровозъ.
Ты у насъ краса и слава,
Наша сила и казна,
Наша бодрая забава,

Молодецкая зима!
Скоро масляницы бойкой
Закипитъ широкій пиръ,
И блинами и настойкой
Закутитъ крещёный міръ.
Въ честь тебѣ и ей Россія,
Православныхъ предковъ дочь,
Строитъ горы ледяныя
И гуляетъ день и ночь.
Игры, братскія попойки,
Настежь двери и сердца!
Пышутъ бѣшенныя тройки,
Снѣгъ топоча у крыльца.
Вотъ взвились и полетѣли,
Что твой соколъ въ облакахъ!
Красота ямской артели
Возжи ловко сжалъ въ рукахъ.
Въ шапкѣ, въ синемъ полушубкѣ
Такъ и смотритъ молодцомъ,
Погоняетъ закадычныхъ
Свистомъ, ласковымъ словцомъ.
Мать дородная въ шубейкѣ
Важно въ розвальняхъ сидитъ,
Дочка рядомъ въ душегрѣйкѣ,
Словно маковъ цвѣтъ, горитъ.
Яркой пылью иней сыплетъ
И одежду серебритъ,
А морозъ, лаская, щиплетъ
Нѣжный бархатецъ ланитъ.
И бѣлѣе и румянѣй
Дѣва блещетъ красотой,
Какъ алѣетъ на полянѣ
Снѣгъ подъ утреней зарей.
Мчатся вихремъ безъ помѣхи
По полямъ и по рѣкамъ,
Звонко щелкаютъ орѣхи
На веселіе зубкамъ.
Пряникъ, мой однофамилецъ,
Также тутъ не позабытъ;
А нашъ пѣнникъ, нашъ кормилецъ,

Сердце любо веселитъ.
Разгулялись городъ, села—
Загуляли старъ и младъ:
Всѣмъ зима родная гостья,
Каждый масляницѣ радъ.
Нѣтъ конца веселымъ кликамъ,
Пѣснямъ, удали, пирамъ.
Гдѣ тутъ нѣмцамъ—горемыкамъ
Вторить намъ, богатырямъ?
Сани здѣсь — подобной дряни
Не видалъ я на вѣку:
Стыдно сѣсть въ чужія сани
Коренному русаку.
Нѣтъ, красавица, не мѣсто
Здѣсь тебѣ, не обиходъ:
Снѣгъ здѣсь — рыхленькое тѣсто,
Вялъ морозъ и вялъ народъ.
Чѣмъ почтутъ тебя, сударку?
Развѣ кружкою пивной,
Да копѣечной сигаркой,
Да копченой колбасой?
Съ пива только кровь густѣетъ,
Умъ раскиснетъ — и лицо —
Толи дѣло какъ прогрѣетъ
Наше рьяное винцо?
Какъ шепнетъ оно въ догадку
Ретивому на ушко —
Не споетъ, ей-ей такъ сладко
Хоть бы вдовушка клико!
Выпьетъ чарку-чародѣйку
Забубенный нашъ землякъ:
Жизнь копѣйка! смерть злодѣйку
Онъ считаетъ за пустякъ...
Нѣмецъ къ мудрецамъ причисленъ,
Нѣмецъ дока для всего,
Нѣмецъ такъ глубокомысленъ,
Что провалишься въ него;
Но по нашему покрою,
Если нѣмца взять въ расплохъ,
А особенно зимою —
Нѣмецъ, воля ваша, плохъ.

Вяземскій, по словамъ А. Д. Галахова, по праву своего таланта и образованности занимаетъ мѣсто на самыхъ блистательныхъ ея страницахъ, рядомъ съ Жуковскимъ, Батюшковымъ и Пушкинымъ. Вмѣстѣ съ лучшими людьми онъ во всѣ періоды своей жизни и на всѣхъ путяхъ ея, неизмѣнно сохранялъ горячую преданность просвѣщенью и литературѣ, видя въ нихъ главныя орудія успѣховъ гражданскаго благоденствія и человѣческаго совершенства». Какъ критикъ Вяземскій особенно извѣстенъ замѣчательною монографіею о Ф. Визинѣ, въ которой онъ разбираетъ не только его литературную дѣятельность, но характеризуетъ и эпоху, когда жилъ этотъ писатель.

Почти всѣ поэты, современные Пушкину, происходили отъ дворянскихъ фамилій. Образованіе, которое такъ или иначе вліяетъ на развитіе поэтическаго таланта, сосредоточивалось преимущественно въ высшихъ классахъ общества и почти недоступно было для массы. Но природныя дарованія обнаруживаются въ человѣкѣ при всѣхъ даже повидимому неблагопріятныхъ условіяхъ. Такъ случилось и съ однимъ поэтомъ, вышедшимъ изъ мѣщанской среды и занимающимъ не послѣднее мѣсто въ ряду поэтовъ, современныхъ Пушкину. Это былъ Ник. Ст. Цыгановъ (1833 г.). Окончивъ курсъ въ театральномъ училищѣ въ Москвѣ, Цыгановъ выпущенъ былъ второстепеннымъ актеромъ съ низшимъ окладомъ жалованья. Нужда была причиною его страсти къ разгульной жизни; въ кутежахъ онъ думалъ заглушить свое горе, подобный образъ жизни свелъ его въ могилу. Часто Цыгановъ присутствовалъ на литературныхъ вечерахъ у извѣстнаго уже намъ кн. Шаховскаго, гдѣ каждый изъ присутствовавшихъ стремился заявить себя чѣмъ нибудь. Здѣсь то пришло на мысль Цыганову писать пѣсни въ русскомъ народномъ духѣ. Первыя его произведенія, впрочемъ довольно слабыя, были напечатаны въ сборникѣ «Литературный кабинетъ», составленномъ изъ трудовъ артистовъ московскаго театра. Съ тѣхъ поръ пѣсни Цыганова становились все лучше и лучше и наконецъ стали распространяться по всей Россіи. Лучшими пѣснями Цыганова были: «Не шей ты мнѣ матушка красный сарафанъ, Ахъ, чарка моя серебряная, По полю, полю чистому Полетай, Соловушка и Что ты рано травушка». Пѣсни Цыганова образецъ простоты и безискусственности; онѣ всегда проникнуты неподдѣльнымъ чувствомъ, источникомъ котораго была, можетъ быть

горькая судьба автора. По всѣмъ концамъ Россіи распѣваютъ пѣсни Цыганова; народъ любитъ ихъ; хотя и не знаетъ часто, кто былъ ихъ создателемъ. Не говоря о задушевности пѣсень Цыганова, онѣ выражаютъ вѣрно всѣ оттѣнки народнаго духа, изображаютъ черты народнаго быта въ рельефныхъ краскахъ. Видно, что жизнь народа, близкая сердцу поэта, не была чужда ему и какъ предметъ серьезнаго изученія, безъ котораго невозможно правильное ея возсозданіе. Говоря о Цыгановѣ, упомянемъ еще имя Ершова, автора всѣмъ извѣстной сказки «Конекъ-Горбунокъ». П. П. Ершовъ (1815—1869) по окончаніи университетскаго курса все время своей жизни провелъ на педагогическомъ поприщѣ, занимая въ Тобольскѣ должность учителя Латинскаго языка. Сказку свою Ершовъ написалъ въ 1834 году, еще будучи студентомъ. Когда она появилась въ печати, критика въ лицѣ Бѣлинскаго отнеслась къ ней не совсѣмъ сочувственно, Бѣлинскій находилъ, что произведеніе Ершова есть поддѣлка, а слѣдовательно и не художественное созданіе. Критикъ призналъ за Ершовымъ талантъ писать недурными стихами, но сомнѣвался вообще въ его сильныхъ поэтическихъ способностяхъ. И дѣйствительно послѣ появленія сказки Ершовъ написалъ еще нѣсколько стихотвореній и затѣмъ уже не появлялся на литературномъ поприщѣ. Сказка Конекъ-Горбунокъ расходится и теперь въ массѣ экземпляровъ и многіе знаютъ ее наизусть. Кулаки торговцы часто издаютъ подъ ея именемъ совершенно уродливыя произведенія и потому многіе ошибкой читаютъ произведеніе не Ершова, а какого нибудь досужнаго рифмоплета.

Литературная дѣятельность Лермантова, являющагося главнымъ послѣдователемъ Пушкина, представляетъ собою одинъ изъ моментовъ нашей образованности, когда вліяніе западной поэзіи въ лицѣ Байрона вызвало въ писателяхъ стремленіе отрѣшиться отъ общихъ отвлеченныхъ идей и стать лицомъ къ лицу съ русскимъ обществомъ. Явившись сначала подражателемъ Пушкина, Лермантовъ весьма скоро вступилъ на самобытный путь и далъ образцы оригинальнаго поэтическаго творчества. Личный характеръ самого поэта, черты идеальныхъ типовъ, которые мы встрѣчаемъ въ его произведеніяхъ, очевидно отражаютъ на себѣ тѣ понятія и воззрѣнія, которыя мало-по-малу развивались въ незначительномъ меньшинствѣ русскаго общества. Такимъ образомъ личность Лермантова дѣлается выраже-

ніемъ настроенія общества, явившагося какъ результатъ посторонняго вліянія и условій русской жизни.

Михаилъ Юрьевичъ Лермантовъ (1815 — 1841), рано лишившись матери, жилъ и воспитывался въ домѣ своей бабушки. Е. А. Арсеньевой. Отецъ держалъ себя вдали отъ сына и только изрѣдка бралъ его къ себѣ. Домъ, въ которомъ жилъ нашъ поэтъ, принадлежалъ къ аристократическимъ и довольно богатымъ домамъ. Лермантовъ съ дѣтства былъ окруженъ гувернерами-иностранцами и впослѣдствіи жаловался, что ему не удалось тогда-же ознакомиться съ народною русскою литературой, въ которой, по его мнѣнію, больше поэзіи, чѣмъ во всей французской словесности. Послѣ довольно основательнаго домашняго образованія Лермантовъ поступилъ студентомъ въ Московскій университетъ. Уже въ то время въ немъ была развита страсть къ поэзіи: онъ часто, удаляясь отъ своихъ товарищей, съ жадностью читалъ Байрона и увлекался энергіею его слога и мрачнымъ тономъ поэзіи англійскаго писателя. Тогдашняя молодежь, принадлежавшая къ свѣтскому обществу, восхищалась военной службой, и по мнѣнію нѣкоторыхъ біографовъ, Лермантовъ, чтобы неотставать отъ своихъ сверстниковъ и блистать въ высшемъ обществѣ, оставилъ университетъ и поступилъ въ школу гвардейскихъ юнкеровъ. Черезъ два года онъ былъ опредѣленъ въ офицеры въ гусарскій полкъ. Юнкера держали себя очень свободно, проводили время нерѣдко среди кутежей и полнаго разгула. Лермантовъ, несмотря на свой талантъ, неотставалъ отъ товарищей: онъ сталъ писать скабрезные стихи въ родѣ «Уланьши» и «Петергофскаго Праздника», которые пользовались громкою извѣстностью среди тогдашней молодежи. Въ періодъ школьной жизни въ Лермантовѣ стала обнаруживаться заносчивость и стремленіе укорить другаго изъ самолюбія; отчего многіе и не любили поэта.

Въ 1837 году убитъ былъ Пушкинъ и смерть его поразила многихъ. Лермантовъ написалъ по этому поводу прекрасное стихотвореніе, въ которомъ оплакалъ кончину геніальнаго поэта. Между тѣмъ въ обществѣ оставалось много враговъ Пушкина и среди ихъ продолжали распространяться несправедливые толки о характерѣ поэта, нѣкоторые даже покушались защищать Дантеса, убійцу Пушкина. Лермантовъ оскорбленъ былъ глубоко подобными поступками и прибавилъ къ своему стихотворенію, извѣстные стихи, начинающіеся

словами: «а вы надменные потомки». Это и послужило поводомъ къ ссылкѣ Лермонтова на Кавказъ. Скоро однакожъ ему разрѣшено было вернуться въ столицу. Тамъ онъ погрузился въ свѣтскія удовольствія, блисталъ въ высшемъ обществѣ, противъ предразсудковъ котораго не разъ возставалъ въ своихъ сатирахъ. Преобладающею чертою въ характерѣ Лермонтова было самолюбіе, происходившее конечно изъ полнаго сознанія своихъ достоинствъ. Но это самолюбіе, часто выражалось въ такихъ формахъ, которыя многимъ неправились и вели къ дурнымъ послѣдствіямъ. Сосланный второй разъ на Кавказъ за дуэль съ Барантомъ, сыномъ извѣстнаго писателя, Лермонтовъ изучалъ нравы и обычаи страны, которая изображена имъ во многихъ его произведеніяхъ. Лермонтовъ, подобно Пушкину, убитъ былъ на дуэли. Тѣло, сначала схороненное въ Пятигорскѣ, впослѣдствіи перевезено было въ село Тарханы, Пензенской губерніи.

Съ именемъ Лермонтова тѣсно связывается вліяніе на русскую поэзію произведеній англійскаго поэта Байрона. Лордъ Байронъ оставилъ много поэтическихъ созданій, проникнутыхъ безпощаднымъ отрицаніемъ и мрачнымъ колоритомъ картинъ. Отрицательное отношеніе поэта къ явленіямъ человѣческой жизни имѣетъ своимъ источникомъ тотъ скептицизмъ, который положенъ былъ философіею прошлаго вѣка и долго еще сохранялся въ настоящемъ столѣтіи. Байронъ и былъ поэтомъ, выразившимъ въ своихъ созданіяхъ скептическій умъ человѣка, ненаходящій довольства въ окружающей жизни и въ тѣхъ условіяхъ послѣдней, которыя мѣшаютъ свободѣ. Рѣзкость сатиры поэта, съ какою онъ осмѣиваетъ человѣческія злоупотребленія, мрачность изображаемыхъ картинъ, сила и выразительность стиха,— вотъ тѣ черты, которыя отличаютъ поэзію Байрона. Сочиненія Байрона проникнуты лирическимъ характеромъ; даже въ своихъ поэмахъ «Чайльдъ-Гарольдъ» и «Донъ-Жуанъ» поэтъ выражаетъ свои понятія и воззрѣнія на міръ и его явленія. Индивидуальность, какъ преобладающая черта поэзіи Байрона, сообщаетъ ей то очарованіе, которое возбуждалъ поэтъ въ читателяхъ своими созданіями. Романтизмъ Байрона отличается отъ нѣмецкаго романтизма тѣмъ, что постоянно обращается къ дѣйствительности. Герои, изображеные Байрономъ, всегда натуры гигантскія и эксцентрическія: они тратятъ свою богатую жизнь на борьбу съ какимъ нибудь исключительнымъ направленіемъ, которое вкоренилось въ ихъ сердце, и падаютъ жертвой

этой борьбы, (Гонеггеръ). Мы знаемъ уже, что Лермонтовъ страстно увлекался Байрономъ и это увлеченіе объясняется не только простымъ интересомъ, но также и сходствомъ настроеній, въ которыхъ находились оба поэта. Вотъ почему въ произведеніяхъ Лермонтова больше всего отразился байронизмъ, черта, явившаяся не по одному только подражанію. Главный мотивъ лирическихъ произведеній Лермонтова — разладъ между жизнью и идеаломъ, откуда и тотъ рѣзкій тонъ и злобная сатира, которые характеризуютъ лермонтовскую поэзію. Въ характерѣ Лермонтова было много сходнаго съ Байрономъ. Лордъ и денди Байронъ ненавидѣлъ аристократическое общество, но самъ съ гордостью называлъ себя аристократомъ. Отрицая существующія условія общественной жизни, великій поэтъ самъ былъ нечуждъ присущихъ ей недостатковъ. То же самое мы можемъ сказать и относительно личности Лермонтова. Но не нужно думать, что отрицаніе, которымъ проникнута поэзія Лермонтова, было внушено ему неключительно вліяніемъ Байрона. Общество русское дѣйствительно страдало недостатками, на которые указываетъ поэзія Лермонтова. Вліяніе Байрона на Лермонтова особенно полно выразилось въ поэмѣ «Демонъ», надъ которою авторъ трудился пять лѣтъ, прежде чѣмъ выпустить ее въ свѣтъ. Въ сочиненіяхъ Байрона мы находимъ мистерію «Каинъ»; въ лицѣ Люцифера, дѣйствующаго лица драмы, поэтъ очевидно представилъ мистическія воззрѣнія на начало добра и зла въ человѣческомъ мірѣ. Идея Байрона та, что благо, которое сулитъ намъ жизнь, есть призракъ и что самая жизнь только пустая игра. Мысли англійскаго поэта являются и въ произведеніи Лермонтова. Демонъ — это олицетвореніе зла, онъ ненавидитъ и презираетъ все существующее на землѣ; но, пролетая надъ вершинами Кавказа, встрѣчаетъ красавицу Тамару, дочь грузинскаго князя Гудала, и въ восторгѣ отъ ея чудной красоты. Тамара невѣста, она ждетъ къ себѣ жениха, но демонъ разрушаетъ ея счастье, насылая смерть ея любимому предмету. Тамара идетъ въ монастырь, но демонъ и тамъ ее преслѣдуетъ, являясь духомъ разрушителемъ въ ея келью, охраняемую херувимомъ. Отрицая все существующее на землѣ, демонъ снова клянется Тамарѣ въ своей любви къ ней; онъ говоритъ, что, увидѣвъ ее, невольно позавидовалъ неполной земной радости и готовъ для нея отречься отъ безконечности своихъ владѣній. Въ томъ мѣстѣ поэмы, гдѣ демонъ клянется

въ своей любви къ Тамарѣ, Лермонтовъ приводитъ мысль о томъ, что на землѣ нѣтъ истиннаго и долговѣчнаго счастья, что здѣсь не умѣютъ безъ боязни ни ненавидѣть, ни любить. Демонъ сулитъ Тамарѣ всевозможныя блага, чтобы она удалилась съ нимъ въ надзвѣздный край. Поцѣлуй демона погубилъ Тамару: она умираетъ, но ея душу ангелы несутъ въ рай. Демонъ проклинаетъ свои безумныя мечты и вновь остается въ мірѣ одинъ безъ любви и надежды. Недолговѣчность земнаго счастья—вотъ общая мысль поэмы. Все произведеніе Лермонтова исполнено восточнаго колорита и изобилуетъ роскошными описаніями картинъ кавказской природы, которою поэтъ восхищался еще въ дѣтствѣ. Еще болѣе художественныхъ описаній природы Кавказа въ поэмѣ Мцыри. Въ исповѣди грузинскаго юноши, безъ своей воли попавшаго въ монастырь, очевидно проглядываютъ воззрѣнія самого автора и поэма невольно обращается въ произведеніе лирическое. Лермонтовъ является здѣсь проповѣдникомъ свободной жизни, сочувствующимъ энергіи человѣка въ его борьбѣ съ окружающей обстановкой. Мцыри скучалъ въ уединенной монастырской кельѣ и, бѣжавъ оттуда, вынесъ много испытаній, безъ которыхъ не могутъ закалиться силы человѣка. Изображая борьбу Мцыри съ встрѣтившимся съ нимъ барсомъ, поэтъ, конечно, намекаетъ на необходимость внутренней борьбы, отсутствіе которой дѣлаетъ жизнь однообразною и пустою. Такимъ образомъ уже въ первыхъ произведеніяхъ Лермонтова обнаружились свойства его дальнѣйшаго поэтическаго творчества. Эти свойства яснѣе всего выражаются въ сатирахъ Лермонтова, каковы: «Дума», «Первое Января» и др. Въ «Думѣ» поэтъ возстаетъ противъ общества и высказываетъ свою скорбь при видѣ всего окружающаго. Бремя познанія и сомнѣнія тяготитъ общество, идущее до старости по пути бездѣйствія. Оно богато ошибками отцовъ и ихъ позднимъ умомъ, а жизнь идетъ безъ всякой цѣли. Поэтъ сравниваетъ ее съ пиромъ на чужомъ праздникѣ, показывая этимъ отсутствіе разумной и самостоятельной дѣятельности въ обществѣ. Затѣмъ поэтъ подробно исчисляетъ недостатки современнаго ему поколѣнія: постыдное равнодушіе и къ хорошему и къ дурному, безсиліе и вялость при самомъ началѣ всякаго труда, малодушіе. Противовѣсъ этому можно найти въ наукѣ и искусствѣ, но общество и къ нимъ равнодушно. Поэтъ находитъ, что люди, его окружающіе, изсушили умъ безплодной наукой,

а для пониманія творческихъ созданій не умѣли развить въ себѣ энергіи чувства. Осмѣивая прошлую жизнь, мы ничего не создали своего и также умремъ безъ счастія и славы. Общество проживетъ, не оставивъ никакой мысли, никакого возвышеннаго труда и потомство будетъ съ укоромъ говорить о немъ, посмѣется надъ нимъ также, какъ обманутый сынъ надъ промотавшимся отцомъ. Сатира Лермонтова отличается рѣзкимъ тономъ и напоминаетъ собою «Ямбы» французскаго писателя Барбье, произведенія котораго поэтъ изучалъ. Въ стихотвореніи «Первое Января» Лермонтовъ осмѣиваетъ бездушіе окружающихъ его людей, сравнивая жизнь свѣтскую съ маскарадомъ, гдѣ видимъ мы маски, стянутыя приличіемъ. Чтобы успокоить себя, поэтъ переносится въ тотъ моментъ жизни, когда онъ былъ еще ребенкомъ, жилъ въ деревнѣ и, наслаждаясь природою, не имѣлъ понятія о недостаткахъ свѣтской жизни. Подобно Байрону, Лермонтовъ любилъ описывать красоты природы, и, недовольный жизнью, находилъ примиреніе въ чудныхъ явленіяхъ природы. Мысль объ этомъ выражается въ небольшихъ, но художественныхъ стихотвореніяхъ. «Когда волнуется желтѣющая нива», «Выхожу одинъ я на дорогу» и др. Мысль о томъ, что люди, вступившіе въ жизнь, теряютъ свою простоту въ соприкосновеніи съ свѣтскимъ обществомъ, выражено Лермонтовымъ въ стихотвореніи «Памяти А. И. Одоевскаго». Поэтъ видитъ въ своемъ другѣ человѣка, который любитъ природу и ея чудныя явленія, шумъ моря, молчанье синей степи, зубчатые хребты мрачныхъ горъ Востока. Бросившись въ море шумной жизни, онъ не нашелъ себѣ пощады отъ свѣта, хотя и до смерти среди людской толпы и безлюдныхъ пустынь съумѣлъ сохранить въ себѣ пламень чувства и вѣру въ иную лучшую жизнь. Почти каждое стихотвореніе Лермонтова проникнуто глубокою грустью. Пустота окружающей жизни возбуждала въ немъ недовольство, весьма естественное въ человѣкѣ, обладавшемъ громадными нравственными силами, чувствовавшемъ въ душѣ своей потребность къ возвышенной цѣли. Но съ другой стороны и для самого поэта идеалъ имъ созданный не совсѣмъ былъ ясенъ, что видно лучше всего въ главномъ его произведеніи «Герой нашего времени», гдѣ авторъ уже рисуетъ намъ подробную картину окружающей его жизни, въ лицѣ героя романа Печорина. Романъ Лермонтова состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣльныхъ разсказовъ: Бэла, Максимъ Максимычъ, Тамань, Княжна Мери и Фата-

листъ. Но эти отдѣльные разсказы связываются между собою личностью Печорина, которая во всѣхъ частяхъ произведенія является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Печоринъ свѣтскій человѣкъ. Онъ гордится своимъ превосходствомъ надъ окружающими его людьми, и чувствуя въ себѣ необъятныя силы, презираетъ ничтожное лицемѣрное общество. Печоринъ, узнавъ людей, потерялъ въ нихъ вѣру и не жалѣлъ своего остроумія для злобной и рѣзкой насмѣшки надъ ними. Въ немъ проглядываетъ та же разрушительная сила, которую Лермонтовъ представилъ въ своемъ «Демонѣ». Печоринъ, хотя и чувствуетъ въ себѣ силы, но не находитъ имъ исхода и, вотъ, вмѣсто дѣятельности, онъ ведетъ разсѣянную жизнь, переѣзжая изъ одного мѣста въ другое, наслаждается тѣмъ, что старается разрушать мечты людей, смѣется надъ ихъ пошлыми и мелкими интересами. Убѣжденный въ томъ, что владѣетъ громадными силами, онъ однакожъ самъ не сознаетъ, въ чемъ заключаются эти силы и какое полезное приложеніе можно изъ нихъ сдѣлать. Лермонтовъ изображаетъ намъ извѣстный характеръ, но не объясняетъ какимъ образомъ развился онъ, что побудило Печорина враждовать съ обществомъ, какія цѣли онъ считаетъ возвышенными въ противоположность мелкимъ интересамъ общества. Въ характерѣ Печорина нельзя не замѣтить нѣкотораго дуализма. Онъ является врагомъ общества и, смѣясь надъ нимъ, самъ, въ свою очередь, проводитъ жизнь праздно. Въ этомъ случаѣ авторъ вложилъ въ типъ Печорина и тѣ свойства, которыя мы замѣчаемъ въ его собственномъ характерѣ. Лермонтовъ самъ чувствовалъ въ себѣ потребность дѣятельности широкой, но не находилъ возможности проявить ее въ обществѣ, которое съ раннихъ лѣтъ онъ привыкъ считать ничтожнымъ. Невыработавъ себѣ твердаго принципа, исходя изъ котораго человѣкъ можетъ болѣе или менѣе правильно оцѣнивать общественные нравы, Лермонтовъ даже впадаетъ въ фатализмъ, высказанный въ видѣ анекдота о Вуличѣ, записаннаго Печоринымъ. Разочарованность Печорина опять напоминаетъ намъ характеръ Лермонтова. Но эта разочарованность—великосвѣтская, съ примѣсью дендизма, который въ русскихъ людяхъ, подобныхъ Печорину, граничилъ нерѣдко съ самою пошлою наглостью. Печоринъ любитъ только самого себя и потому всегда готовъ оскорблять и презирать другихъ, показывая свое превосходство. Онъ ухаживаетъ

за женщиной, но, насладившись первой любовью, бросаетъ предметъ своей любви. Ему какъ будто пріятны страданія женщины, которая не въ состояніи любить только въ половину. Поступокъ съ Белою — верхъ бездушія и свѣтской пошлости. Печоринъ по своему положенію принадлежалъ къ высшему обществу, онъ получилъ образованіе, но это образованіе отличалось свѣтскимъ характеромъ и потому не оказывало вліянія на нравственное развитіе. Въ отношеніяхъ къ женщинѣ, какъ и во всемъ другомъ, онъ ищетъ только удовлетворенія своимъ ощущеніямъ, и какъ только ощущеніе удовлетворено, то Печоринъ съ презрѣніемъ отзывается о томъ лицѣ, которое доставило ему наслажденіе. Такимъ образомъ Печоринъ, какъ общественный типъ, задуманъ весьма глубоко и дѣйствительно выражаетъ собою извѣстную степень нашего общественнаго развитія. Начиная съ романа Пушкина «Евгеній Онѣгинъ», литература выражаетъ собою извѣстныя явленія въ послѣдовательномъ развитіи типа, мѣняющагося подъ вліяніемъ различныхъ условій жизни. Печоринъ — продолженіе Онѣгина съ тѣмъ только различіемъ, что въ лицѣ перваго выражается болѣе глубокая идея. Мы видимъ, что Онѣгину надоѣла жизнь, что онъ ко всему сталъ равнодушно относиться. Печоринъ въ этомъ случаѣ не таковъ. Онъ ведетъ борьбу съ общественными предразсудками, но въ то же время не щадитъ и себя, незабываетъ и своихъ заблужденій. Душа Печорина ищетъ разрѣшенія внутреннихъ вопросовъ, дѣлаетъ самое себя предметомъ своихъ наблюденій. Какъ апатичность была результатомъ разочарованія у Онѣгина, такъ энергія является главнымъ свойствомъ характера Печорина, отчаявающагося найти примиреніе съ жизнью среди пустого и легкомысленнаго общества. Та сторона въ характерѣ Печорина, по которой онъ является человѣкомъ, анализирующимъ общественныя отношенія, очевидно, отражаетъ на себѣ вліяніе западныхъ идей, перешедшихъ къ намъ еще отъ просвѣтительной литературы XVIII столѣтія. Въ жизни, современной Лермонтову, можно было уже встрѣтить людей, подобно Печорину, относившихся критически ко всему ихъ окружающему, а потому и названіе романа совершенно согласно съ дѣйствительностью. Лермонтовъ не ограничился въ своемъ романѣ изображеніемъ великосвѣтскаго общества: въ противоположность княжнѣ Мери и Печорина являются непосредственныя натуры Бэлы и

Максимъ Максимычъ. Развитіе этого типа людей совершается безъ всякаго участія образованности и предоставлено одной природѣ Максимъ Максимычъ офицеръ, всю жизнь проведшій на Кавказѣ и хорошо знакомый съ этою страною. Простота съ примѣсью нѣкоторой грубости, неразлучной съ службою на Кавказѣ, добродушіе и откровенность—вотъ черты, которыя невольно возбуждаютъ сочувствіе къ Максиму Максимычу. Кромѣ Бэлы и Максима Максимыча, Лермонтову весьма удались типы подобные Азамату и Казбичу. Это совершенно дикія натуры, но невольно возбуждающія сочувствіе своею энергіею, силою въ борьбѣ съ обстоятельствами.

Лермонтовъ по преимуществу поэтъ лирическій. Но это не мѣшало ему обнаружить способность къ эпическому разсказу, что рельефнѣе всего выразилось въ его «пѣсни про Іоанна Васильевича Грознаго, молодого опричника и удалаго купца Калашникова». Исключая народныя произведенія Пушкина, русская литература впервые обогатилась превосходнымъ произведеніемъ въ народномъ духѣ. Не говоря о содержаніи «Пѣсни» Лермонтова, вполнѣ выражающемъ описываемый періодъ русской жизни, языкъ пѣсни, ея изложеніе удивительно вѣрны былинной поэзіи русскаго народа. Поэтъ сохранилъ не только размѣръ народный, но и всѣ тѣ особенности языка, которыя отличаютъ устную словесность отъ поэзіи художественной. Читая пѣсню Лермонтова, совершенно забываешь личность автора, который до такой степени проникся въ духъ народнаго слога, что въ состояніи былъ отрѣшиться отъ своихъ личныхъ воззрѣній. Мы знаемъ уже взглядъ Лермонтова на народную поэзію. Несмотря на то, что онъ росъ подъ вліяніемъ аристократической обстановки, въ немъ однакожъ не искоренилась любовь къ своей родинѣ и къ народной жизни. Поэма раздѣляется на три пѣсни. Первая пѣсня начинается описаніемъ царскаго пира, на которомъ присутствуютъ опричники, князья и бояре. Одинъ опричникъ Кирибѣевичъ «не мочилъ усовъ въ золотѣ ковшѣ». На вопросъ Грознаго, отчего онъ не принимаетъ участія въ общемъ веселіи, опричникъ разсказываетъ ему о своей любви къ Аленѣ Дмитріевнѣ и такъ описываетъ красоту этой женщины:

На святой Руси, нашей матушкѣ:
Не найдти, не сыскать такой красавицы:

Ходитъ плавно, будто лебедушка,
Смотритъ сладко—какъ голубушка,
Молвитъ слово—соловей поетъ;
Горятъ щеки ея румяныя,
Какъ заря на небѣ божіемъ;
Косы русыя, золотистыя,
Въ ленты яркія заплетенныя,
По плечамъ бѣгутъ, извиваются,
Съ грудью бѣлою цѣлуются.
Во семьѣ родилась она купеческой,
Прозывается Аленой Дмитревной.
Какъ увижу ее, я и самъ не свой:
Опускаются руки смѣлыя,
Помрачаются очи бойкія;
Скучно, грустно мнѣ, православный царь,
Одному по свѣту маяться.
Опостыли мнѣ кони легкіе,
Опостыли наряды парчевые.
И не надо мнѣ золотой казны:
Съ кѣмъ казною своей подѣлюсь теперь?
Передъ кѣмъ покажу удальство свое?
Передъ кѣмъ я нарядомъ похвастаюсь?
Отпусти меня въ степи приволжскія,
На житье на вольное, на казацкое.
Ужь сложу я тамъ буйную головушку
И сложу на копье бусурманское,
И раздѣлютъ по себѣ злы Татаровья
Коня добраго, саблю острую
И сѣдельцо браное черкасское.
Мои очи слезныя коршунъ выклюетъ,
Мои кости сырыя дождикъ вымоетъ,
И безъ похоронъ горемычный прахъ
На четыре стороны развѣется....

Царь подсмѣивается надъ опричникомъ и говоритъ, что этому горю очень легко помочь, но Кирибѣевичъ объясняетъ царю, что любимая имъ женщина перевѣнчана съ молодымъ купцомъ. Первая пѣсня оканчивается превосходнымъ припѣвомъ въ народномъ духѣ:

Ай, ребята, пейте — только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте — дѣло разумѣйте!

Ужь потѣшьте вы добраго боярина
И боярыню его бѣлолицую!

Во второй части описывается главное событіе всей піэсы. Кирибѣевичъ поцѣлуемъ обезчестилъ Алену Дмитріевну, когда она возвращалась вечеромъ изъ церкви. Калашниковъ, узнавъ объ этомъ оскорбленіи, бранитъ жену, грозитъ запереть ее, чтобы она не видѣла свѣту Божьяго и не порочила его честнаго имени, а между тѣмъ готовитъ мщеніе опричнику, разсказывая братьямъ, что онъ намѣренъ биться съ врагомъ на кулачномъ бою. Начало третьей пѣсни заключается въ описаніи кулачнаго боя, которые часто устраивались въ Москвѣ для потѣхи царя. Калашниковъ убиваетъ опричника, но и самъ гибнетъ жертвою гнѣва грознаго царя. Лермонтовъ исторически вѣрно изобразилъ характеръ Іоанна Грознаго и тѣ черты, которыя отличаютъ нашу древнюю жизнь съ ея патріархальными и часто своеобразными понятіями.

Лермонтовъ, подобно Пушкину, оставилъ нѣсколько стихотвореній, въ которыхъ онъ касается вопроса о поэтическомъ призваніи и о цѣли поэзіи, таковы: Пророкъ, Журналистъ, читатель и писатель и другъ. Стихотвореніе «Пророкъ» было послѣднимъ произведеніемъ Лермонтова; поэтъ изображаетъ въ немъ человѣка съ возвышенной душой, выходящаго на борьбу съ обществомъ съ цѣлью проповѣдывать въ немъ ученіе о любви и правдѣ. Общество отвергаетъ пророка, потому что живетъ совершенно иною жизнью и довольно тѣми понятіями, какія издавна развились въ его средѣ. Изъ числа всѣхъ послѣдователей Пушкина Лермонтовъ первый высказалъ мысль о призваніи поэта карать неправду и быть провозвѣстникомъ новыхъ лучшихъ идей. При громадномъ поэтическомъ талантѣ Лермонтовъ дѣйствительно обладалъ способностью рѣзко выставлять на видъ общественные недостатки, которые слишкомъ сильно вліяли на его воспріимчивую натуру. Лермонтовъ написалъ весьма не много, но изъ того, что было имъ написано, можно видѣть силу его таланта, дающую ему полное право стать во главѣ послѣдователей Пушкина.

Втеченіе пушкинскаго періода русской литературы положено было начало того рода произведеній, который называется романомъ.— Подъ вліяніемъ произведеній Вальтеръ Скотта, имя котораго было извѣстно повсюду, русскіе писатели обратились къ формѣ истори-

ческаго романа и стали изображать прошлую жизнь Россіи. Въ этомъ отношеніи замѣчательна дѣятельность двухъ писателей: Лажечникова и Загоскина, романы которыхъ до сихъ поръ читаются съ большимъ интересомъ, несмотря на богатую современную литературу. Историческій романъ возникъ въ европейской литературѣ въ тотъ моментъ, когда представители образованности, стремясь объяснить настоящее, обратились къ изученію исторіи; философіи, развившейся въ прошломъ столѣтіи, было недостаточно для образованія принциповъ, необходимыхъ при оцѣнкѣ современныхъ явленій жизни. Прошедшее стало предметомъ не только науки, но и искусства, и вотъ представителемъ этого историческаго движенія является Вальтеръ-Скоттъ (1771—1832). Въ молодыхъ лѣтахъ Вальтеръ-Скоттъ изучалъ юридическія науки и чрезъ то, конечно, знакомился какъ съ различными проявленіями жизни, такъ и съ исторіею, которая была любимою отраслью знанія и которую онъ зналъ въ совершенствѣ. Такъ какъ во времена Вальтеръ-Скотта въ литературѣ господствовалъ романтизмъ, то не мудрено, что онъ обратился къ исторіи среднихъ вѣковъ, которая и фигурируетъ главнымъ образомъ въ романахъ Вальтеръ-Скотта, каковы напр.: Айвенго, Квентинъ Дорвардъ и другіе. Съ основательнымъ знаніемъ историческихъ подробностей, Вальтеръ-Скоттъ соединялъ еще громадный талантъ къ поэтическому творчеству, что конечно и содѣйствовало популярности его романовъ, переводившихся на всѣ европейскіе языки. Литературное движеніе, начало котораго положено было англійскимъ романистомъ, безъ сомнѣнія, оказало вліяніе и на нашу литературу, но оно не было исключительнымъ толчкомъ, побудившимъ Лажечникова и другихъ обратиться къ воспроизведенію прошедшей жизни Россіи. Политическія событія, подобныя войнѣ 12-го года, пробудили самосознаніе русскаго общества и невольно заставили представителей литературы отнестись сочувственно къ прошедшему. Появленіе исторіи Карамзина еще болѣе содѣйствовало патріотизму и послѣ его добросовѣстнаго труда очень возможно было отнестись здраво къ прошедшимъ событіямъ русской исторіи. Ив. Ив. Лажечниковъ (1794—1869) воспитывался подъ руководствомъ французскаго гувернера и уже съ дѣтства сталъ обнаруживать непреодолимую страсть къ чтенію. Любимыми его писателями были: Тацитъ, Титъ Ливій, Плутархъ, произведенія которыхъ изучалъ онъ по французскимъ переводамъ.

Въ молодыхъ лѣтахъ Лажечниковъ служилъ въ военной службѣ и принималъ участіе во многихъ сраженіяхъ во время знаменитой Отечественной войны. Въ 1817 году онъ издалъ сборникъ своихъ произведеній «Первые опыты въ стихахъ и прозѣ», но эти сочиненія, хотя и пользовались въ свое время извѣстностью, не внесены были авторомъ въ полное собраніе его сочиненій, изданное въ 1858 году. Въ 1823 году Лажечниковъ опредѣленъ былъ директоромъ казанской гимназіи въ то время, когда попечителемъ округа былъ знаменитый М. Л. Магницкій, службу съ которымъ нашъ романистъ называлъ въ шутку «Казанскимъ плѣномъ». Къ этому періоду относится сочиненіе романа «Послѣдній Новикъ», съ котораго и началась слава Лажечникова, какъ историческаго романиста. Переселившись въ Тверь на должность директора училищъ, Лажечниковъ продолжалъ серьезно заниматься русскою исторіею и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ издалъ два историческіе романа: Ледяной домъ и Басурманъ. Кромѣ романовъ, онъ написалъ еще нѣсколько драматическихъ произведеній, изъ которыхъ лучшимъ считается драма «Опричникъ». Она написана была въ 1842 году, но не одобренная для печати тогдашнею цензурою, оставалась въ рукописи до 1859 года, когда появилась въ журналѣ «Русское Слово». «Опричникъ» — драма историческая изъ временъ Іоанна Грознаго. Главный мотивъ піэсы — борьба между жаждой мести и чувствомъ любви къ матери въ лицѣ Андрея Морозова — разработанъ превосходно, но нельзя того же сказать относительно характеристики Іоанна, въ уста котораго авторъ влагаетъ нерѣдко свои собственныя мысли. Вообще драматическія произведенія неудавались Лажечникову; онъ пробовалъ писать и комедіи, какъ напр.: комедія «Окопировался», заимствованная изъ чиновничьяго быта, но онѣ выходили неудачны за отсутствіемъ юмористическаго таланта. Главное значеніе литературной дѣятельности Лажечникова заключено въ его историческихъ романахъ. Въ романѣ «Послѣдній Новикъ» авторъ изображаетъ эпоху Петра Великаго, въ моментъ борьбы русскихъ со шведами. Онъ долго изучалъ эпоху и людей того времени, самую мѣстность, обычаи и нравы и вотъ почему въ его романѣ мы встрѣчаемъ подробныя и вѣрныя описанія людей и событій. Кромѣ художественной отдѣлки и строгаго изученія историческаго матерьяла, романъ отличается еще патріотическимъ направленіемъ. Это направленіе выраждается въ геройскомъ

подвигѣ Вульфа, умирающаго отъ пороховаго взрыва, приготовленнаго для шведовъ, въ энергическихъ поступкахъ Паткуля, защитника правъ Лифляндіи, и наконецъ полнѣе всего патріотизмъ обнаруживается въ характерѣ героя Владиміра, давшаго названіе самому роману. Преступникъ, неимѣющій права открыто жить въ отечествѣ, онъ любитъ его безпредѣльною любовью, скрывается въ образѣ странствующаго нищаго, испытываетъ всѣ бѣдствія, неразлучныя съ его положеніемъ, но не отказывается служить родинѣ, защищать ее отъ враговъ. Но романъ Лажечникова не чуждъ и недостатковъ. При объясненіи историческихъ судебъ войны романистъ часто прибѣгаетъ къ случайнымъ фактамъ, и кромѣ того неправильно характеризуетъ историческія личности. Такъ напр. въ Петрѣ онъ представляетъ слишкомъ человѣколюбивую и сердобольную натуру, что очевидно противорѣчитъ исторіи, которая указываетъ намъ на примѣры жестокости этого царя. Энтузіамъ, съ которымъ принятъ былъ романъ при его появленіи въ 1831 году, объясняется интереснымъ его содержаніемъ, а также и тою задушевностью и гуманностью, которыя разлиты во всемъ произведеніи. Черезъ три года послѣ «Новика» вышелъ въ свѣтъ «Ледяной домъ». Въ этомъ романѣ значительно преобладаетъ романтическій элементъ надъ историческимъ, и читатель, невольно оставляя въ сторонѣ политическія событія, увлекается судьбою цыганки Маріорицы и ея отношеніями къ Волынскому. Впрочемъ и здѣсь Лажечниковъ весьма подробно рисуетъ картину народной жизни во время владычества временщиковъ. Жестокости Бирона, страданія народа, казни и преслѣдованія— вотъ тѣ темныя стороны, которыя составляютъ предметъ исторической части романа. При всей гуманности взглядовъ романиста какъ то странны кажутся его преслѣдованія Тредьяковскаго, котораго онъ рисуетъ самыми мрачными красками. Этотъ неутомимый труженикъ, оказавшій большія услуги русскому языку и словесности, представленъ въ романѣ подлымъ льстецомъ за то только, что онъ воспѣвалъ сильныхъ людей своего времени, т. е. поступалъ такъ какъ поступали по обычаю и многіе другіе писатели. Лучше всего удался Лажечникову характеръ Маріорицы, Молдаванской княжны, дочера цыганки, воспитанной въ роскошномъ гаремѣ и погибающей на дальнемъ сѣверѣ трагическою смертью. Маріорица воспитывалась сначала въ цыганскомъ таборѣ и потомъ продана была хотинскому

пашѣ. Фатализмъ былъ источникомъ ея любви къ Волынскому. Паша часто въ шутку говорилъ, что онъ уступитъ ее Волынскому. Когда Хотинъ былъ взятъ русскими, то Минихъ взялъ съ собою Маріорицу и подарилъ Государынѣ. Первый изъ мужчинъ, съ которымъ она встрѣтилась во дворцѣ, былъ Волынскій. «При имени Волынскаго, говоритъ авторъ, Маріорица затрепетала» и съ той поры страстно полюбила знатнаго вельможу. Это обстоятельство и служитъ такъ сказать канвою, на которой построенъ весь романъ Лажечникова. Въ 1838 году появился третій историческій романъ Лажечникова, «Басурманъ», въ которомъ опять на первомъ планѣ стоитъ интересъ историческій. Здѣсь изображается эпоха Іоанна III, столь подробно и сочувственно описанная въ трудѣ Карамзина. Вымышленная часть романа не совсѣмъ ловко связывается съ историческимъ его содержаніемъ, разсказъ начинается издалека и состоитъ изъ множества подробностей, не имѣющихъ прямого отношенія къ главному сюжету. Въ идеализаціи лицъ романа снова проглядываютъ личныя воззрѣнія автора: онъ заставляетъ извѣстнаго архитектора Аристотеля Фіоравенти высказывать взгляды, которые доступны развѣ только историкамъ настоящаго столѣтія. Романъ получилъ свое названіе оттого, что главнымъ героемъ является иностранецъ Антонъ Эренштейнъ. Лучшимъ характеромъ долженъ считаться боярин Образецъ, защитникъ всего патріархальнаго и непримиримый врагъ иноземщины. Съ появленіемъ Басурмана Лажечниковъ оставилъ поприще историческаго романа и обратился къ изображенію современной жизни. Но тутъ талантъ романиста оказался несостоятельнымъ: романы его «Не много лѣтъ назадъ» (1862), и «Внучка панцырнаго Боярина», не вызвали сочувствія въ литературѣ, и общество отнеслось къ нимъ холодно. Въ этихъ произведеніяхъ Лажечникова нѣтъ живыхъ лицъ, нѣтъ реальности, необходимой въ романѣ изъ современной будничной жизни. Къ этому періоду дѣятельности Лажечникова относятся его прозаическія статейки, въ которыхъ онъ сообщаетъ свѣдѣнія о знаменитыхъ лицахъ: таковы: Знакомство мое съ Пушкинымъ, Какъ я зналъ Магницкаго, Матерьялы для біографіи Бѣлинскаго; первыя двѣ статьи напечатаны были въ журналѣ «Русскій Вѣстникъ», а послѣдняя въ Московскомъ Вѣстникѣ.

Соперникомъ Лажечникова на поприщѣ историческаго романа былъ Мих. Ник. Загоскинъ (1789—1852). Тринадцати лѣтъ Загос-

кинъ поступилъ въ гражданскую службу, но когда насталъ 1812-й годъ, онъ тотчасъ оставилъ ее, записался въ петербургское ополченіе, и принималъ участіе въ сраженіи подъ городомъ Полоцкомъ. По окончаніи войны Загоскинъ снова поступаетъ въ гражданскую службу. Къ этому времени относится начало литературной дѣятельности Загоскина. Прежде всего онъ сталъ извѣстенъ своими комедіями, изъ которыхъ весьма многія ставились на императорскомъ театрѣ и пользовались всегда большимъ успѣхомъ. Съ осени 1828 года Загоскинъ принялся за изученіе историческихъ документовъ и черезъ годъ издалъ знаменитый свой романъ «Юрій Милославскій или русскіе въ 1612 году», появленіе котораго, по словамъ С. Т. Аксакова, составило эпоху какъ въ жизни самого автора, такъ и въ литературномъ и общественномъ отношеніи. Послѣ того вышли другіе романы Загоскина: Рославлевъ или русскіе въ 1812 году, Аскольдова Могила, повѣсть изъ временъ Владиміра I, Кузьма Петровичъ Мирошевъ, Москва и Москвичи, Брынскій Лѣсъ и друг. — Романъ Загоскина «Юрій Милославскій» былъ первымъ историческимъ романомъ, но въ немъ слишкомъ мало историческаго; авторъ, вмѣсто того чтобы изображать взятую имъ эпоху, переноситъ свои понятія на характеръ дѣйствующихъ лицъ. Увлекшись подражаніемъ Вальтеръ-Скотту, Загоскинъ основалъ завязку на любви, что какъ-то не вяжется съ бытомъ древней Руси. Главный герой романа Милославскій очерченъ какими-то отвлеченными чертами; вы не видите въ немъ представителя извѣстнаго времени, мѣста и сословія. Несмотря на недостатки, романъ Загоскина пріобрѣлъ популярность какъ по новости самой формы, такъ по легкости разсказа, по тону, исполненному, теплоты и добродушія. Покончивъ съ романомъ историческимъ, Загоскинъ обратился къ роману изъ частной жизни, но тутъ обнаружились въ немъ недостатки, отличающіе вообще эпическую литературу до Гоголя. Отъ романа требовались запутанность фабулы и мораль, обращавшаяся нерѣдко въ рядъ истертыхъ нравоученій. Лица у Загоскина, какъ и у многихъ другихъ писателей, дѣлятся обыкновенно на добродѣтельныхъ и злодѣевъ, причемъ каждое отдѣльное лицо не оттѣняется индивидуальными чертами, откуда совершенное сходство между ними, а слѣдовательно и полное несогласіе съ дѣйствительностью. Русская литература пушкинскаго періода можно сказать затоплялась массою подобныхъ романовъ. Въ

этомъ случаѣ извѣстна дѣятельность Ѳ. В. Булгарина, Полевого и другихъ. Булгаринъ вовсе не былъ художникъ; онъ писалъ свои произведенія безъ всякаго къ тому призванія, и если его романы, подобные знаменитому «Ивану Выжигину», пользовались расположеніемъ публики, то это объясняется отчасти невзыскательностью послѣдней. Булгаринъ пробовалъ свои силы и на поприщѣ историческаго романа, но его «Дмитрій Самозванецъ» только тѣмъ и отличается, что заключаетъ въ себѣ всѣ недостатки историческаго романа Загоскина. Изъ романовъ Полеваго, дѣятельность котораго какъ журналиста мы разсмотримъ ниже, особенною извѣстностью пользовалась его «Абаддона», идея котораго основана на борьбѣ художника, человѣка возвышеннаго, съ мелочами жизни и ничтожностью людей. Хотя въ этомъ романѣ и замѣтно вліяніе Шиллера, но оно нисколько не лишаетъ произведеніе Полевого интереса въ изображеніи характеровъ и судьбы главныхъ героевъ: Вильгельма, Элеоноры, и Генріэтты. Полевой дѣйствительно обладалъ талантомъ, но его произведенія этого рода скорѣе обличаютъ въ немъ человѣка съ умомъ и здравымъ смысломъ, чѣмъ истиннаго художника, созданія котораго долго живутъ въ памяти потомства.

Историческіе романы Загоскина и Лажечникова вызвали собою множество подражаній, изъ которыхъ нѣкоторые по времени относятся уже къ гоголевскому періоду, но по существу дѣла принадлежатъ къ настоящей эпохѣ. Являлись люди совершенно бездарные; искажая исторію и не понимая сущности художественной идеализаціи. Они составляли свои романы безъ всякаго искусства и уже въ то время наводили скуку на своихъ читателей. Въ этомъ отношеніи мы можемъ указать на К. Масальскаго, который, несмотря на свое образованіе, написалъ: Регенство Бирона, Осада Углича, Стрѣльцы и произведенія, которыя давно уже сдѣлались достояніемъ архивной пыли.

Кромѣ Лажечникова и Загоскина, въ ряду романистовъ пушкинскаго періода литературы не послѣднее мѣсто занималъ Ал. Бестужевъ, писавшій подъ фамиліею Марлинскаго. Марлинскій родился въ 1795 году. Разжалованый въ солдаты въ 1825 году, онъ сосланъ былъ въ Якутскъ. Въ 1830 году онъ получилъ позволеніе вступить въ кавказскую армію и убитъ былъ въ стычкѣ близъ Екатеринодара въ 1837 году. Литературная дѣятельность Марлинскаго пользовалась большимъ успѣхомъ: его повѣсти и романы увеличи-

вали число подписчиковъ на журналы, въ которыхъ они помѣщались; современная критика относилась къ нимъ не иначе какъ съ похвалою, нерѣдко крайне преувеличенною. Авторъ романовъ дѣйствительно обладалъ необыкновеннымъ талантомъ къ живому разсказу, къ увлекательному изображенію человѣческихъ страстей, но эти романы и повѣсти часто лишены идеи и изобилуютъ такими героями и героинями, въ которыхъ не видно даже и признаковъ человѣческаго существа. Лучшими произведеніями Марлинскаго считались въ свое время: Испытаніе, Лейтенантъ Бѣлозоръ, Фрегатъ Надежда, Амалатъ - Бекъ, Мулла Нуръ, и цѣлый рядъ небольшихъ разсказовъ, отличающихся веселостью, каковы напр.: «Военный Антикварій» и «Мореходъ Никитинъ». Повѣсти и романы Марлинскаго заключаютъ въ себѣ много остроумныхъ сценъ, обличающихъ въ авторѣ несомнѣнный талантъ разскащика съ большимъ умомъ и образованіемъ, но въ то же время изложеніе ихъ нерѣдко изобилуетъ множествомъ пышныхъ трескучихъ фразъ безъ всякой мысли, отзывающихся риторикою и слишкомъ уже свободнымъ выборомъ словъ. Такъ напр. въ письмахъ княгиня Вѣры — героини романа «Фрегатъ Надежда» встрѣчаются подобныя выраженія: вздуть сравненіе до гиперболы, вплетать въ гирлянду разсказа кой какіе вопросы и т. д. По словамъ Вѣры капитанъ Фрегата это такой человѣкъ, одно слово, одинъ взглядъ котораго двигали громады корабля—эту геніальную мысль, одѣтую въ дубъ и желѣзо и окрыленную полотномъ». На каждомъ шагу вы встрѣчаете у Марлинскаго подобныя фразы, но часто эти фразы если онѣ касались изображенія страстей, возбуждали интересъ въ тогдашнихъ читателяхъ, и поэтому немудрено, что Марлинскій пользовался въ свое время огромною популярностью. Марлинскій писалъ повѣсти изъ русской жизни, каковы напр.: Наѣзды, Романъ и Ольга, Измѣнникъ, но въ нихъ русскаго только имена, да описаніе нѣкоторыхъ повѣрій и обычаевъ. Кромѣ беллетристическихъ сочиненій Марлинскому принадлежатъ еще слѣдующія критическія статьи: Взглядъ на русскую словесность 1823 и 1824 годовъ (двѣ статьи), Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи и Разборъ романа Полевого: Клятва при Гробѣ Господнемъ. Критическія воззрѣнія Марлинскаго отличались мѣткостью и пониманіемъ изящнаго въ томъ или другомъ литературномъ произведеніи. Онъ вѣрно оцѣнилъ романъ Булгарина «Дмитрій Самозванецъ»,

сказавъ, что Годуновъ очерненъ авторомъ, что похожденія героя отличаются романическимъ и таинственнымъ характеромъ. Разсуждая о представителяхъ русской поэзіи, Марлинскій весьма справедливо указываетъ имъ то или другое мѣсто въ исторіи нашей литературы.

Въ каждый періодъ литературы господствуютъ воззрѣнія, съ точки зрѣнія которыхъ и оцѣниваются произведенія писателей. Литературная критика выражаетъ всегда направленіе умственнаго движенія и вотъ почему эта область знанія обязательно должна входить въ исторію литературы. Въ періодъ Пушкина главнымъ представителемъ литературной критики является Полевой, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ писателей какъ по своему значенію, такъ и по разнообразію своей дѣятельности. Ник. Алекс. Полевой (1796—1846) по происхожденію принадлежалъ къ купеческому сословію и родился въ Иркутскѣ, гдѣ отецъ его занимался торговыми дѣлами. По словамъ самого Полеваго, съ шести лѣтъ онъ сталъ учиться грамотѣ и черезъ два три года прочиталъ всѣ книги, какія находились въ библіотекѣ отца, человѣка хотя и не получившаго образованія, но довольно начитаннаго. До 18 лѣтъ Н. А. Полевой занимался чтеніемъ безъ всякой системы, съ жаромъ бросаясь на каждую попавшуюся книгу, но въ то же время долженъ былъ помогать отцу въ его торговыхъ дѣлахъ. Съ 1814 года Полевой сталъ систематически заниматься, изучилъ русскую грамматику, кромѣ того при помощи итальянца, пьянаго цирюльника, выучился произносить французскія буквы. Черезъ два года семейство Полевыхъ переселилось въ Курскъ. Николай Алексѣевичъ постоянно былъ занятъ однимъ желаніемъ учиться и, усердно изучая науки, пріобрѣлъ массу свѣдѣній почти безъ всякаго руководителя. Собственно литературная дѣятельность Полеваго началась съ 1822 года со смертью его отца. Еще ранѣе этого времени, поселившись въ Москвѣ, Ник. Алекс. познакомился съ извѣстнымъ тогда ученымъ Каченовскимъ, редакторомъ журнала «Вѣстникъ Европы». Сначала Полевой принялъ участіе въ этомъ журналѣ, но такъ какъ редакція состояла изъ людей, державшихся старой классической теоріи, то молодой писатель сошелся съ кружкомъ писателей романтической школы, органомъ которыхъ былъ журналъ «Сынъ Отечества» и альманахъ «Полярная звѣзда» издававшійся Марлинскимъ. Въ Москвѣ существовалъ тогда кружокъ образованныхъ людей, который старался проводить въ литературѣ идеи

философа Шеллинга, что намъ извѣстно уже изъ біографіи Веневитинова, бывшаго дѣятельнымъ членомъ этого кружка. Полевой примкнулъ къ этому кружку, хотя, правда, отвлеченная германская философія была не подъ силу человѣку, не получившему систематическаго образованія. Любимымъ предметомъ изученія была для Полевого философія французскаго писателя Кузена, идеи котораго онъ и проводилъ въ своей литературной дѣятельности. Въ 1824 году Полевой, рѣшившись издавать литературный журналъ, составилъ программу его и отправилъ ее на разсмотрѣніе къ адмиралу Шишкову, бывшему тогда министромъ народнаго просвѣщенія. Разрѣшеніе было получено очень скоро и Полевой сталъ издавать «Московскій Телеграфъ», высказавъ предварительно, что въ журналѣ его будетъ обращено особенное вниманіе на литературную критику. Въ числѣ сотрудниковъ Полевого были: М. А. Максимовичъ, кн. Вяземскій, кн. В. Ѳ. Одоевскій, а впослѣдствіи и Пушкинъ. Журналъ Полевого встрѣченъ былъ обществомъ съ большимъ сочувствіемъ; въ немъ помѣщались извѣстія и статьи по различнымъ отраслямъ наукъ и искусствъ; здѣсь впервые русское общество познакомилось съ представителями политико-экономической науки, наконецъ въ этомъ журналѣ явилась первый разъ серьезная эстетическая критика - отдѣлъ, находившійся въ рукахъ самого издателя. Кромѣ журнальной дѣятельности, Полевой писалъ множество повѣстей, драматическихъ сочиненій, издалъ Исторію русскаго народа, имѣя отчасти въ виду указать на тѣ недостатки, которыми отличался взглядъ Карамзина на исторію вообще. Журналъ Полевого проводилъ новыя идеи и самостоятельно отзывался на всѣ явленія умственной жизни Европы. Скоро явилось множество враговъ изъ представителей старой школы, они старались подорвать журналъ Полевого, находя его либеральнымъ, но издатель смѣло дѣйствовалъ противъ тѣхъ патріотовъ, которыхъ онъ весьма удачно назвалъ «квасными». Въ 1834 году появилась драма Кукольника «Рука Всевышняго отечество спасла», и критическая статья, написанная на эту драму, была поводомъ къ прекращенію «Телеграфа». Послѣ того Полевой прожилъ еще 12 лѣтъ въ Петербургѣ, но этотъ періодъ его дѣятельности, уже ни чѣмъ не замѣчателенъ, такъ какъ на поприще литературной критики выступили другіе дѣятели, проводившіе новую систему воззрѣній.

«Московскій Телеграфъ», по справедливому замѣчанію Бѣлинскаго, былъ необыкновеннымъ явленіемъ въ то время. Это было первое

періодическое изданіе, отличавшееся разнообразіемъ содержанія, вкусомъ ко всему изящному и вѣрностью принятому принципу. Издатель главное вниманіе обратилъ на литературную критику, задачею которой было указать каждому писателю надлежащее мѣсто въ литературѣ. Будучи послѣдователемъ романтической школы, Полевой вооружался противъ всего, что намекало на ложноклассическую теорію и тѣмъ самымъ водворялъ въ нашемъ обществѣ здравыя понятія о представителяхъ новой поэзіи. Въ 1839 году онъ издалъ лучшія свои критическія статьи въ двухъ томахъ подъ названіемъ «Очерки русской литературы». Въ первомъ томѣ помѣщены статьи о произведеніяхъ Державина, Жуковскаго, Пушкина о басняхъ Хемницера, о поэмѣ Козлова «Наталья Долгорукова», о пѣсняхъ Мерзлякова и о другихъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ явленіяхъ русской литературы. Во второмъ томѣ главною статьею является критика на исторію Карамзина, которую Полевой оцѣнивалъ съ точки зрѣнія современныхъ ему западныхъ историковъ, и потому во многомъ находилъ ее неудовлетворительною. Полевой, увлеченный поэтическимъ талантомъ Державина, Жуковскаго, Пушкина, въ то же время указывалъ справедливо и на недостатки ихъ произведеній, что конечно возбуждало гнѣвъ въ его врагахъ, которые считали дерзостью отзывы самоучки объ авторитетахъ русской поэзіи. Многія сужденія Полевого повторялись и въ послѣдующіе періоды русской критики. Такъ напр. онъ совершенно справедливо высказалъ мнѣніе, что драма Пушкина «Борисъ Годуновъ» есть только рядъ историческихъ сценъ; что драматической борьбѣ, которая всегда лежитъ въ основаніи драмы, значительно повредило рабское подражаніе Карамзину и его ложному изображенію характера Бориса Годунова.

Какъ видно изъ біографій нѣкоторыхъ писателей пушкинскаго періода, русское образованное общество мало-по-малу подвергалось вліянію нѣмецкой философіи. Составлялись даже кружки, члены которыхъ посвящали себя этому роду занятій. Философское направленіе отразилось и на литературѣ. Въ этомъ отношеніи замѣчательна дѣятельность Одоевскаго, о которомъ мы упоминали выше. Изъ всѣхъ литературныхъ дѣятелей 20-хъ и 30-хъ годовъ кн. В. Ѳ. Одоевскій отличался необыкновенною обширностью своихъ знаній по различнымъ отраслямъ наукъ философскихъ и естественныхъ. Онъ былъ

изъ числа самыхъ ярыхъ приверженцевъ Шеллинга, идеи котораго проводились въ тогдашней литературѣ многими нашими писателями. Кн. Одоевскій выступилъ на литературное поприще въ 1824 году; первымъ его произведеніемъ была повѣсть «Элладій», картина свѣтской жизни, напечатанная въ альманахѣ «Мнемозина». Повѣсть эта замѣчательна тѣмъ, что она была первымъ произведеніемъ, въ которомъ изображалась русская жизнь совершенно согласно съ дѣйствительностью. Къ этому же времени относятся его апологи или аллегорическія повѣсти, имѣвшія тогда многихъ почитателей. Затѣмъ слѣдовалъ цѣлый рядъ повѣстей: Бригадиръ, Балъ, Насмѣшка мертвеца, Послѣдній квартетъ Бетховена, Импровизаторъ, Себастьянъ Бахъ. Въ послѣднихъ трехъ произведеніяхъ Одоевскій проводитъ или психологическую мысль или взглядъ на искусство и художника. Такъ въ Импровизаторѣ развита мысль о безплодности знанія, пріобрѣтеннаго безъ труда. Свѣтская жизнь превосходно изображается Одоевскимъ въ повѣстяхъ: Княжна Мими и княжна Зизи. Главнымъ произведеніемъ этого писателя считаются «Русскія ночи», написанныя въ подражаніе «Серапіоновымъ братьямъ» нѣмецкаго писателя Гофмана, гдѣ изображены ночныя бесѣды молодыхъ людей о различныхъ вопросахъ жизни, науки и искусства. Въ «Русскихъ ночахъ» Одоевскій вполнѣ обнаружилъ свои обширныя познанія и глубину научныхъ воззрѣній. Въ лицѣ Фауста, главнаго героя повѣсти, авторъ изображаетъ человѣка, находящагося въ періодѣ скептицизма, и, подъ вліяніемъ этого скептицизма, отрицающаго многія явленія въ жизни и наукѣ человѣчества. Но Фаустъ, опровергая тѣ или другія воззрѣнія, самъ нерѣдко высказываетъ ложныя идеи. Такъ онъ находитъ, что древніе народы и потомъ средневѣковые философы владѣли большими знаніями, чѣмъ новѣйшіе ученые; что исторія есть только хаосъ фактовъ, которые каждый разумѣетъ по своему.

ПЕРІОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ (гоголевскій).

Н. В. Гоголь, его жизнь и сочиненія.—Поэзія, современная Гоголю: Кукольникъ, Губеръ и Майковъ.—Художественно-народная поэзія и А. В. Кольцовъ.—Послѣдователи Гоголя: Даль, Григоровичъ, Достоевскій и Тургеневъ.—Славянофильское ученіе и его представители: братья Кирѣевскіе, Хомяковъ и К. Аксаковъ. — Вліяніе славянофильскаго ученія на изящную литературу. —Повѣсть Соллогуба «Тарантасъ».—Западники.—Жизнь и сочиненія Бѣлинскаго.—Другіе представители критики: Сенковскій и Шевыревъ.—Переводные и историко-литературные труды.

Разсматривая произведенія нашихъ писателей, дѣйствовавшихъ въ одно время съ Пушкинымъ, легко замѣтить, что преобладающей формой сочиненій была лирика, въ которой поэты и выражали свои воззрѣнія на явленія жизни. Пушкинская эпоха литературы была можно сказать эпохой чистаго творчества, когда поэты вращались въ области своего вдохновенія и слишкомъ мало касались того, что ихъ окружало. Въ ихъ сочиненіяхъ мы не видимъ еще стремленія изображать тѣ недостатки, которые накопились въ русской общественной жизни втеченіе ея развитія со временъ реформы Петра Великаго. Правда, Пушкинъ сблизилъ поэзію съ дѣйствительностью, но, за исключеніемъ Евгенія Онѣгина, произведенія его по большей части отличаются общимъ характеромъ: онъ рисуетъ въ нихъ картины жизни, изображаетъ проявленіе человѣческихъ чувствъ, но эти картины и эти чувства слишкомъ мало связываются съ русскою дѣйствительностью, слишкомъ мало знакомятъ насъ съ различными сторонами жизни русскаго общества въ его разнообразныхъ слояхъ. Какъ въ произведеніяхъ самого Пушкина, такъ и многочисленныхъ его послѣдователей, поэзія преобладаетъ надъ прозою, выраженіе

собственныхъ ощущеній по поводу тѣхъ или другихъ явленій замѣняетъ собою объективное изображеніе русской жизни. Сатира Лермонтова, правда, коснулась вопросовъ русской жизни, но она опять подверглась сильному вліянію Байрона, изъ за котораго нерѣдко весьма трудно наблюдать развитіе русскаго общества, притомъ сатира Лермонтова ограничивается только высшимъ слоемъ общества. Въ ряду послѣдователей Пушкина мы не можемъ указать ни одного писателя, который бы всецѣло предался изученію русской жизни и изобразилъ бы намъ русскаго человѣка со всѣми его достоинствами и недостатками. И вотъ является Гоголь съ совершенно новымъ направленіемъ, измѣняющимъ и содержаніе литературы и воззрѣнія критики, которая въ этотъ періодъ впервые заговорила о поэзіи какъ о воспроизведеніи общественныхъ явленій русской жизни. Не отдаляясь отъ чисто художественной стороны поэзіи, которая проводилась писателями предшествовавшаго періода, Гоголь въ то же время придаетъ ей характеръ жизненной правды, и въ своихъ произведеніяхъ является поэтомъ-юмористомъ, отъ котораго не ускользаетъ ни одна повидимому мелочная черта русской жизни. Со времени Гоголя право гражданства получаетъ романъ изъ современной жизни, и писатели, пользуясь этою формою анализируютъ русскую жизнь во всѣхъ ея подробностяхъ. Было время, когда на Гоголя смотрѣли только какъ на остроумнаго писателя, умѣющаго поразсмѣшить и повеселить своихъ читателей; но такой взглядъ далеко не справедливъ. Несмотря на простую и доступную форму произведеній этого писателя, они всегда проникнуты глубокою идеею, отсутствіе которой при одномъ только званіи веселаго разскащика, не могло бы дать Гоголю права стать во главѣ цѣлаго періода, продолжающагося даже до настоящаго времени.

Н. В. Гоголь-Яновскій (1809—1852) родился въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ Полтавской губерніи и высшее образованіе получилъ въ Нѣжинскомъ Лицеѣ, теперь преобразованномъ въ филологическій институтъ. Въ лицеѣ Гоголь не особенно усердно занимался уроками, но взамѣнъ этого много читалъ, чувствуя особенную любовь къ словесности. Воспитанники лицея издавали журналъ, редакторомъ котораго былъ Гоголь; кромѣ того нерѣдко устраивались домашніе спектакли и такимъ образомъ подобнаго рода развлеченія оказывали здоровое вліяніе на юношество. Еще на школьной скамейкѣ Гоголь

обнаруживалъ не разъ свой юмористическій даръ, всегда выдавался изъ товарищей по своему остроумію, по умѣнью замѣтить смѣшную сторону въ какомъ нибудь лицѣ или явленіи. Окончивъ курсъ довольно посредственнымъ ученикомъ, Гоголь рѣшился отправиться въ Петербургъ, чтобы тамъ вступить въ государственную службу. Еще во время пребыванія въ Нѣжинѣ, онъ мечталъ о какихъ то великихъ подвигахъ, которые предстоитъ ему совершить, но на первый разъ мечты его разсыпались, когда пришлось поэту долго искать мѣста. Въ это время онъ напечаталъ свое стихотвореніе «Италія» затѣмъ издалъ отдѣльно поэму Гансъ-Кихелгартенъ, написанную еще во время пребыванія въ лицеѣ. Первые шаги на поприщѣ литературы для Гоголя были неудачны. Полевой осмѣялъ поэму его, что и заставило автора собрать всѣ экземпляры, отданные на комиссію книгопродавцамъ, и сжечь ихъ. Гоголь тогда рѣшается поступить въ актеры, но игра его на домашнемъ испытаніи была признана неудовлетворительною. Въ 1830 году онъ опредѣляется на службу въ Министерство Удѣловъ, но черезъ годъ оставляетъ и это поприще. Въ этомъ же году Гоголь напечаталъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» первый разсказъ изъ Малороссійскаго быта: «Басаврюкъ, или Вечеръ наканунѣ Ивана Купала», а затѣмъ послѣдовали и другіе. Гоголь писалъ тогда подъ разными псевдонимами. Между тѣмъ онъ сблизился съ В. А. Жуковскимъ, Плетневымъ и по ходатайству послѣдняго поступилъ учителемъ словесности въ женскій Патріотическій институтъ. Плетневъ же доставлялъ Гоголю и частные уроки во многихъ аристократическихъ домахъ, хотя и педагогическое поприще было не подъ силу писателю. Въ концѣ 1834 года Гоголь издаетъ цѣлый рядъ повѣстей подъ названіемъ «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки» и по совѣту Плетнева называетъ себя пасичникомъ Рудымъ Панькомъ. Въ этотъ сборникъ входятъ слѣдующіе разсказы: 1) Сорочинская ярмарка, 2) Вечеръ наканунѣ Ивана Купала, 3) Майская Ночь или Утопленница, 4) Пропавшая грамота 5) Ночь предъ Рождествомъ, 6) Страшная месть, 7) Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его тетушка, 8) Заколдованное мѣсто. Всѣ эти повѣсти весьма подробно описываютъ бытъ малороссовъ, ихъ характеръ и суевѣрныя понятія, при чемъ авторъ повсюду высказываетъ свою любовь къ родинѣ и приправляетъ разсказъ добродушнымъ юморомъ, невольно возбуждающимъ веселый смѣхъ въ душѣ читателя. «Вечера на хуторѣ» составили первую

славу Гоголя какъ писателя съ замѣчательнѣйшимъ талантомъ. Онъ сближается съ кружкомъ литераторовъ, во главѣ котораго стоялъ тогда А. С. Пушкинъ; послѣдній былъ въ восторгѣ отъ разсказовъ и вполнѣ вѣрно оцѣнилъ достоинство ихъ и талантъ Гоголя. Самъ Гоголь всегда благоговѣлъ передъ талантомъ и геніальностью Пушкина; онъ считалъ послѣдняго своимъ руководителемъ, подъ вліяніемъ котораго какъ самъ Гоголь говоритъ въ Авторской Исповѣди, создались Ревизоръ и Мертвыя души. Пушкинъ угадалъ призваніе Гоголя и совѣтовалъ ему приняться за большое сочиненіе, приводя въ примѣръ Сервантеса, который хотя и написалъ много небольшихъ повѣстей, но если бы не принялся за Донъ-Кихота, то никогда не занялъ бы мѣста, занимаемаго имъ теперь между писателями. Пушкинъ, предложивъ сюжетъ Мертвыхъ Душъ Гоголю, находилъ, что подобный сюжетъ хорошъ для него тѣмъ, что даетъ полную возможность автору изъѣздить всю Россію и вывести множество разнообразныхъ характеровъ. По содѣйствію Пушкина, Жуковскаго и друг. Гоголь получилъ мѣсто адъюнкта исторіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ, но его професорская дѣятельность была совершенно неудачна, такъ что онъ вскорѣ ее оставилъ и окончательно посвятилъ себя литературѣ. Въ 1834 году Гоголь издалъ новый сборникъ разсказовъ подъ названіемъ «Миргородъ», куда вошли: Старосвѣтскіе помѣщики, Тарасъ Бульба, Віи, Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ. Въ этотъ періодъ дѣятельности замѣтенъ уже нѣсколько иной тонъ въ юморѣ Гоголя. Онъ касается пошлыхъ сторонъ жизни и осмѣиваетъ ихъ, изображая тѣ мелочи жизни, которыя, хотя не замѣтно, но все таки уродуютъ человѣческую личность. Обстановка разсказовъ заимствуется также какъ и прежде изъ нравовъ малороссійскаго быта, современнаго автору, исключая повѣсти Тарасъ-Бульба, сюжетъ которой отличается историческимъ характеромъ.

Въ лицѣ старосвѣтскихъ помѣщиковъ Гоголь изображаетъ добрыхъ и честныхъ людей, погибшихъ отъ недостатка умственной жизни. Рисуя уединенную жизнь Аѳанасія Ивановича и его жены Пульхеріи Ивановны, авторъ видитъ въ ней отсутствіе высшихъ интересовъ, мертвящее однообразіе, способное всегда оказывать на людей вредное вліяніе. Жизнь старосвѣтскихъ помѣщиковъ ограничивалась только самыми естественными потребностями: они пили, ѣли, спали,

вполнѣ обезпеченные матерьяльнымъ довольствомъ, ниспосланнымъ имъ благословеннымъ климатомъ Малороссіи. Эти люди и не имѣли понятія о жизни общественной и только случайно отъ пріѣзжавшихъ гостей они узнавали конечно въ превратномъ видѣ о томъ, что дѣлается внѣ ихъ околодка. Самый разсказъ о смерти Пульхеріи Ивановнѣ кажется какъ будто неестественнымъ, но сравнивъ обѣ части повѣсти, онъ получаетъ правдоподобіе. Вслѣдствіе однообразія жизни всякое мелочное обстоятельство производитъ вліяніе на человѣка, лишеннаго образованія, отсутствіе котораго даетъ пищу суевѣрнымъ понятіямъ, доставшимся по наслѣдству отъ дѣдовъ. Такимъ образомъ немудрено, что Пульхерія Ивановна пропажу кошечки, ея одичалость приписала какому-то предзнаменованію о своей близкой смерти. Повѣсть Гоголя исполнена необыкновеннаго комизма, но въ то же время, авторъ невольно сочувствуетъ добрымъ и гостепріимнымъ старичкамъ и втеченіе разсказа не разъ высказываетъ это сочувствіе. Тонъ повѣсти въ двухъ ея главныхъ частяхъ различенъ: въ первой части, гдѣ описывается жизнь помѣщиковъ, преобладаетъ комическая сторона; напротивъ того, при чтеніи второй части въ душѣ читателя невольно возбуждается сожалѣніе къ дѣйствующимъ лицамъ разсказа. Мыслью о мелочахъ жизни, дѣлающихъ человѣка существомъ ничтожнымъ, проникнута повѣсть о ссорѣ Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича. Причина ссоры лежитъ въ характерахъ этихъ людей. Иванъ Ивановичъ захотѣлъ имѣть ружье Ивана Никифоровича, но почему, онъ самъ этого не знаетъ; Иванъ Никифоровичъ не отдаетъ ружья, хотя Иванъ Ивановичъ предлагаетъ ему за него бурую свинью и мѣшокъ гороха. Иванъ Никифоровичъ назвалъ своего сосѣда гусакомъ—и вотъ изъ за этого слова затѣялось цѣлое тяжебное дѣло. Вы видите людей пустыхъ, которые, не зная чѣмъ наполнить свою животную жизнь, проводятъ время въ подобныхъ исторіяхъ.

Главнымъ произведеніемъ въ сборникѣ «Миргородъ» является историческая повѣсть «Тарасъ Бульба», сохранившаяся въ двухъ редакціяхъ. Гоголь какъ извѣстно, весьма добросовѣстно изучалъ исторію Малороссіи, намѣреваясь издать ученое сочиненіе большаго объема. Но результатомъ занятій явилось глубоко поэтическое созданіе «Тарасъ Бульба», проникнутое драматическимъ характеромъ. Въ лицѣ героя повѣсти малороссійскаго полковника Бульбы поэтъ изображаетъ намъ типъ казака, выработавшійся подъ вліяніемъ историческихъ

условій. Тарасъ, это грубая, деспотическая натура, но въ то же время глубоко проникнутая сознаніемъ своего долга быть защитникомъ родины и православія. У него два сына Остапъ и Андрей. Несмотря на одинаковую обстановку, въ которой они воспитывались, ихъ характеры сложились разнообразно. Остапъ — это тотъ же Тарасъ Бульба, для него недоступны никакія чувства, кромѣ страсти идти по стопамъ своего отца. Въ натурѣ Андрея, также храбраго и мужественнаго, есть какая-то нѣжность, подъ вліяніемъ которой онъ напримѣръ больше привязанъ къ своей бѣдной матери, чѣмъ Остапъ. Андрей влюбляется въ дочь польскаго воеводы и во время осады города, когда казаки вели войну съ поляками, онъ передается на сторону враговъ; увлеченный любовью къ прекрасной полячкѣ, онъ измѣняетъ своему долгу и гибнетъ жертвою своей страсти, убитый роднымъ отцомъ. Тарасъ не щадитъ сына, для него нѣтъ ничего священнаго, кромѣ исполненія долга казака; душа Тараса чужда нѣжныхъ родительскихъ чувствъ: убивъ сына, онъ жалѣетъ его, но не какъ сына, а какъ казака, навсегда погибшаго для общаго дѣла. Неговоря о художественности цѣлаго произведенія, оно изобилуетъ превосходными описаніями (напр. описаніе степи) и частными подробностями, рисующими стародавнюю жизнь. Гоголь описываетъ Запорожскую сѣчь со всѣми ея обычаями и нравами, удалую жизнь казака, во время мира проводящаго жизнь въ кутежахъ и въ безшабашномъ пьянствѣ, изображаетъ намъ жалкое положеніе женщины въ лицѣ бѣдной, страдающей жены Тараса, обреченной на уединенную жизнь въ разлукѣ съ семьею. Тарасъ грубо обращается съ женой, но при отъѣздѣ въ Сѣчь онъ заставляетъ сыновей принять благословеніе матери, вѣруя, что оно спасаетъ ото всѣхъ опасностей военной жизни. Такимъ образомъ смѣшеніе нравственныхъ свойствъ съ грубыми деспотическими инстинктами составляетъ характерную черту, образовавшуюся очевидно подъ вліяніемъ тогдашнихъ условій Общая мысль всей повѣсти Гоголя—представить прошлую жизнь людей, владѣвшихъ исполинскою силою и проявляющихъ ее въ отчаянномъ удальствѣ во время войны и въ бѣшеномъ разгулѣ во время мира, потому что иной дѣятельности и не понимало то поколѣніе.

Во время пребыванія своего въ Петербургѣ, Гоголь обратилъ свое вниманіе преимущественно на жизнь бѣдныхъ чиновниковъ, живописцевъ и другихъ подобныхъ людей, и представилъ картину этой

жизни въ цѣлой серіи такъ называемыхъ петербургскихъ повѣстей какъ-то: Шинель, Портретъ, Невскій проспектъ, Носъ, Записки Сумасшедшаго и др. Юморъ Гоголя получаетъ совершенно иное направленіе. Поэтъ возстаетъ противъ гнетущаго вліянія среды, которая, благодаря неправильному своему развитію, унижаетъ нерѣдко нравственное достоинство человѣка, и глушитъ въ немъ тѣ силы, которыя могли бы благодѣтельно проявиться при лучшей обстановкѣ жизни. Поэтъ является защитникомъ слабыхъ угнетенныхъ людей, которые, при всей ихъ комичности, порожденной пошлою обстановкою, становятся людьми достойными сожалѣнія. Лучшими типами, въ которыхъ выразилось направленіе таланта Гоголя въ эту эпоху его творчества, должны считаться: Акакій Акакіевичъ, художникъ Чартковъ и чиновникъ Поприщинъ. Акакій Акакіевичъ Башмачкинъ, герой повѣсти Шинель, бѣдный чиновникъ безъ всякаго образованія, Вся жизнь его заключалась въ каждодневномъ хожденіи въ департаментъ, гдѣ занимался онъ простымъ переписываніемъ бумагъ. Скудость матерьяльнаго обезпеченія не давала ему возможности носить приличную одежду; его изношенная шинель служила предметомъ насмѣшекъ со стороны его сослуживцевъ, которые, по своей безнравственности, позволяли себѣ постоянно подсмѣиваться надъ бѣднымъ Акакіемъ Акакіевичемъ. Но онъ всегда былъ безотвѣтенъ, никогда не сказалъ никому грубаго слова, что еще болѣе влекло чиновниковъ къ безпрестаннымъ оскорбленіямъ своего сослуживца. Гоголь особенно подробно описываетъ тотъ моментъ изъ жизни Башмачкина, когда онъ сшилъ себѣ новую шинель, которую мошенники сняли съ него, когда онъ ночью возвращался домой съ имянинъ своего сослуживца. Новая шинель озарила нѣсколько скучную томительную жизнь бѣднаго чиновника; онъ какъ будто оживился. Законы чувствъ для всѣхъ одинаковы, хотя предметы, вызывающіе то или другое чувство, разнообразны. Акакій Акакіевичъ былъ человѣкъ необразованный, по своему развитію и обстановкѣ онъ чуждъ былъ высшихъ интересовъ жизни. Немудрено, что новая шинель сдѣлалась его мечтою, оживившею его однообразную жизнь. Характеръ повѣсти измѣняется съ того момента, когда Акакій Акакіевичъ теряетъ шинель; бѣдный чиновникъ является къ значительному лицу, суровый пріемъ котораго поражаетъ его; онъ возвращается домой какъ ошеломленый, заболѣваетъ горячкой и умираетъ одиноко въ

своей жалкой каморкѣ. Но повѣсть не оканчивается смертью героя. Гоголь прибавляетъ къ ней фантастическій эпилогъ съ цѣлью показать, что гибель ничтожнаго человѣка не безслѣдна для того общества, которое оцѣниваетъ человѣка только по положенію, а не по нравственнымъ его качествамъ. Такія же мрачныя картины жизни Гоголь рисуетъ и въ Запискахъ Сумасшедшаго и въ повѣсти «Портретъ». Бѣдный чиновникъ Поприщинъ, влюбившись въ дочь начальника, сходитъ съ ума и воображаетъ себя испанскимъ королемъ Фердинандомъ. Его увозятъ въ сумасшедшій домъ гдѣ онъ испытываетъ тяжкія страданія. Повѣсть «Портретъ» отличается фантастическимъ характеромъ. Художникъ Чартковъ покупаетъ на Щукиномъ дворѣ портретъ старика; совершенно случайно въ рамѣ этого портрета оказывается тысяча червонцевъ; Чартковъ изъ бѣднаго человѣка дѣлается богачемъ; прежде, когда онъ жилъ въ душной каморкѣ иногда даже безъ куска хлѣба, его никто не зналъ. Теперь же сдѣлался онъ модньшъ живописцемъ и покинулъ искусство, которому такъ страстно былъ преданъ. Портретъ старика заваленъ былъ множествомъ другихъ предметовъ, но однажды взглянувши на него случайно, Чартковъ смутился; въ немъ пробудилось горькое сознаніе того, что онъ погубилъ свой талантъ, принесъ его въ жертву роскоши и удобству блестящей обстановки. Чартковъ сталъ задумываться хирѣть физически и наконецъ умеръ. Во второй части повѣсти мы узнаемъ, что портретъ изображалъ одного ростовщика, о которомъ ходила молва, что всякій кто бралъ у него деньги взаймы, непремѣнно кончалъ жизнь самымъ ужаснымъ образомъ. При всей фантастичности произведеніе Гоголя заключаетъ въ себѣ множество сценъ, исполненныхъ жизненной правды и ознакомляющихъ читателей съ тѣми углами и захолустьями, въ которыхъ обитало бѣдное населеніе столицы.

Съ 1835 года дѣятельность Гоголя принимаетъ болѣе серьезный общественный характеръ. Къ этому году была окончена знаменитая его комедія «Ревизоръ», принадлежащая къ числу замѣчательнѣйшихъ произведеній въ исторіи нашей литературы. Въ своей комедіи Гоголь переноситъ читателя въ провинціальную глушь уѣзднаго города. Передъ нами, какъ живые, являются городничій и вся ватага подчиненныхъ ему чиновниковъ, продажныхъ людей, живущихъ взяточничествомъ. Хотя они и сознаютъ противозаконность своихъ дѣй-

ствій, но думаютъ, что законъ можно всегда обойти и тѣмъ избавить себя отъ страха наказанія. Главнымъ героемъ взяточникомъ является городничій Сквозникъ-Дмухановскій. Онъ человѣкъ практическаго ума, умѣющій хоронить концы въ воду. Это совершенно грубая, неотесанная натура, неспособная удерживать свои грубые инстинкты и деспотически обращаясь съ людьми, ему подчиненными, онъ мгновенно обращается въ существо снисходительное и приниженное, когда входитъ въ сношеніе съ человѣкомъ выше себя чиномъ. Онъ ухаживаетъ за Хлестаковымъ, лицемѣритъ, прибѣгаетъ ко всевозможнымъ средствамъ, чтобы пріобрѣсть расположеніе ревизора, даетъ ему деньги съ цѣлью подкупить его въ свою пользу. Что городничій принялъ Хлестакова за ревизора, въ этомъ ничего нѣтъ мудренаго. Манера Хлестакова, его модный костюмъ и свободное обращеніе могли сильно подѣйствовать на городничаго, проведшаго всю жизнь въ уѣздной глуши. Полученіе письма отъ пріятеля и разсказы Бобчинскаго о томъ, что Хлестаковъ живетъ въ гостинницѣ, ничего не платитъ и обнаруживаетъ во всемъ наблюдательность, вполнѣ подтверждали догадку городничаго, который, находясь въ страхѣ за свое будущее положеніе, готовъ былъ признать за ревизора всякаго маломальски отличавшагося отъ уѣздной молодежи. Вранье Хлестакова въ 3-мъ дѣйствіи комедіи городничій и всѣ чиновники принимаютъ за чистую монету тѣмъ болѣе, что Хлестаковъ лжетъ съ увлеченіемъ, лжетъ такъ сказать по профессіи, а не по какому нибудь задуманному плану. Всѣ маневрированія городничаго относительно подкупа ревизора остались напрасными. Хлестаковъ вовсе не ревизоръ, а просто шалопай, живущій на счетъ другихъ и проводящій жизнь среди картъ и тому подобныхъ развлеченій. Городничій обманутъ, какъ оказалось изъ письма Хлестакова; до того исполненный комизма, городничій, ошеломленный неожиданнымъ извѣстіемъ, моментально обращается въ лицо трагическое. А тутъ еще является жандармъ и объявляетъ о пріѣздѣ настоящаго ревизора, комедія становится драмой и въ заключительной нѣмой сценѣ производитъ на зрителя потрясающее вѣчатлѣніе. Комедія Гоголя принадлежитъ къ замѣчательнымъ явленіямъ русской литературы во 1) по изображенію характеровъ, во 2) по внутренней связи частей и въ 3) по идеѣ. Всѣ лица исполнены комизма и представляютъ собою отрицательную сторону жизни, т. е. невѣжество, взяточничество, самодурство и т. п.

черты, образовавшіяся въ обществѣ подъ вліяніемъ различныхъ условій Каждое лицо комедіи есть типъ, чуждый каррикатуры, до чего не достигала наша старая комедія, заисключеніемъ безсмертнаго созданія Грибоѣдова. Все произведеніе Гоголя основано на ожиданіи и пріѣздѣ ревизора; каждое явленіе комедіи вытекаетъ изъ общаго основанія, а не совершается по волѣ автора, что такъ сильно господствовало въ предшествовавшей драматической литературѣ. Такая естественная и гармоническая связь частей съ цѣлымъ и даетъ намъ право назвать произведеніе Гоголя художественнымъ созданіемъ. Содержаніе комедіи указываетъ на обличительную цѣль ея: авторъ караетъ безпощадною сатирою тѣхъ людей, которые, для удовлетворенія своего эгоизма, нарушаютъ законъ, идутъ противъ правилъ общественной нравственности. Люди безнравственные думаютъ, что все дѣло во внѣшности, но правосудіе наказываетъ ихъ за несправедливые поступки, караетъ ихъ за то, что они, пользуясь властью, губятъ людей слабыхъ, не могущихъ дать отпоръ. Идея «Ревизора» прекрасно выражается въ послѣднемъ монологѣ городничаго, гдѣ онъ ругаетъ писателей, называя ихъ бумагомарателями. Безпощадный смѣхъ и сатира заставляетъ людей безнравственныхъ оглянуться на самихъ себя, подумать о томъ, что законъ караетъ тѣхъ, которые не хотятъ сознать его нравственной силы. Что касается до изображенія характеровъ, то Гоголь не ограничился однимъ главнымъ лицомъ, но въ различныхъ второстепенныхъ лицахъ онъ представилъ весьма разнообразные типы провинціальной жизни. Судья Ам. Ѳедор. Ляпкинъ-Тяпкинъ хотя и говоритъ, что онъ беретъ взятки борзыми щенками, но все-таки человѣкъ безчестный. Онъ прочиталъ нѣсколько книгъ и сдѣлался нѣсколько вольнодуменъ: уѣздное общество считаетъ его за либерала не послѣдней руки. Почтмейстеръ человѣкъ простодушный, онъ преспокойно распечатываетъ письма изъ наивнаго любопытства найти въ нихъ что нибудь интересное и поучительное. Бобчинскій и Добчинскій уѣздные сплетники, они чувствуютъ, что общество относится къ нимъ съ презрѣніемъ и, чтобъ найти сочувствіе къ себѣ, они собираютъ всевозможныя новости и сплетни и распространяютъ ихъ по городу. Типъ провинціальныхъ женщинъ весьма удачно воспроизведенъ въ лицѣ Анны Андреевны, жены городничаго. Гоголь, какъ и во всемъ другомъ, является истиннымъ художникомъ, который не расплывается въ подробностяхъ, но довольствуется часто

одною характеристическою чертою, чтобы изъ обыкновеннаго лица сдѣлать лицо типическое. Анна Андреевна мало появляется на сцену, но каждая фраза, ею сказанная, обличаетъ въ ней устарѣлую кокетку, женщину, для которой вся суть жизни въ нарядахъ. Она сама ухаживаетъ за Хлестаковымъ и сердится на дочь, когда та осмѣлилась сказать, что ревизоръ больше смотрѣлъ на нее, чѣмъ на мать.

Въ 1836 году въ апрѣлѣ комедія Гоголя была сыграна на петербургской сценѣ, и бщество вооружилось противъ автора, замѣтивъ, что онъ осмѣиваетъ не только уѣздную жизнь, но и тѣ свойства, которыя проявлялись на всѣхъ концахъ нашего отечества. «Всѣ противъ меня, пишетъ Гоголь къ актеру М. С. Щепкину, чиновники пожилые и почтенные кричатъ, что для меня нѣтъ ничего святаго, когда я дерзнулъ такъ говорить о служащихъ людяхъ; полицейскіе противъ меня, купцы противъ меня, литераторы противъ меня. Вранятъ и ходятъ на піесу, на четвертое представленіе нельзя достать билетовъ. Если бы не высокое заступничество Государя, піэса моя не была бы ни за что на сценѣ, и уже находились люди, хлопотавшіе о запрещеніи ея. Теперь я вижу, что значитъ быть комическимъ писателемъ. Малѣйшій призракъ истины—и противъ тебя возстаютъ, и не одинъ человѣкъ, а цѣлыя сословія. Воображаю, что же было бы, еслибъ я взялъ что нибудь изъ петербургской жизни, которая мнѣ больше и лучше теперь знакома, нежели провинціальная. Досадно видѣть противъ себя людей, тому, который ихъ любитъ между тѣмъ братскою любовью». Подъ вліяніемъ впечатлѣній, высказанныхъ въ этомъ письмѣ, Гоголь написалъ небольшую піесу, подъ названіемъ: «Театральный разъѣздъ послѣ представленія новой комедіи», гдѣ изобразилъ всѣ тѣ мнѣнія, которыя высказаны были противъ его піесы. Гоголя главнымъ образомъ упрекали въ томъ, что его піеса крайне односторонна, что въ ней изображается только одна пошлая сторона жизни, что нѣтъ въ ней ни одной свѣтлой идеальной личности, безъ которой немыслима никакая жизнь. Въ концѣ піесы выведенъ авторъ; въ его монологѣ Гоголь проводитъ ту мысль, что смѣхъ, проникнутый любовью къ людямъ, и есть тотъ идеалъ, котораго ищутъ въ его комедіи. Положительная сторона произведенія выясняется сама собою при помощи отрицательнаго изображенія дѣйствительности. Всякій человѣкъ, искренно смѣющійся надъ поступками городничаго, очевидно, хорошо сознаетъ, во имя чего онъ готовъ поднять на смѣхъ

этого пошлаго взяточника «Странно, говоритъ Гоголь: мнѣ жаль, что никто не замѣтилъ честнаго лица, бывшаго въ моей піесѣ. Да, было одно честное, благородное лицо, дѣйствовавшее въ ней во все время продолженія ея. Это честное благородное лицо—былъ—смѣхъ. Онъ былъ благороденъ потому, что рѣшился выступить несмотря, на низкое значеніе, которое дается ему въ свѣтѣ. Онъ былъ благороденъ потому, что рѣшился выступить, несмотря на то, что доставилъ обидное прозванье комику, прозванье холоднаго эгоиста, и заставилъ даже усумниться въ присутствіи нѣжныхъ движеній души его. Никто не вступился за этотъ смѣхъ. Я комикъ и служилъ ему честно, и потому долженъ встать его заступникомъ. Нѣтъ, смѣхъ значительнѣй и глубже, чѣмъ думаютъ. Не тотъ смѣхъ, который порождается временной раздражительностью, желчнымъ, болѣзненнымъ расположеніемъ характера; не тотъ также легкій смѣхъ, который весь излетаетъ изъ свѣтлой природы человѣка, излетаетъ изъ нея потому, что на днѣ ея заключенъ вѣчно-бьющійся родникъ его: но который углубляетъ предметъ, заставляетъ выступить ярко то, что проскользнулобы, безъ проницающей силы котораго мелочь и пустота жизни не испугала бы такъ человѣка. Презрѣнное и ничтожное, мимо котораго онъ равнодушно проходитъ всякій день, не возрасло бы передъ нимъ въ такой страшной, почти каррикатурной силѣ, и онъ не вскрикнулъ бы, содрагаясь: «неужели есть такіе люди», тогда какъ, по собственному сознанью его, бываютъ хуже люди. Нѣтъ, несправедливы тѣ, которые говорятъ, будто смѣхъ возмущаетъ! Возмущаетъ только то, что мрачно, а смѣхъ свѣтелъ. Многое бы возмутило человѣка, бывъ представлено въ наготѣ своей, но, озаренное силою смѣха, несетъ оно уже примиреніе въ душу. И тотъ, кто понесъ бы мщеніе противу злобнаго человѣка, уже почти мирится съ нимъ, видя осмѣянными низкія движенія души его. Несправедливо говорятъ, что смѣхъ не дѣйствуетъ на тѣхъ, противу которыхъ устремленъ, и что плутъ первый посмѣется надъ плутомъ, выведеннымъ на сценѣ: плутъ-потомокъ посмѣется, но плутъ-современникъ не въ силахъ посмѣяться! онъ слышитъ, что уже у всѣхъ остался неотразимый образъ, что одного низкаго движенія съ его стороны достаточно, чтобы этотъ образъ пошелъ ему въ вѣчное прозвище; а насмѣшки боится даже тотъ, кто уже ничего не боится на свѣтѣ. Нѣтъ, засмѣяться добрымъ, свѣтлымъ смѣхомъ, можетъ только одна глубоко-добрая душа».

Разстроенный и физически и нравственно, Гоголь лѣтомъ 1836 года оставилъ Россію и уѣхалъ за границу. Большую часть жизни провелъ онъ въ Римѣ, изрѣдка пріѣзжая въ Москву, гдѣ жили его друзья Погодинъ, Шевыревъ, Аксаковъ, Щепкинъ и друг. Живя за-границей онъ, какъ самъ сознается, лучше могъ изучать Россію, которая только вдали вставала предъ нимъ въ живыхъ образахъ. За-границей же онъ началъ въ 1837 году писать послѣднее и самое лучшее изъ произведеній,—именно поэму «Мертвыя Души», подробно изображающую темныя стороны русской жизни, которыя хорошо изучены были авторомъ. Гоголь предполагалъ издать поэму въ нѣсколькихъ частяхъ, но по обстоятельствамъ, о которыхъ мы скажемъ ниже, отъ поэмы сохранилась только первая часть вполнѣ и вторая въ неоконченномъ видѣ. Героемъ поэмы является Павелъ Ивановичъ Чичиковъ. Въ концѣ послѣдней главы авторъ объясняетъ намъ происхожденіе своего героя, описываетъ его дѣтскіе годы, первоначальную службу. Изъ этого описанія мы узнаемъ, что Чичиковъ съ дѣтскихъ лѣтъ былъ склоненъ къ наживанію денегъ, дѣйствуя такъ, какъ совѣтовалъ ему отецъ. Сидя на школьной скамейкѣ, Чичиковъ уже изобрѣталъ различные способы, чтобы поживиться у товарищей и потомъ, когда ему пришлось поступить на службу, страсть къ пріобрѣтенію не уменьшилась, а напротивъ увеличивалась болѣе и болѣе. Въ лицѣ Чичикова Гоголь изображаетъ типъ пріобрѣтателя, ловкаго мошенника, умѣющаго скрыть свои плутни тонкимъ обращеніемъ съ людьми, деликатностью и занимательностью разговора съ ними. Узнавъ, что по ревизскимъ сказкамъ числятся и тѣ крестьяне, которые уже умерли, Чичиковъ рѣшается скупать этихъ умершихъ съ тѣмъ, чтобы потомъ заложить ихъ въ Опекунскій совѣтъ и сдѣлаться богатымъ человѣкомъ. Поѣздка Чичикова по усадьбамъ помѣщиковъ расположенныхъ не вдалекѣ отъ губернскаго города N, даетъ возможность Гоголю изобразить русскаго человѣка въ различныхъ проявленіяхъ его характера. Предъ нами являются Маниловъ, Собакевичъ, Коробочка, Ноздревъ, Плюшкинъ и многіе другіе типы провинціальнаго общества. Въ каждомъ изъ указанныхъ типовъ Гоголь изобразилъ какую нибудь черту, которую и теперь можно встрѣтить въ предѣлахъ нашего отечества. Маниловъ — это сантиментально-нѣжный помѣщикъ, онъ живетъ только чувствомъ и на соображеніе не быстръ. Для него всѣ люди хороши и на жизнь смотритъ онъ съ довольст-

вомъ, представляя все въ розовомъ свѣтѣ. Обезпеченный вполнѣ, Маниловъ проводитъ время въ томъ, что строитъ воздушные замки; несбыточныя пустыя мечты вотъ его сфера. Несмотря на продолжительную жизнь семейную, Маниловъ обращается съ женою, какъ какой нибудь аркадскій пастушокъ. Говоря о женѣ Манилова, Гоголь касается тогдашняго образованія, которое получала большая часть русскихъ женщинъ. Въ пансіонѣ, гдѣ училась Манилова, три главные предмета считались основою всѣхъ добродѣтелей: французскій языкъ, фортепьяно и хозяйственная часть, т. е. вязанье кошельковъ и сюрпризовъ. Самъ Маниловъ человѣкъ безъ всякаго образованія и это было одною изъ главныхъ причинъ его бездѣятельности и сантиментальничанія съ супругою. Чувствительность приняла у Манилова большіе размѣры: когда Чичиковъ разсказалъ ему о преслѣдованіяхъ, какія онъ испыталъ въ жизни за то что соблюдалъ правду, то Маниловъ растрогался и заплакалъ, не подумавъ о томъ, что нашъ герой притворно выставляетъ на видъ свои добродѣтели. Совершенно противоположныя черты мы видимъ въ помѣщикѣ Собакевичѣ. Это грубая неотесанная натура, въ которой развита одна черта — кулачество. Несмотря на такой странный товаръ, каковы мертвыя души, кулакъ Собакевичъ не приходитъ въ смущеніе, онъ даже и тутъ плутуетъ, помѣщая въ списокъ мужиковъ бабу Елизавету и увѣренъ въ томъ, что Чичиковъ этого не замѣтитъ. Собакевичъ не стѣсняется при сужденіи о людяхъ, онъ преспокойно называетъ подлецами всѣ губернскія власти и въ этомъ случаѣ поступаетъ противоположно Манилову, который всегда деликатенъ, когда говоритъ о комъ нибудь. Въ Коробочкѣ мы видимъ опять новую черту. Она необразованная женщина, проведшая всю жизнь въ своей усадьбѣ. Чичикову долго пришлось объяснять Коробочкѣ въ чемъ состоитъ покупка мертвыхъ душъ; она воображала, что покупщикъ будетъ выкапывать изъ земли покойниковъ, и чтобъ не потерять прибыли, говоритъ ему, что она справится по какой цѣнѣ ходятъ мертвыя души. Чичиковъ понялъ, что старухи любятъ деньгу, и вотъ онъ обѣщаетъ ей брать въ казну пеньку и сало изъ ея усадьбы. Скопидомство главная черта характера Коробочки. Скопидомство и кулачество нерѣдко обращаются въ страсть, которая овладѣваетъ человѣкомъ до такой степени, что онъ дѣлается чуждымъ всему и сосредоточивается исключительно на своей страсти, становится скуп-

цомъ и доходитъ до полнаго ничтожества. Это и выражено Гоголемъ въ лицѣ Плюшкина, который, не смотря на свое состояніе, является намъ въ образѣ оборванца-нищаго, невольно возбуждающаго сожалѣніе. Страсть довела Плюшкина до полнаго безобразія, лишила его всѣхъ человѣческихъ чувствъ, сосредоточивъ ихъ въ одномъ стремленіи копить всякую дрянь. Ноздревъ—опять противоположный типъ. Онъ проводитъ время въ кутежахъ, въ карточной игрѣ и тратитъ все до послѣдней копѣйки. Буйство и русская удаль—вотъ главныя свойства Ноздрева, котораго Гоголь называетъ человѣкомъ историческимъ въ томъ смыслѣ, что гдѣ присутствуетъ Ноздревъ, тамъ дѣло не обойдется безъ какой нибудь исторіи. Кромѣ указанныхъ типовъ, въ поэмѣ мы встрѣчаемъ еще изображеніе провинціальнаго города, гдѣ на сцену выступаетъ уже чиновный служилый классъ, провинціальныя женщины, занимающіяся пересудами и сплетнями. Въ поэмѣ «Мертвыя души» Гоголь изобразилъ намъ русское общество въ извѣстный моментъ его развитія. Всѣ типы, имъ представленные, указываютъ на то, что условія жизни сильно вліяютъ на господство тѣхъ или другихъ уродливыхъ явленій. Гоголь, правда, не объясняетъ прямо причинъ этихъ явленій, но о нихъ легко судить по самому изображенію. Пустота представленной жизни объясняется крайнимъ невѣжествомъ—съ одной стороны и господствомъ крѣпостнаго права—съ другой. При всѣхъ заботахъ просвѣщеннаго русскаго правительства объ образованіи, это послѣднее, къ сожалѣнію, въ тѣ времена далеко не проникало въ отдаленныя отъ столицъ мѣстности, а отсутствіе его и было причиною того, что русскіе люди ограничивались только тѣми ничтожными интересами, которые описаны въ поэмѣ Гоголя. Авторъ не отрицаетъ въ русскомъ человѣкѣ благодѣтельныхъ силъ, онъ только указываетъ на то, что эти силы безплодно гибнутъ подъ вліяніемъ различныхъ условій жизни. Ноздревъ натура энергическая, но, обезпеченный крѣпостнымъ правомъ, при которомъ не могла развиться никакая самодѣятельность, притомъ человѣкъ безъ всякаго образованія, онъ тратитъ свою энергію на кутежи и на безпрерывное пьянство. То-же самое видимъ и въ главномъ героѣ поэмы. Чичиковъ—человѣкъ умный и ловкій по природѣ, но положеніе въ родительской семьѣ, совѣты отца уже съ малолѣтства направили его силы на совершенно ложный путь, на которомъ онъ и вращался всю свою жизнь. Таковъ смыслъ произведе-

*

нія Гоголя. Но достоинство поэмы не ограничивается только временнымъ ея интересомъ. Гоголь съумѣлъ подмѣтить черты, которыя долго еще сохранятся въ русскомъ человѣкѣ, притомъ онъ, какъ поэтъ-художникъ, искусно возсоздалъ въ своихъ типахъ неуловимые изгибы человѣческой души. Гоголь не только нравоописатель, но и тонкій психологъ; въ противномъ случаѣ онъ не могъ бы нравиться намъ теперь, такъ какъ съ того времени литература сдѣлала значительные успѣхи.

«Мертвыя души» принадлежатъ къ отдѣлу эпическихъ произведеній, но авторъ не разъ дѣлаетъ отступленія отъ разсказа и высказываетъ свои собственныя впечатлѣнія. Въ особенности важно то отступленіе, которымъ начинается седьмая глава первой части поэмы. Гоголь высказываетъ свои мысли о призваніи комическаго писателя и о различіи его положенія отъ положенія писателя, изображающаго въ своихъ произведеніяхъ свѣтлую сторону жизни. Комическій писатель рисуетъ мрачную картину мелочей, опутавшихъ жизнь и общество, являясь судьею его произведеній, ненавидитъ его, отводитъ ему мѣсто въ ряду писателей, оскорбляющихъ человѣчество. Современный судъ, по словамъ Гоголя, не понимаетъ, что высокій восторженный смѣхъ стоитъ на-ряду съ высокимъ лирическимъ движеньемъ, и, оцѣнивая произведенія комическаго писателя, сравниваетъ ихъ съ кривляньями балаганнаго скомороха. Несмотря на то что комическому писателю приходится озирать міръ сквозь смѣхъ и незримыя и невѣдомыя для другаго слезы, общество все таки бросаетъ въ него грязью. Такимъ образомъ, уже при созданіи первой части поэмы Гоголь задумывается о тѣхъ вопросахъ, которые впослѣдствіи, въ періодъ его нравственной борьбы съ самимъ собою, неотвязно носились въ его душѣ.

По окончаніи первой части «Мертвыхъ душъ», которыя вышли въ 1842 году, Гоголь сталъ болѣе и болѣе задумываться о своемъ призваніи и о призваніи всякаго писателя, изображающаго недостатки и злоупотребленія жизни. Задумчивость скоро стала обращаться въ меланхолію, соединенную притомъ съ крайнимъ разстройствомъ нервовъ, которыми страдалъ Гоголь въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ своей жизни. Ему стало представляться, что писатель, прежде чѣмъ изображать недостатки людей, долженъ заглянуть въ свою душу, увѣриться точно ли онъ достоинъ быть цѣнителемъ окружающей

его жизни, нѣтъ ли въ немъ самомъ недостатковъ, которые онъ видитъ въ другихъ. Гоголь бросается на изученіе психологіи, читаетъ отцовъ церкви, признаетъ необходимость аскетизма и, усвоивъ себѣ мистическія возрѣнія на жизнь и природу, обнаруживаетъ религіозность, обратившуюся скоро въ святошество. Продолжая заниматься окончаніемъ своей поэмы, Гоголь нѣсколько разъ принимается за трудъ, но, недоводя его до конца, сжигаетъ его. У него является мысль создать типы людей, годныхъ для подражанія; онъ создаетъ Муразова, Костанжогло, но подобные типы, отличаясь положительными сторонами, неудаются поэту, призванному отъ природы къ сатирѣ. Современное общество и критика ждали съ нетерпѣніемъ продолженія Мертвыхъ душъ, но вмѣсто него Гоголь издалъ книгу, въ которой узнали о перемѣнѣ, происшедшей съ любимымъ поэтомъ. Эта книга вышла въ 1847 году подъ названіемъ «Выбраныя мѣста изъ переписки съ друзьями», въ концѣ которой приложена и Авторская Исповѣдь. Вотъ заглавія отдѣльныхъ писемъ: Женщина въ свѣтѣ, Значеніе болѣзней, О помощи бѣднымъ, Нѣсколько словъ о нашей церкви и духовенствѣ, Христіанинъ идетъ впередъ, Русскій помѣщикъ и др. Гоголь сталъ смотрѣть на себя какъ на избраннаго человѣка, посланнаго самимъ Провидѣніемъ; онъ проповѣдуетъ аскетизмъ, чтобъ усовершенствовать лживую природу человѣка. Книга Гоголя была принята враждебно тогдашней литературой, особенно рѣзко возсталъ противъ нея Бѣлинскій въ письмѣ къ Гоголю, недавно напечатанномъ въ журналѣ «Вѣстникъ Европы». При всемъ видимомъ разстройствѣ умственныхъ силъ, Гоголь невольно возбуждаетъ сочувствіе къ себѣ какъ человѣкъ, для котораго благотворительность сдѣлалась главною цѣлью послѣднихъ лѣтъ жизни. Что касается до его сужденій, которыя онъ высказываетъ въ своей перепискѣ, то, несмотря на весь мистицизмъ, характеризующій эти сужденія, они всетаки обнаруживаютъ въ авторѣ пониманіе жизни и вѣрные взгляды его на многіе литературные вопросы.

Въ 1848 году Гоголь совершилъ путешествіе въ Іерусалимъ и, вернувшись обратно въ Москву, проводилъ тамъ время въ постѣ, изнуряя и безъ того разстроенный организмъ. Въ 1852 году онъ окончательно слегъ и умеръ отъ нервной горячки на 43 году жизни. Обозрѣвая главнѣйшія произведенія Гоголя, не трудно замѣтить въ чемъ ихъ различіе отъ предшествовавшей литературы, что было внесено

новаго этимъ писателемъ, юмористомъ. Во всѣ періоды наша литература, за весьма немногими исключеніями, отличалась подражательнымъ характеромъ и хотя стремилась къ самобытности, но окончательно достигла этого въ произведеніяхъ Гоголя. Гоголь первый своими художественными созданіями, безъ всякаго вліянія какой нибудь теоріи, показалъ, что искусство и поэзія есть воспроизведеніе дѣйствительности во всей ея истинѣ. Русская беллетристика въ первый разъ получила то направленіе, о которомъ она не имѣла понятія раньше Гоголя. Даже такіе талантливые личности, какъ Карамзинъ, всегда находились подъ вліяніемъ иностранныхъ образцовъ, между тѣмъ Гоголь создавалъ свои произведенія силою своего художническаго инстинкта, не подчинялся никакому вліянію, а самъ напротивъ сталъ во главѣ цѣлой школы писателей.

Литературная дѣятельность Гоголя оказала вліяніе на дальнѣйшую судьбу нашей литературы и выдвинула цѣлый рядъ писателей, изъ которыхъ многіе дѣйствуютъ и въ настоящее время. Но прежде чѣмъ обозрѣвать произведенія этихъ писателей, мы сдѣлаемъ краткій очеркъ дѣятельности и такихъ, произведенія которыхъ хотя и не относятся, по направленію, къ новой литературной школѣ, но появляются въ разсматриваемый періодъ. Къ нимъ принадлежатъ Кукольникъ, Губеръ и Майковъ.

Несторъ Васильевичъ Кукольникъ (1809—1868) воспитывался въ Нѣжинскомъ лицеѣ и былъ товарищемъ Гоголя, вмѣстѣ съ которымъ онъ принималъ участіе въ изданіи школьнаго журнала и въ домашнихъ спектакляхъ. Кукольникъ шелъ первымъ ученикомъ и всегда отличался многосторонностью своихъ познаній, которая впослѣдствіи пригодилась ему въ литературной дѣятельности. По выходѣ изъ лицея, Кукольникъ сначала былъ учителемъ русской словесности, а потомъ перешелъ на службу въ министерство финансовъ. Первымъ его произведеніемъ, написаннымъ еще во время пребыванія въ лицеѣ, была драматическая фантазія въ стихахъ «Торквато Тассо», напечатанная въ 1833 году отдѣльной книжкой. Литературная критика съ большими похвалами отнеслась къ дѣйствительно лучшему произведенію Кукольника, и съ той поры, ободренный такими успѣхами, молодой писатель посвятилъ себя литературѣ, не бросая однакожъ государственной службы. Имя Кукольника стало извѣстно всей Россіи съ 1834 года, когда на сценѣ была поставле-

на его всѣмъ извѣстная піэса «Рука Всевышняго отечество спасла»; за этой піэсой послѣдовали и другія историческія драмы, изъ которыхъ лучшею была «Кн. Михаилъ Васильевичъ Скопинъ Шуйскій»; эта піэса до сихъ поръ ставится на столичныхъ, а преимущественно на провинціальныхъ сценахъ. Самый плодотворный періодъ дѣятельности Кукольника былъ съ 1840—1845 года въ это время онъ написалъ пять романовъ въ 17 томахъ, пять драмъ и двадцать шесть повѣстей и разсказовъ. Изъ романовъ Кукольника большею популярностью пользовались два: «Эвелина де Вальероль и Альфъ и Альдона». Первое произведеніе по сюжету относится ко временамъ кардинала Ришелье, характеристика котораго заимствована русскимъ авторомъ изъ романа французскаго писателя Альфреда де Виньи «Сенъ-Маръ» Въ другомъ своемъ романѣ Кукольникъ имѣлъ намѣреніе изобразить картину нравственнаго и политическаго состоянія Литвы въ половинѣ XIV столѣтія. Произведеніе наполнено множествомъ литовскихъ названій мѣстъ, урочищъ, пригомъ изображенія часто не соотвѣтствуютъ духу времени; такъ Ольгердъ представленъ цивилизованнымъ человѣкомъ нашего времени, сантиментальнымъ героемъ, немыслимымъ въ тотъ суровый вѣкъ, изъ котораго взятъ сюжетъ романа. Вообще романы Кукольника отличаются только временнымъ интересомъ, но не художественнымъ; на первомъ планѣ стоятъ запутанность и разнообразіе сюжета, а не художественное изображеніе характеровъ и вѣрность дѣйствительности. Въ 1836 году Кукольникъ началъ издавать журналъ подъ названіемъ «Художественная газета», которая наполнялась исключительно сочиненіями самого редактора. За этими изданіями слѣдовали и другія, каковы: Иллюстрація и сборники: Новогодникъ и Сказка за Сказкой. Въ сборникѣ «Новогодникъ» Кукольника было напечатано одно изъ первыхъ произведеній Губера. Сынъ пастора одной изъ саратовскихъ колоній, Э. И. Губеръ (1814—1847), воспитываясь въ нѣмецкой семьѣ, до 11 лѣтняго возраста совершенно не зналъ русскаго языка. Поступивъ въ саратовскую гимназію, онъ скоро овладѣлъ русскимъ языкомъ и тогда же сталъ писать русскія стихотворенія. Обладая многосторонними научными свѣдѣніями, Губеръ однако какъ самобытный поэтъ, не имѣлъ въ нашей литературѣ никакого значенія. Главнымъ трудомъ его, за который имя Губера должно войти въ исторію нашей поэзіи, былъ переводъ «Фауста» драматиче-

ской поэмы знаменитаго писателя Гете; Губеръ, несмотря на свои усердныя занятія русскимъ языкомъ, не могъ однако овладѣть всею его гибкостью. Вслѣдствіе этого произошли и недостатки его перевода въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нужно было выразить иронію, шутливость или юморъ. Губеръ основательно изучилъ твореніе Гете, и если Маргарита (героиня Фауста) потеряла свою наивность и обратилась въ какую-то горничную или мѣщанку въ переводѣ Губера, то это произошло вслѣдствіе отсутствія тонкаго знанія русскаго языка.

Изъ поэтовъ, дѣйствующихъ и въ настоящее время и начавшихъ свою дѣятельность еще при жизни Гоголя, особенною извѣстностью пользуется А. Н. Майковъ (род. въ 1821 году). Чтеніе классическихъ писателей, изученіе живописи и т. п. занятія, съ дѣтства развили въ немъ любовь къ поэзіи и вообще къ искусству. Майковъ извѣстенъ въ нашей литературѣ такъ называемыми антологическими стихотвореніями, мотивы которыхъ взяты изъ древней классической жизни. Въ концѣ 1842 года стихотворенія Майкова, прежде печатавшіяся въ журналахъ, вышли отдѣльной книжкой. Бѣлинскій встрѣтилъ съ восторгомъ это новое явленіе въ нашей поэзіи, посвятилъ ему подробный разборъ, въ которомъ между прочимъ говоритъ слѣдующее: «Многія стихотворенія Майкова обличаютъ дарованіе неподдѣльное, замѣчательное и обѣщающее въ будущемъ. Говоря такъ, мы думаемъ много сказали въ пользу молодаго поэта: можно быть человѣку съ дарованіемъ и не обѣщать развитія; только сильныя дарованія въ первыхъ произведеніяхъ своихъ даютъ залогъ будущаго развитія. Майковъ вполнѣ владѣетъ орудіемъ искусства-стихомъ, который у него напоминаетъ стихъ первыхъ мастеровъ русской поэзіи; и это великій и подающій самыя лестныя надежды признакъ!» Такой отзывъ вполнѣ оправдался въ послѣдующей дѣятельности Майкова. Изъ числа капитальныхъ его произведеній, мы упомянемъ поэмы: «Три Смерти», «Саванароль», «Дурочка Дуня», «Рыбная ловля» и другія,

Въ Гоголевскій періодъ русская литература обогатилась произведеніями, изображавшими русскую народную жизнь. Въ числѣ поэтовъ первое мѣсто принадлежитъ Кольцову, какъ человѣку съ самобытнымъ поэтическимъ талантомъ. Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ (съ 1809—1842 г.) родился въ Воронежѣ. Отецъ его былъ мѣщанинъ, занимавшійся доставкою матерьяла на салотопенные заводы, и принадлежалъ конечно къ числу людей необразованныхъ. Уже съ самаго

ранняго дѣтства, Кольцовъ долженъ былъ помогать отцу, цѣлые дни и часто ночи проводилъ въ степи, охраняя стада барановъ, принадлежавшія отцу. Отецъ не обращалъ никакого вниманія на развитіе своего сына, и такимъ образомъ воспитаніе Кольцова предоставлено было одной природѣ. На 10-мъ году, Кольцовъ началъ учиться грамотѣ, подъ руководствомъ одного семинариста, и такъ какъ грамота далась ему, то его отдали въ воронежское уѣздное училище, въ которомъ онъ пробылъ только всего четыре мѣсяца: этимъ и покончилось все образованіе Кольцова. Но страсть къ ученію не могла уничтожиться, несмотря на всѣ препятствія. Получая отъ отца деньги на игрушки, Кольцовъ покупалъ себѣ сказки, которыя составляли для него одно изъ любимыхъ чтеній. Еще во время пребыванія въ училищѣ, Кольцовъ сблизился съ однимъ изъ своихъ товарищей, сыномъ богатаго купца, и бралъ у него для чтенія романы французскихъ писателей, которые по своей фантастичности, напоминали собою Бову Королевича и Еруслана Лазаревича. Постоянное чтеніе возбудило въ Кольцовѣ охоту написать самому что нибудь, и вотъ, взявши стихи Дмитріева, онъ скропалъ стихотвореніе «Три видѣнія», старался подражать размѣру Дмитріева; въ скоромъ времени онъ обратился къ единственному тогда въ Воронежѣ книгопрадавцу, и, показавъ ему свое стихотвореніе, просилъ у него совѣта. Книгопродавецъ подарилъ Кольцову «Русскую Просодію», сказавъ, что по этой книжкѣ онъ можетъ выучиться писать хорошіе стихи. Кольцовъ тотчасъ же принялся за изученіе этой книги, но главнымъ толчкомъ къ его поэтической дѣятельности была страстная любовь къ дѣвушкѣ, служившей въ ихъ домѣ. Родители опасались этой любви и, во избѣжаніе опасности, отправили дѣвушку въ казачью станицу, гдѣ она и умерла. Кольцовъ пораженъ былъ этимъ обстоятельствомъ и, подъ вліяніемъ чувства разлуки, написалъ нѣсколько стихотвореній, посвященныхъ своей первой любви. Таковы его піэсы: «Если встрѣчусь съ тобой», «Первая любовь», «Не шуми ты рожь», и другія. Съ той поры Кольцовъ, несмотря на всѣ препятствія, которыя онъ встрѣчалъ въ своей семьѣ, усердно сталъ заниматься литературой, сблизился съ Серебрянскимъ, ученикомъ воронежской семинаріи, который указывалъ Кольцову на недостатки его стихотвореній, и читалъ вмѣстѣ съ нимъ сочиненія Шекспира. Такимъ образомъ несмотря на отсутствіе элементарнаго, образованія, которое значительно затрудняло развитіе, Кольцовъ

старался достигнуть до всего исключительно путемъ самообразованія. Въ Воронежъ часто пріѣзжалъ сынъ тамошняго помѣщика Станкевичъ, учившійся въ московскомъ университетѣ. Онъ сблизился съ Кольцовымъ и, замѣтивъ несомнѣнное поэтическое дарованіе въ его стихахъ, предложилъ ему издать на свой счетъ его стихотворенія. Въ 1835 году вышла небольшая книжка стихотвореній Кольцова и тотчасъ же обратила на себя вниманіе тогдашняго общества и литературной критики. Безъ сомнѣнія, произведенія Кольцова возбудили это вниманіе не своимъ внутреннимъ достоинствомъ, а скорѣе тѣмъ, что авторомъ ихъ былъ поэтъ-самоучка, не получившій никакого образованія. Между тѣмъ Кольцовъ, по торговымъ дѣламъ отца, пріѣзжалъ иногда въ Москву и въ Петербургъ, и тамъ мало-по-малу сблизился съ Жуковскимъ, Пушкинымъ и другими тогдашними писателями. Жизнь среди образованнаго общества невольно возбудила къ себѣ сочувствіе Кольцова, какъ человѣка съ возвышенными стремленіями, и заставила съ отвращеніемъ относиться къ той мѣщанской средѣ, гдѣ господствовали низкое торгашество и стремленіе удовлетворять инстинкты пошлаго эгоизма. Вернувшись на родину, онъ снова вступаетъ въ общество грубыхъ людей и, не будучи въ состояніи примкнуть къ интересамъ окружающаго общества, начинаетъ задумываться о своемъ положеніи, и только изрѣдка посвящая себя занятію поэзіею, забываетъ всю грязную обстановку жизни. Недовольство окружающей жизнью, постоянные упреки со стороны родителей, совершенно непонимавшихъ призваніе ихъ сына, мало-по-малу развивали въ Кольцовѣ болѣзнь, которая и довела его до смерти въ 1842 году.

Стихотворенія Кольцова раздѣляются обыкновенно на три разряда. Къ первому относятся тѣ стихотворенія, которыя написаны правильнымъ размѣромъ и составляютъ подражаніе другимъ поэтамъ; ко второму—оригинальныя пѣсни и къ третьему думы. Славу Кольцова преимущественно составили его народныя пѣсни, въ которыхъ онъ является совершенно самобытнымъ поэтомъ. Тѣсно связанный съ жизнію простаго народа, поэтъ довольно рано ознакомился съ его бытомъ и умѣлъ подмѣтить основныя черты этого быта. Главными мотивами поэзіи Кольцова являются: нужда и бѣдность, жалкая участь молодой дѣвушки, выходящей замужъ по принужденію и т. п. Особенно хороши тѣ пѣсни, въ которыхъ Кольцовъ проводитъ мысль о трудѣ и благосостояніи земледѣльца, каковы напр. «Урожай», «Пѣсня

Пахаря, Что ты спишь мужичекъ», «Крестьянская пирушка» и другія. Благосостояніе крестьянина, по его словамъ, зависитъ какъ отъ труда такъ и отъ благодѣтельныхъ силъ природы. Трудолюбивый крестьянинъ всегда можетъ наслаждаться удовольствіями спокойной жизни, онъ всюду находитъ почетъ; напротивъ, лѣниваго крестьянина всегда ожидаетъ жалкая участь. Пѣсня Кольцова, какъ художественное произведеніе, несравненно выше народной пѣсни по глубинѣ своей идеи Возьмемъ стихотвореніе «Косарь». Героемъ его является здоровый и сильный молодецъ, у котораго спорится всякое дѣло. Онъ любитъ дочь старосты, Груню; но старикъ-отецъ не хочетъ выдать замужъ за косаря, человѣка бѣднаго. Неудача молодца весьма обыкновенный мотивъ безъискусственной народной лирики, но тамъ молодецъ не находитъ другаго исхода, какъ идти во царевъ кабакъ и заливать свое горе виномъ. У Кольцова мы видимъ совершенно иную картину. Косарь, какъ ни горько ему было слышать грубый отказъ со стороны старосты, не унываетъ, идетъ въ степь, работаетъ и накопленными деньгами намѣревается разжалобить старосту и достичь этимъ желаемаго счастія. Такимъ образомъ, въ стихотвореніи поэта трудъ является началомъ, примиряющимъ человѣка съ тѣми несовершенствами жизни, которыя нерѣдко разрушаютъ земное счастіе людей. Пѣсни Кольцова, подобно лирическимъ произведеніямъ народнаго творчества, проникнуты часто элегическимъ тономъ, какъ напр.: «Грусть дѣвушки», «Доля бѣдняка», «Тоска по волѣ», и другія. Мы знаемъ, что еще въ періодъ Карамзина являлись поэты, старавшіеся подражать народнымъ пѣснямъ, но эти подражанія всегда отличались приторною сантиментальностью и притомъ написаны были искусственнымъ языкомъ. Пѣсни Кольцова совершенно въ другомъ родѣ: поэтъ не только зналъ бытъ простаго народа, но и сердцемъ любилъ русскую жизнь и природу, сочувствовалъ горестямъ и радостямъ народа, не на словахъ только, но и на дѣлѣ. Воспѣвая чужую ниву, онъ смотрѣлъ на нее какъ на что-то родное, какъ на плодъ своихъ собственныхъ трудовъ. Кольцовъ никогда не украшаетъ бытовую сторону крестьянской жизни и въ этомъ заключается главное достоинство его пѣсенъ въ сравненіи съ предшествовавшими ему поэтами. Что касается до языка пѣсенъ Кольцова, то въ этомъ отношеніи онъ не имѣлъ подражателей и въ послѣдующей литературѣ. Въ своихъ думахъ Кольцовъ стремился разрѣшить тѣ вопросы, которые

невольно возбуждались въ его умѣ, но рѣшеніе вопросовъ бываетъ всегда неяснымъ и часто проникнуто мистическимъ направленіемъ, которое не согласуется съ простымъ и свѣтлымъ умомъ поэта.

Начиная съ Кантемира, русская литература постепенно стремилась къ тому, чтобы сблизить поэзію съ дѣйствительною жизнію. Это стремленіе замѣтно въ сочиненіяхъ Державина, Карамзина, Пушкина и его послѣдователей; но полное достиженіе цѣли выразилось въ юмористическихъ произведеніяхъ Гоголя. Подъ вліяніемъ дѣятельности послѣдняго, въ литературѣ образовалась такъ называемая натуральная школа писателей. Представители этой школы, вполнѣ признавая важное значеніе идеализаціи въ поэзіи, навсегда отвергнули прежнее опредѣленіе искусства, какъ украшенной природы, и стали изображать жизнь не такъ, какъ представлялась она воображенію, а такою, какою она была въ дѣйствительности. По слѣдамъ Гоголя пошли многіе писатели, изъ которыхъ нѣкоторые и до настоящаго времени подвизаются на литературномъ поприщѣ. Одни изъ писателей изучаютъ и изображаютъ жизнь народную, другіе берутъ предметомъ своихъ сочиненій средній классъ нашего общества и по преимуществу бытъ чиновничій, третьи изображаютъ жизнь свѣтскую. Анализъ явленій жизни, вѣрное воспроизведеніе ея бытовой стороны, гуманныя отношенія къ человѣку какъ къ нравственному существу,—вотъ главныя черты, которыми характеризуется общее направленіе литературы, непосредственно примыкающей къ дѣятельности Гоголя.

Изъ писателей, изображавшихъ народную жизнь, особенною извѣстностью пользовались Даль, писавшій подъ псевдонимомъ Казака Луганскаго, и Григоровичъ. Влад. Ив. Даль (1801 — 1872) родился въ Екатеринославской губерніи, въ Луганѣ, гдѣ отецъ его состоялъ докторомъ при литейномъ заводѣ. Мать его была нѣмка, происходившая по женскому колѣну отъ французскихъ протестантовъ. По окончаніи курса въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, Даль опредѣленъ былъ на службу въ черноморскій флотъ, но скоро оставилъ это поприще и, переселившись въ Дерптъ, окончилъ тамъ курсъ со степенью доктора медицины. Часто перемѣняя мѣсто служенія, Даль ознакомился хорошо съ бытомъ и языкомъ русскаго народа въ различныхъ мѣстахъ Россіи и плодомъ этого ознакомленія была небольшая книжка русскихъ сказокъ, изданная въ 1832 году, бывшая началомъ его литературной дѣятельности. Служебныя занятія не мѣ-

шали Далю дѣлать основательныя наблюденія надъ языкомъ русскимъ, надъ нравами и обычаями русскаго народа. По словамъ біографовъ, Даль такъ хорошо изучилъ нарѣчія и говоры русскаго языка, всѣ оттѣнки произношенія, что, находясь въ толпѣ народа, могъ отличать по звукамъ, кто откуда уроженецъ. Результатомъ такого глубокаго знанія языка были два замѣчательные труда Даля: Толковый словарь живаго великорусскаго языка и Сборникъ пословицъ. На литературномъ поприщѣ Даль извѣстенъ своими повѣстями и физіологическими очерками, которые всегда отличались разнообразіемъ содержанія, вѣрностью изображенія жизни и обличали въ авторѣ человѣка бывалаго, стоявшаго лицомъ къ лицу съ народною жизнью, а не изучившаго ее по книжкамъ. Въ своихъ физіологическихъ очеркахъ, каковы напр.: Деньщикъ, Дворникъ, Колбасники и Бородачи,—Даль обнаружилъ не только простую наблюдательность, но съумѣлъ воспроизвести жизнь въ живыхъ типахъ. По примѣру Даля, Григоровичъ писалъ также разсказы изъ народной жизни, каковы напр.: Деревня, Антонъ Горемыка и два большихъ романа: Рыбаки и Переселенцы; но произведенія Григоровича, проникнутыя также любовью и сочувствіемъ къ народной жизни, отличаются сантиментальностью, а слѣдовательно не всегда вѣрнымъ воспроизведеніемъ характера русскаго народа и его быта. Въ свое время произведенія Григоровича, при всѣхъ ихъ недостаткахъ, имѣли значеніе для нашего общества именно потому, что русская народная жизнь была для многихъ terra incognita. Большинство изъ нашего образованнаго общества воспиталось на иностранной литературѣ и, не зная русскаго народа, его быта и нравовъ, относилось ко всему этому скептически. Такимъ образомъ литература настоящаго періода, обратившись къ изображенію народной жизни, принесла двоякую пользу: во 1) ознакомила общество съ народомъ и во 2) возбудила въ немъ сочувствіе къ нуждамъ и потребностямъ массы, для которой была чужда западная цивилизація. Въ ряду писателей Гоголевскаго періода стоитъ и Тургеневъ, главныя произведенія котораго примыкаютъ уже къ современной эпохѣ нашей литературы.

Ив. Серг. Тургеневъ (род. 1818 году) началъ свою литературную дѣятельность мелкими стихотвореніями и стихотворными поэмами: Параша, Андрей. Съ 1847 года Тургеневъ сталъ печатать рядъ разсказовъ изъ крестьянской жизни, проникнутыхъ глубокимъ со-

чувствіемъ къ крестьянскому быту; эти разсказы сначала печатались въ журналахъ и въ 1852 году изданы въ двухъ книжкахъ, подъ заглавіемъ «Записки охотника». Лучшими изъ этихъ разсказовъ были: «Хорь и Калинычъ, Ермолай и Мельничиха, Пѣвцы, Бѣжинъ Лугъ» и другіе. Въ Запискахъ охотника Тургеневъ описываетъ намъ русскаго крестьянина, отношеніе къ нему помѣщика, сопровождая свои разсказы превосходными описаніями картинъ русской природы. Въ 1857 году «Записки Охотника» переведены были на французскій языкъ подъ названіемъ Recits d'un chasseur. Къ этому же періоду дѣятельности Тургенева относятся и его повѣсти: «Андрей Колосовъ, Три портрета, Жидъ, Бретеръ и Дневникъ лишняго человѣка». Первая повѣсть Тургенева «Андрей Колосовъ», не совсѣмъ сочувственно принята была читателями. Въ ней дѣйствительно, при всемъ художественномъ описаніи, которымъ вообще владѣетъ этотъ писатель, встрѣчаются недостатки, указанные критикою. Авторъ имѣлъ намѣреніе представить намъ въ лицѣ героя повѣсти человѣка смѣлаго, открытаго и честнаго въ своихъ увлеченіяхъ, но самый разсказъ состоитъ изъ описанія простого волокитства, негармонирующаго съ идеею, положенною въ основаніе всей повѣсти. Несравненно болѣе достоинствъ въ повѣсти «Бретеръ», гдѣ Тургеневъ обнаружилъ уже самостоятельность своихъ воззрѣній, какъ мыслитель. Въ сороковыхъ годахъ печоринскій типъ продолжалъ еще играть роль въ нашемъ обществѣ: многіе изъ молодыхъ людей разыгрывали изъ себя людей озлобленныхъ на свѣтъ и на пустоту общественной жизни, но никто изъ нихъ не замѣчалъ за собою слабыхъ сторонъ. Тургеневъ въ названной повѣсти въ лицѣ Лучкова изображаетъ намъ озлобленнаго героя, который въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ постоянно обнаруживаетъ грубость своей натуры. Авдей Лучковъ—Печоринъ на изнанку— онъ озлобляется противъ общества только изъ зависти и изъ сознанія своей ничтожности, ненавидитъ женщинъ не изъ пресыщенія и разочарованія, а потому, что ненаходитъ особы, которая была бы достойна его любви. Лучковъ, подобно Печорину, считаетъ себя выше другихъ, но его самолюбіе, несглаженное воспитаніемъ и обстановкой, высказывается всегда въ грубыхъ формахъ. Съ легкой руки Гоголя русская литература не разъ обращалась къ изображенію людей, обреченныхъ судьбою влачить свое жалкое существованіе. Такихъ людей мы видимъ и въ разсказѣ Тургенева «Дневникъ

лишняго человѣка»; Чулкатуринъ ведущій дневникъ человѣкъ умный, но лишенный энергіи; онъ всю жизнь свою домогался успѣховъ, но по своей непрактичности не могъ достичь цѣли и, называя себя человѣкомъ лишнимъ, сознается, что причина неуспѣха заключалась въ томъ, что онъ искалъ себѣ мѣста не тамъ, гдѣ бы слѣдовало. Чулкатуринъ пришелъ къ мысли, что онъ человѣкъ неспособный, но эта неспособность мнимая: она произошла только отъ недостатка воли, какъ такого орудія, посредствомъ котораго человѣкъ можетъ всегда найти свое призваніе. Въ изображеніи характера героя замѣтна неполнота, разсказъ сосредоточивается преимущественно на исторіи любви Чулкатурина въ Лизѣ Ожогиной и мы не видимъ почти никакихъ другихъ сторонъ жизни, въ борьбѣ съ которыми могъ бы вполнѣ выразиться типъ лишняго человѣка.—Такимъ образомъ Тургеневъ обратился къ изученію русской жизни и съ тѣхъ поръ до настоящаго времени является единственнымъ писателемъ, который, прислушиваясь къ явленіямъ жизни нашей, умѣетъ выразить ихъ въ своихъ художественныхъ созданіяхъ.

Главнымъ послѣдователемъ Гоголя былъ Достоевскій, одинъ изъ современныхъ писателей. Свое литературное поприще Достоевскій началъ двумя повѣстями: Бѣдные люди» и «Двойникъ». Первое произведеніе изложено въ формѣ писемъ; героемъ его является бѣдный чиновникъ Макаръ Дѣвушкинъ, личность котораго напоминаетъ собою героя повѣсти Гоголя «Шинель». Достоевскій, изображая бытъ бѣднаго чиновничества въ лицѣ Макара Дѣвушкина, проводитъ ту мысль, что въ средѣ людей забитыхъ, искалѣченныхъ подъ вліяніемъ мелочной и ограниченной жизни, могутъ проявляться возвышенныя и благородныя чувства. Бѣдный пожилой чиновникъ,—человѣкъ безъ всякаго образованія, но съ безконечно доброй душой, стремится улучшить положеніе бѣдной дѣвушки, находящейся среди развратныхъ людей. Помогая своей Варинкѣ (героинѣ романа), Дѣвушкинъ забираетъ впередъ жалованье, входитъ въ долги и, испытывая страшную нужду, ищетъ забвенія въ пьянствѣ. Самъ авторъ глубоко сочувствуетъ положенію своихъ героевъ, обреченныхъ на забитую жизнь вслѣдствіе неправильныхъ условій, сложившихся въ самой общественной средѣ. Въ этомъ случаѣ Достоевскій вполнѣ выразилъ тѣ гуманныя отношенія къ людямъ, которыми характеризуется литература, возникшая подъ вліяніемъ Гоголя. Какъ «Бѣдные люди»

напоминаютъ намъ Шинель Гоголя, такъ другое произведеніе Достоевскаго, о которомъ мы упомянули выше, тѣсно связывается съ «Записками Сумасшедшаго». Герой романа Голядканъ—самый обыкновенный человѣкъ, притомъ очень обидчивый и подозрительный. Ему все кажется, что его всѣ обижаютъ и желаютъ ему наносить всякаго рода оскорбленія, что очевидно указываетъ намъ на умственное разстройство героя. Названіе свое романъ получилъ отъ того, что Голядкинъ въ своемъ помѣшательствѣ воображаетъ въ себѣ самомъ присутствіе другой личности, въ которой авторъ олицетворяетъ тѣ практическія средства для успѣха въ жизни, которыя недоступны были для Голядкина. Нѣкоторые изъ тогдашнихъ критиковъ главнымъ недостаткомъ романовъ Достоевскаго считали ихъ растянутость, но источникомъ этой растянутости было стремленіе подробнѣе анализировать явленіе жизни. Произведенія Достоевскаго на первый разъ покажутся какъ будто вялыми по изложенію своему, но чѣмъ глубже вникать въ ихъ сущность, тѣмъ ярче обнаруживается талантъ автора подмѣчать въ жизни неуловимыя ея черты, воспроизводить душевный міръ героевъ и героинь. Психологическая сторона романовъ Достоевскаго особенно хорошо выразилась въ «Преступленіи и Наказаніи», принадлежащемъ къ такъ называемымъ уголовнымъ романамъ.

Подробнымъ-же анализомъ жизни отличается и первый романъ Гончарова «Обыкновенная исторія», сюжетъ котораго взятъ изъ жизни помѣщиковъ и чиновниковъ высшаго класса. Въ лицѣ героя Александра Адуева, авторъ изобразилъ намъ типъ мечтательнаго юноши, который повидимому стремится къ высокой цѣли, а на самомъ дѣлѣ является эгоистомъ. Адуевъ живетъ только чувствомъ, и хотя онъ получилъ университетское образованіе, но оно крайне мало подготовило его къ жизненной дѣятельности. Пріѣхавъ въ Петербургъ изъ деревни, гдѣ онъ, подъ вліяніемъ матери, значительно поизнѣжился, Адуевъ разсчитываетъ составить себѣ карьеру, но всегда старается скрыть это подъ видомъ какихъ-то для него самого непонятныхъ возвышенныхъ цѣлей. Авторъ очевидно подсмѣивается надъ тѣми мечтательными юношами, которые, вычитавши изъ книгъ массу выспренныхъ фразъ, воображаютъ себя великими людьми, признанными къ какой-то возвышенной миссіи. Въ лицѣ Петра Ивановича, дяди молодого Адуева, Гончаровъ изображаетъ практическаго

человѣка, который хотя и не можетъ считаться идеаломъ, но во всякомъ случаѣ выше молодаго Адуева въ томъ отношеніи, что онъ не обманываетъ ни себя, ни другихъ и откровенно сознается въ своихъ практическихъ стремленіяхъ. «Цѣль моей жизни, говоритъ онъ племяннику, успѣхъ, выгода, та же, что у тебя, Александръ, но ты не сознаешься въ этомъ, а я сознаюсь». Праздная мечтательность молодаго Адуева особенно обнаруживалась въ его любви къ Надинькѣ; они проводятъ время въ постоянныхъ свиданіяхъ, которыя сопровождаются безконечными разговорами о любви, и такъ какъ человѣкъ не можетъ исключительно ограничиться одною жизнію чувства, то разумѣется влюбленные надоѣли другъ другу. Надинька хотѣла, чтобы Адуевъ занималъ не только ея чувство, но и умъ, но къ этому герой романа былъ совершенно неспособенъ: онъ могъ мечтать, могъ воображать себя философомъ, но на самомъ дѣлѣ являлся въ этомъ случаѣ крайне несостоятельнымъ. Романъ Гончарова положительно принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ произведеніямъ нашей беллетристики; разговоры между дядей и племянникомъ, несмотря на свою длинноту, представляютъ собою страстные драматическіе споры, въ которыхъ хорошо выражаются характеры дѣйствующихъ лицъ; языкъ романа отличается необыкновенною чистотою и правильностью.

Литературное движеніе сороковыхъ годовъ обнаружилось не только въ беллетристикѣ, но и въ дѣятельности тѣхъ писателей, которые старались проводить новыя идеи путемъ критики и научной оцѣнки общественныхъ явленій современной и прошлой русской жизни. Къ періоду сороковыхъ годовъ относится полное развитіе двухъ литературныхъ партій: Славянофиловъ и Западниковъ. Эти партіи существовали и раньше, но ихъ полемика ограничивалась только вопросомъ о языкѣ и изрѣдка касалась внѣшнихъ сторонъ жизни. Какъ та, такъ и другая партія воспитывалась сначала на одномъ и томъ же принципѣ, который возникъ подъ вліяніемъ философіи Шеллинга. Идеи этого философа о томъ, что у каждаго народа есть свое самобытное призваніе, заставили русскихъ дѣятелей обратиться къ изученію своей народности. Начиная съ реформы Петра, русское общество развивалось подъ вліяніемъ западноевропейской цивилизаціи, которая совершенно была чужда народной жизни. Высшіе классы отдѣлились отъ народа, развитіе котораго шло своимъ путемъ. Пред-

ставители славянофильскаго ученія находили, что этотъ разладъ произошелъ вслѣдствіе реформы Петра, и что цивилизація Запада оказывала при этомъ весьма вредное вліяніе на развитіе русской жизни вообще. Они обратились къ изученію до-Петровской старины и стали въ ней искать идеаловъ для разумнаго развитія жизни. Къ партіи славянофиловъ принадлежали многіе изъ просвѣщенныхъ людей Россіи, которые, несмотря на свои нѣкоторые ложные взгляды, справедливо оцѣнивали вредную сторону русскаго европеизма и оказали громадное вліяніе на развитіе русской литературы и науки. Болѣе замѣчательными изъ представителей славяно-фильскаго ученія были: братья Кирѣевскіе Иванъ и Петръ, К. Аксаковъ и Хомяковъ. Иванъ Кирѣевскій въ нашей литературѣ извѣстенъ какъ авторъ статей, въ которыхъ онъ проводитъ общія начала славяно-фильскаго ученія. Петръ Кирѣевскій избралъ предметомъ изученія русскую исторію и народный бытъ: ему принадлежитъ собраніе произведеній народной литературы, которое издается еще и въ настоящее время. Хомяковъ (1804—1860) извѣстенъ не только своими научными трудами, но и поэтическою дѣятельностью. Кромѣ значительнаго числа стихотвореній, Хомяковъ написалъ еще двѣ историческія драмы: Ермакъ и Дмитрій Самозванецъ, въ которыхъ мѣстами встрѣчаются вполнѣ художественныя сцены. Въ нѣкоторыхъ изъ своихъ стихотвореній Хомяковъ приводитъ чисто славянофильскія мысли, какъ напр.: въ піесѣ Мечта, гдѣ поэтъ оплакиваетъ близкую гибель Запада. Хомяковъ былъ можно сказать главою школы. Владѣя энциклопедическими познаніями, онъ былъ притомъ замѣчательнымъ діалектикомъ и принадлежалъ къ самымъ дѣятельнымъ членамъ общества. Представители славянофиловъ касались въ своихъ разсужденіяхъ и вопросовъ относящихся къ исторіи литературы, такъ напр.: Аксаковъ написалъ довольно объемистое сочиненіе о Ломоносовѣ, въ которомъ и разсмотрѣлъ подробно его поэтическую дѣятельность. Славянофильское ученіе оказало вліяніе и на изящную литературу сороковыхъ годовъ; подъ вліяніемъ этого ученія была написана повѣсть Сологуба «Тарантасъ», вышедшая отдѣльной книгой въ 1845 году. Дѣйствующими лицами повѣсти являются два помѣщика: Иванъ Васильевичъ и Василій Ивановичъ, характеры совершенно противоположные. Иванъ Васильевичъ, сынъ богатыхъ родителей, воспитывался подъ руководствомъ иностраннаго гувернера и ничего не вынесъ изъ этого воспитанія. Иванъ Васильевичъ изъ числа романтиковъ, онъ воображаетъ

себя человѣкомъ, назначеннымъ для возвышенной цѣли; владѣя состояніемъ онъ ѣдетъ за-границу; посѣтивъ Германію, начинаетъ ругать нѣмцевъ, отправляется въ Парижъ, проводитъ тамъ время въ удовольствіяхъ шумной жизни, но скоро все это ему надоѣдаетъ. Непріязненые взгляды иностранцевъ на Россію заставляютъ И. В. обратиться къ своему отечеству и полюбить его. Онъ возвращается на родину, въ Москвѣ встрѣчается съ Васильемъ Ивановичемъ и они вмѣстѣ ѣдутъ въ тарантасѣ въ деревню. Авторъ приводитъ всѣ разговоры двухъ помѣщиковъ изъ которыхъ видно, что Вас. Ив. человѣкъ съ здравымъ смысломъ и хорошо понимаетъ, что Ив. Вас. мечтатель; что эти мечты о различныхъ усовершенствованіяхъ крестьянскаго быта такъ и останутся мечтами и не обратятся въ дѣло. Хотя Василій Ивановичъ не получилъ блестящаго образованія и не можетъ выражаться возвышенно и изящно, но его сужденія образецъ самостоятельнаго мышленія. Когда замечтавшійся Иванъ Васильевичъ говоритъ, что онъ намѣренъ изучать Россію въ отношеніи ея древности и народности, то простакъ Василій Ивановичъ совѣтуетъ ему бросить это занятіе, жениться и жить въ свое удовольствіе въ деревнѣ. Конечно, въ словахъ Василія Ивановича проглядываетъ иронія, но иронія безсознательная, высказанная просто въ силу здраваго смысла, а вовсе не съ преднамѣренною цѣлью поострить надъ мечтательнымъ романтикомъ. Въ самомъ дѣлѣ можетъ-ли человѣкъ, подобный Ив. Васильев. изучать Россію? Для этого нужно было учиться, нужно было пріучить себя къ труду, къ систематическому чтенію, а между тѣмъ въ Ив. Вас. ничего подобнаго не было и не могло быть Повѣсть Сологуба отличается необыкновенною живостью и умѣніемъ автора заинтересовать читателя разсказомъ о различныхъ приключеніяхъ, но его собственныя мысли отзываются враждебнымъ отношеніемъ ко всему иностранному и сантиментальнымъ взглядомъ на русскую народность. Говоря о томъ, что любовь мужика къ барину есть любовь врожденная и почти неизъяснимая, авторъ очевидно впадаетъ въ тотъ сантиментализмъ, въ который нерѣдко впадали славянофилы.

Партія, противоположная славянофиламъ, обратившись также къ изученію русской литературы и жизни, глубоко сочувствовала реформѣ Петра, находя, что сближеніе съ Европой было единственнымъ

средствомъ для будущаго развитія Россіи. Главнымъ представителемъ теоріи западниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и литературной критики сороковыхъ годовъ былъ Бѣлинскій. Его сочиненія, вышедшія въ 12 томахъ, обнаруживаютъ въ немъ человѣка, одареннаго глубокимъ эстетическимъ чувствомъ и основательно изучившаго всю исторію нашей литературы. Дѣятельность его не прошла безслѣдно для дальнѣйшаго литературнаго развитія; онъ имѣлъ многихъ послѣдователей, которые, воспитавшись на его идеяхъ, проводили ихъ въ своей литературной дѣятельности. Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій (1811 — 1847 г.) родился въ городѣ Чембарѣ, Пензенской губерніи, гдѣ отецъ его былъ уѣзднымъ лекаремъ. Во время пребыванія своего въ уѣздномъ училищѣ, и потомъ въ гимназіи, Бѣлинскій, хотя и мало успѣвалъ въ наукахъ, но былъ выше многихъ своихъ товарищей по развитію и уже тогда обращалъ на себя вниманіе, какъ юноша чрезвычайно начитанный и умѣвшій критически отнестись къ тому, что было предметомъ его изученія. Такъ отзываются о немъ бывшіе его наставники, такой же отзывъ о немъ былъ данъ и Лажечниковымъ, когда этотъ послѣдній по обязанностямъ службы ревизовалъ Чембарское уѣздное училище. Поступивъ въ Московскій университетъ, Бѣлинскій долженъ былъ скоро оставить его съ весьма неблаговидной аттестаціей. Это произошло въ 1832 году. Между тѣмъ онъ примкнулъ къ кружку молодыхъ людей, во главѣ которыхъ стоялъ извѣстный намъ уже Станкевичъ. Философскія и литературныя бесѣды, часто устраиваемыя въ квартирѣ Станкевича, оказали вліяніе на Бѣлинскаго, который, не зная нѣмецкаго языка, изучалъ философію подъ руководствомъ Станкевича, принадлежавшаго къ образованнѣйшимъ людямъ того времени. Въ 1834 году Бѣлинскій написалъ первую свою критическую статью подъ названіемъ «Литературныя мечтанія», которая и была напечатана въ журналѣ Молва, издававшемся Надеждинымъ. Статья эта сразу обнаружила критическій талантъ автора, который, хотя и слѣдовалъ сначала Полевому, и другимъ предшествовавшимъ критикамъ, но скоро однакожъ пошелъ по новому, самостоятельному пути. Съ этой поры Бѣлинскій принималъ постоянное участіе въ тогдашнихъ журналахъ, но никогда не подписывалъ подъ статьями своей фамиліи. Еще до появленія Бѣлинскаго на литературномъ поприщѣ русская критика имѣла своимъ представителемъ Полеваго, который, какъ извѣстно, съ запрещеніемъ

«Московскаго телеграфа» долженъ былъ прекратить свою дѣятельность. Въ тотъ же годъ началось изданіе журнала Библіотеки для чтенія, редакторомъ котораго долгое время состоялъ Ос. Ив. Сенковскій извѣстный въ нашей беллетристикѣ подъ именемъ барона Брамбеуса.

Сенковскій (1800—1858 г.) принадлежалъ къ числу ученѣйшихъ людей своего времени; помимо глубокаго знанія восточныхъ и новѣйшихъ языковъ, онъ имѣлъ обширныя свѣдѣнія въ наукахъ естественныхъ и политическихъ, и такимъ образомъ эта многосторонность свѣдѣній давала ему возможность быть редакторомъ журнала. Библіотека для чтенія имѣла громадный успѣхъ въ тогдашнемъ обществѣ; въ этомъ журналѣ читатели находили массу статей разнообразнаго содержанія, но критическій отдѣлъ далеко былъ неудовлетворительный. Сенковскій, какъ критикъ, пользуется несовсѣмъ лестною для него извѣстностью: его статьи, отличаясь большимъ остроуміемъ, неправильно оцѣниваютъ произведенія современныхъ русскихъ писателей. Не обладая эстетическимъ талантомъ, Сенковскій вооружался въ своихъ статьяхъ противъ такихъ писателей какъ Гоголь и напротивъ чуть не обоготворялъ Кукольника, находя, что драмы послѣдняго даютъ ему полное право стать наравнѣ съ Шекспиромъ. Высказывая подобныя мнѣнія, Сенковскій нерѣдко мотивировалъ эти мнѣнія просто расположеніемъ духа, а вовсе не убѣжденіемъ. Вотъ что говоритъ о Сенковскомъ Гоголь въ своей статьѣ «О движеніи журнальной литературы въ 1834 году»: Въ разборахъ и критикахъ г. Сенковскій тоже никогда не говорилъ о внутреннемъ характерѣ разбираемаго сочиненія, не опредѣлялъ вѣрными и точными чертами его достоинства: критика его была или безусловная похвала, въ которой рецензентъ отъ всей души тѣшился собственными фразами, или хула, въ которой отзывалось какое-то странное ожесточеніе. Она состояла въ мелочахъ, ограничивалась выпискою двухъ-трехъ фразъ и насмѣшкою. Ничего не было сказано о томъ, что предполагалъ себѣ цѣлью авторъ разбираемаго сочиненія, какъ оное выполнилъ, и если не выполнилъ, какъ долженъ былъ выполнить. Больше всего г. Сенковскій занимался разборомъ разнаго литературнаго сора, множествомъ всякаго рода пустыхъ книгъ: надъ ними шутилъ, трунилъ и показывалъ то остроуміе, которое такъ нравится нѣкоторымъ читателямъ. Наконецъ даже завязалъ цѣлое дѣло о двухъ мѣсто-

именіяхъ, сей и оный, которыя показались ему, неизвѣстно почему, неумѣстными въ русскомъ слогѣ. Объ этихъ мѣстоименіяхъ писаны имъ были цѣлые трактаты, и статьи его, разсуждавшія о какомъ бы то ни было предметѣ, всегда оканчивались тѣмъ, что мѣстоименія сей и оный совершенно неприличны. Это напомнило старый процессъ Тредьяковскаго за букву ижицу и десятеричное і, который въ послѣдствіи еще не такъ давно поддерживалъ одинъ професоръ. Книга, въ которой г. Сенковскій встрѣчалъ эти двѣ частицы, была торжественно признаваема написанною дурнымъ слогомъ».

Отзывы Сенковскаго о русской литературѣ распространяли въ обществѣ неправильное пониманіе поэзіи, какъ искусства, и такимъ образомъ необходимо было явиться человѣку, который бы разсѣялъ это непониманіе. Такимъ человѣкомъ и былъ Бѣлинскій. Несмотря на всѣ свои заблужденія, въ которыхъ очень легко впасть человѣку, занятому непрерывной умственной работой, Бѣлинскій первый далъ образецъ правильнаго пониманія поэзіи, первый ознакомилъ русское общество съ историческимъ ходомъ нашей литературы, наконецъ первый истолковалъ смыслъ произведеній: Пушкина, Гоголя и Лермонтова. Въ дѣятельности Бѣлинскаго главнымъ образомъ замѣчается два періода. Сначала, подчинившись вліянію философіи Гегеля, онъ является проповѣдникомъ такъ называемаго чистаго искусства; во второй періодъ своего развитія, Бѣлинскій приходитъ къ той мысли, что поэзія, не переставая быть художественнымъ творчествомъ, въ то же время должна тѣсно связываться съ жизнію. Эта точка зрѣнія на поэзію и выражена Бѣлинскимъ въ статьяхъ о знаменитыхъ представителяхъ современной литературы. Относясь всегда съ глубокимъ сочувствіемъ къ поэзіи Пушкина, онъ однакожъ опровергаетъ взглядъ послѣдняго на искусство, какъ на область, для которой должна быть чужда окружающая жизнь. Когда журналистика сороковыхъ годовъ стала нападать на Гоголя и его послѣдователей, Бѣлинскій явился ярымъ защитникомъ натуральной школы въ своей статьѣ «Русская литература въ 1847 году», напечатанной въ Современникѣ. Кромѣ рецензій, которыя всегда были въ рукахъ Бѣлинскаго, онъ оставилъ массу большихъ статей по поводу явленій современной литературы. Ежегодно Бѣлинскій давалъ статью, въ которой дѣлалъ обозрѣніе литературы за протекшій годъ, и надо сказать, что со смертью Бѣлинскаго наши журналы окончательно не видали на своихъ страницахъ

подобныхъ обозрѣній. Бѣлинскій не ограничивался одними литературными вопросами; такъ, по поводу выходившихъ тогда дѣтскихъ книжекъ, онъ высказалъ много дѣльныхъ мыслей о воспитаніи. Просматривая критическія статьи Бѣлинскаго, мы замѣчаемъ, что онъ часто повторялъ въ нихъ одну и ту же мысль, но подобныя повторенія были необходимы, такъ какъ ему приходилось давать совершенно новый взглядъ на литературныя явленія. Критическія статьи Бѣлинскаго, помимо ихъ образцоваго изложенія, всегда проникнуты глубокимъ сочувствіемъ къ дѣлу и потому онѣ оставили слѣды и въ послѣдующемъ развитіи русской критики. Вліяніемъ Бѣлинскаго вызвана была литературная дѣятельность А. В. Дружинина (1824—1864 г.), который выступилъ на литературное поприще съ повѣстью «Полинька Саксъ», напечатанною въ Современникѣ за 1847 годъ. Дружининъ, кромѣ того, извѣстенъ, какъ знатокъ англійскаго языка и литературы, какъ переводчикъ нѣсколькихъ трагедій Шекспира и, наконецъ, какъ авторъ многочисленныхъ критическихъ статей о русской литературѣ. Полное собраніе сочиненій Дружинина издано было въ 8-ми томахъ въ 1865 году.

Въ періодъ сороковыхъ годовъ русская литература значительно обогатилась переводными сочиненіями. Въ это время переведена большая часть романовъ: Вальтеръ-Скотта, Купера и Диккенса. Изъ переводчиковъ особенною извѣстностью пользуется Введенскій, переводившій романы Дикенса: Записки Пиквикскаго Клуба, Давидъ-Коперъ-Фильдъ, Домби и сынъ и другіе. Романы эти печатались преимущественно въ Отечественныхъ Запискахъ, издателемъ которыхъ былъ А. А. Краевскій. Переводы драматическихъ произведеній Шекспира печатались тогда въ журналѣ, издававшемся подъ названіемъ «Пантеонъ русскаго и всѣхъ европейскихъ театровъ». Изъ повременныхъ изданій замѣчательны: «Москвитянинъ» главнымъ сотрудникомъ котораго былъ професоръ С. Шевыревъ, авторъ «Исторіи русской словесности преимущественно древней». С. Шевыревъ (1806—1864) извѣстенъ какъ авторъ нѣсколькихъ критическихъ статей, которыя помѣщалъ онъ еще до изданія Москвитянина въ журналѣ «Московскій Наблюдатель». Дѣлая оцѣнку сочиненіямъ Гоголя, Шевыревъ находилъ, что главное ихъ свойство комизмъ и совершенно опускалъ изъ виду достоинство дѣятельности Гоголя, какъ писателя, воспроизводившаго жизнь въ разнообразныхъ ея проявленіяхъ. Слогъ

Шевырева всегда почти отличался возвышеннымъ и притомъ крайне риторическимъ характеромъ. Вотъ напр.: одно мѣсто изъ его статьи по поводу драмы Кукольника «Кн. Скопинъ Шуйскій»: Какъ часто, дочитывая послѣднюю страницу XII тома, которая такъ чудно рисуетъ русскій хаосъ междуцарствія, при послѣднихъ словахъ «Орѣшекъ не сдавался», вмѣстѣ съ картиною эпохи я воображалъ картину самого историка. Представьте себѣ его въ двадцатипятилѣтнихъ креслахъ, свидѣтеляхъ его труда неутомимаго; одинъ чуждый помощи, сильной рукой приподымаетъ онъ тяжелую завѣсу минувшаго, сшитую изъ ветхихъ хартій, и устремляетъ на великую эпоху Россіи глубокомысленныя очи, а другою рукою пишетъ съ нея живую картину, возвращая минувшее настоящему.... и внезапно хладная коса смертная касается неутомимой руки писателя на самомъ широкомъ ея разбѣгѣ... перо выпало изъ перстовъ, вслѣдъ за тѣмъ свинцовая завѣса закрыла отъ насъ Исторію Россіи — свинцовая, потому что, послѣ могучей руки Карамзина, никто до сихъ поръ не осмѣлился достойно поднять ее, хотя и были нѣкоторыя усилія... Славныя кресла Карамзина до сихъ поръ еще праздны, къ стыду нашей литературы».

Статьи Шевырева по поводу современныхъ явленій литературы встрѣчали оппозицію со стороны редакціи Отечественныхъ Записокъ, и эта журнальная полемика въ свое время оказывала вліяніе на литературное движеніе сороковыхъ годовъ. — Исторія Литературы также была предметомъ изученія въ то время; въ этомъ отношеніи замѣчательна дѣятельность Никитенко и Плетнева. Въ 1845 году Ал. Вас. Никитенко (род. 1805 г.), извѣстный русскій ученый, академикъ издалъ «Опытъ исторіи русской литературы», сочиненіе, къ которому сочувственно отнеслась современная критика. П. А. Плетневъ (1792 — 1865) вступилъ на литературное поприще въ 1818 году и, вскорѣ сблизившись съ представителями литературы Карамзинымъ и Жуковскимъ, преимущественно писалъ стихотворенія. Въ 1838 году онъ принялъ на себя редакцію журнала «Современникъ» и съ той поры окончательно посвятилъ себя наукѣ и критикѣ. Изъ большихъ сочиненій Плетнева извѣстны: Біографіи Крылова и Жуковскаго, остающіяся единственными въ этомъ родѣ литературы.

Конецъ.